

*Месть никогда
не прощает долги...*

Посланник тьмы

Э.М. Тейттенсор

Он был лучшим детективом. Пока не стал охотником. Спустя годы, легендарный инспектор Николя Лёнуар, стал сломленным человеком, проводя свои дни дома и выпивая по вечерам вспоминая кошмары прошлого. Десять лет назад, Лёнуар едва выжил в схватке с мстительным призраком Даркволкером, который наказывает тех кто осквернил мертвых. Однако Даркволкер не откажется так просто от своей добычи, и Лёнуар всегда знал что рано или поздно он вернется за ним. Когда Лёнуара вызывают на новое странное происшествие, он относится к работе с обычной апатией, пока не похищают его лучшего осведомителя, уличную сироту, Отчаявшись найти его молодого друга прежде, чем с ним случится ужасное, Лёнуар готов на все, чтобы поймать монстра, ответственного за преступления, даже если это значит идти прямо на оружие, которое принесет ему смерть...

Е.Л. Теттенсор

Посланник тьмы

Переводчики:

romanenkokarina, certain, alinok83, Vespida, Ivashkova, dinasmxl, Moni17, Luda8891, regina_di, Alex_Winter, spoison, tinamir, uvai

Редактор:

Александра Волкова (все главы), Екатерина Русакова (1-11 главы)

Морозным утром в предрассветный час кто-то копает землю. Он работает в одиночку, никем не замеченный и не услышанный. Все звуки растворяются в тумане, окутавшем надгробия, подобно смертному савану.

В небе висит ледяная луна. Ее холодный свет едва пробивается сквозь голые ветви дубов. Их тени расползаются по неровной почве плотным кольшущимся узором. Здесь он и наносит удар, вонзая лезвие лопаты в грудь земли и раскурочивая ее. Пар валит из нанесенной им раны, в то время, как он роет все глубже.

Копая, он бормочет себе что-то под нос. Сетует, что ему приходится находиться здесь, в окружении холода, сырости и смерти. Он не может понять, отчего именно ему выпала эта участь — разрывать погребенное, тревожить то, что уже решено. Он вздрагивает, стоит ему лишь подумать об этом. Он прислан сюда сделать поистине отвратительную работу.

Экстумация тела ребенка заставляла стечь кровь в жилах даже у него — человека, повидавшего на своем веку больше смерти, чем жизни. Но он продолжает все также копать. Ему хорошо платят, и к тому же, он не из тех людей, которые верят в Страшный суд. Он не может себе даже представить, что значит быть проклятым.

* * *

Сержант Брэн Коди подышал на свои руки, оживлённо потирая их в попытке согреться на утреннем холоде. Ему стоит носить перчатки. На этом чёртовом болоте всегда было сыро.

Окружённый болотами и разделённый рекой Чарен, Брейкенсвейл страдал от постоянного тумана, особенно поздней осенью, в дни, похожие на этот. Туману некуда было деваться в этой низине, окружённой тёмным лесом, подходящим к самому городу, закрывающим свет и приглушающим звуки.

Сквозь дымку были видны небольшие деревянные постройки среди деревьев. Их перекошенные крыши поросли мхом и покрылись плесенью. Обезображенные, они практически скрылись в окружающем лесу, похожие на бесформенные буро-коричневые кучи, спрятавшиеся от стыда за деревьями.

Взгляд не хотел задерживаться на этих разваливающихся лачугах, переходя дальше, подобно тому, как на улице отводишь взгляд от калек. В воздухе витал запах прелой листвы, дыма и удушливого запаха болота. Коди в который раз подумал, почему здесь всё ещё кто-то живёт.

— Ничего подобного никогда не происходило, — сказал священник, выдохнув морозный пар на воздух. — Деревня — тихое местечко. Мы все верующие люди. Поверить не могу, что кто-нибудь из Брейкенсвейла мог совершить такое зло.

У Коди не было необходимости смотреть на своего начальника, ведь он и так прекрасно знал, какое было выражение лица у Ленуара. Язвительная улыбка, сложенная из тонких губ, самодовольное выражение глаз над длинным носом. Коди видел его уже множество раз. На каждом месте преступления всегда был кто-то, обычно священник, кто утверждал, что преступником не может быть кто-либо из местных.

Но правда обычно оказывалась совершенно иной, так как в большинстве случаев преступления совершаются теми, кто был знаком с жертвой. Но гражданские не должны этого знать, кроме того, люди были в шоке. Коди считал, что они заслуживают

снисхождения. Инспектор Ленуар, напротив, даже не пытался скрыть свое презрение к ним.

— Да неужели? — беспечно спросил Ленуар. — Может, нам тогда и опрашивать в деревне никого не нужно? — Его хриплый голос как-то увеличивал сарказм.

Священник слегка покраснел.

— Я всего лишь имел в виду, что ни один из моих прихожан не мог беспокоить это дитя. Именно поэтому вся деревня пришла на его похороны!

Инспектор проигнорировал это. Повернувшись к отцу, он спросил:

— У вас есть враги, сэр? Кто-нибудь хотел вам навредить?

Отец медленно покачал головой. Жену он придерживал за плечи. Женщина перестала плакать, но, казалось, она вот-вот упадёт в обморок. Коди исподтишка изучал её, выискивая...

«А что, собственно, ты там ищешь?» — упрекнул его внутренний голос.

У родителей не было причин лгать. Если бы они хотели выкопать тело собственного ребёнка, им не нужно было это делать втихаря. К тому же, страдания женщины были искренни: бледная кожа, обтягивающая высокие скулы, заострённый нос и тусклые выцветшие глаза.

— Может, это ошибка? — начал священник. — Несчастный случай?

Ленуар тихонько хмыкнул. Опустившись на корточки, он поинтересовался:

— Когда выкопали могилу?

Он взглянул на небольшую яму, затем опёрся одной рукой о край ямы и спрыгнул внутрь. Земля под ногами отозвалась глухим звуком, как удар сердца.

— Два дня назад, — ответил священник. Ребёнка похоронили недавно.

— Он уже должен был начать разлагаться, — проговорил Ленуар. — Но для столь короткого срока запах разложения слишком сильный.

Мать всхлипнула, костяшки отца побелели, когда он сильнее её обнял. Коди бросил на начальника испепеляющий взгляд. Иногда ему было интересно, есть ли у Николая Ленуара хоть какие-нибудь человеческие чувства.

— Здесь свежие следы колёс, инспектор, — заметил Коди, главным образом для того, чтобы просто разрушить тишину.

— Возможно, по ним мы поймём...

— Думаете, на этой повозке приехал преступник? — вежливо спросил Ленуар.

— Думаю, да, сэр, и они могут нам сказать, куда тот уехал.

Инспектор пожал плечами.

— Конечно, если вы хотите, можете пройти по этому следу, но уверен, это никуда не приведёт. Он вылез из могилы, испачкав при этом край пальто землей. Коди не подал руку — если уж человек ведёт себя подобным образом, пусть справляется со всеми проблемами сам.

Ленуар привёл себя в порядок и продолжил:

— Даже если преступник был настолько глуп, чтобы оставить такой очевидный след, единственный способ проехать через лес — поехать на запад по дороге на Кенниан. Со вчерашнего вечера по той дороге прошли более десятка повозок, включая нужную нам. Ты потеряешь след прежде, чем начнёшь поиски.

Священник кашлянул, чтобы скрасить неловкость, которую, как он считал, испытывал Коди. Он мог не беспокоиться. Коди давно привык к унижениям со стороны Ленуара. Кроме того, инспектор имел на это право.

С Ленуаром было непросто работать. Это был совершенно невозможный человек: высокомерный, безразличный ко всему, угрюмый, ему стоило быть кем угодно, но не полицейским. Но он был чертовски хорош — если удавалось его заинтересовать делом.

— Если уж хотите что-то найти, сержант, придётся идти пешком, — сказал Ленуар, кивая на его ноги.

Взгляд Коди упёрся в отпечатки ног на свежевскопанной земле. Он заметил минимум четыре разных размера ноги, хотя может, их было и больше. Один из следов вокруг могилы был двухдневной давности. И как же они узнают, какие из отпечатков принадлежат похитителю трупа?

Ленуар ответил на невысказанный вопрос:

— Вот эти следы мы ищем.

Он присел на корточки рядом с отпечатком, который был почти скрыт другим и медленно провёл пальцем вдоль пятки.

— Сержант, видите, насколько этот след глубокий. Похититель — довольно крупный человек, он носит массивные рабочие ботинки, а не такую повседневную обувь как вы или я.

Коди ждал, когда Ленуар выразится конкретнее. Одно дело было определить вид ботинок, которые носил преступник. Совсем другое — найти владельца этой обуви.

— Сколько жителей в Брейкенсвейле, сержант? — спросил Ленуар, видя скептицизм Коди.

Коди задумался:

— Не знаю. Может, около двухсот?

— Максимум. Это самое малое поселение из Пяти Деревень. Две сотни. А сколько из них женщин и детей?

— Где-то две трети, инспектор, — предположил священник.

— Значит, около семидесяти мужчин, — подвёл итог Ленуар. — А в деревеньке такого размера обувь будут шить один-два сапожника, не больше.

— Да, только один, — подтвердил святой отец.

— Ну вот. А как вы думаете, помнит ли он, кто из жителей заказывал рабочую обувь нужного нам размера?

Коди почувствовал уже знакомое волнение, когда понял, что Ленуар прав. Это немного, но это была первая зацепка, способ сузить список подозреваемых до минимума.

— Нам измерить след обуви, инспектор, или привести сюда сапожника?

Руки сержанта начали подрагивать от предчувствия предстоящей охоты на преступника. Но прежде, чем он вошёл во вкус, Ленуар снова взял дело в свои руки.

— В этом не смысла, сержант, — произнёс он и принялся надевать перчатки, собираясь уходить.

От удивления Коди потерял дар речи. Отец, напротив, мгновенно рванулся вперёд, руки сжались в кулаки.

— Что значит, нет смысла? — Его голос дрожал от злости и Коди на мгновение испугался, что тот ударит инспектора.

Но Ленуар спокойно к нему повернулся, и на лице не было ни сожаления, ни стыда.

— Увы, сэр, мы не найдём человека, укравшего труп вашего сына. Это бесплодные попытки.

Отец произнёс сквозь сжатые зубы:

— Не вы ли только что сказали, что можете пойти по этим следам?

— Я сказал, что мы можем продвинуться в деле, если пойдём по следам. Но боюсь, недостаточно далеко. Размер ботинок довольно распространённый, думаю, мы найдём минимум десяток нужных людей в деревне. И это при условии, что наш похититель живёт здесь, что, как уверяет нас святой отец, невозможно.

Мать снова начала плакать, пряча лицо в носовом платке. Отец стоял перед Ленуаром, не двигаясь, трясаясь от бессильной ярости. Священник, не зная, что делать, просто устался себе под ноги.

— Но, сэр, — произнёс Коди. — Может всё-таки...

— Мы ничего не можем сделать, сержант.

Взгляд Ленуара остановился на Коди, и тот замолчал на полуслове. Внутри него закипал гнев, но он не позволит ему выйти наружу здесь, у всех на виду. Это было бы непрофессионально.

Ленуар повернулся к отцу:

— Мне действительно жаль, сэр, но пока вы не поймёте, почему кто-то решил украсть тело вашего ребёнка, надежды найти преступника нет. Никакой.

Затем обратился к священнику:

— Если узнаете что-то новое, вы знаете, где меня найти.

А затем он развернулся, прошёл мимо всё ещё трясущегося от ярости отца и направился через кладбище к выходу. Коди ничего не оставалось, как пойти за ним следом.

Их лошади были привязаны на дальней стороне церкви, довольно далеко от погоста. Удостоверившись, что их никто не услышит, Коди попытался протестовать.

— Инспектор, мне кажется, мы не правы, бросая это дело. Может стоит опросить жителей деревни?

— И потеряешь время, я уже говорил тебе.

Ленуар подтянул подпругу; его конь всхрапнул, выпуская облачко пара.

— Но, сэр...

Ленуар резко развернулся.

— Довольно, сержант! Подумай! Какой толк подозревать десяток людей, не имея мотива? Ты хочешь, чтобы я подключил весь Департамент полиции к этому делу? Проверять каждого подозреваемого, следить за их передвижениями неделями? Кто тогда останется патрулировать улицы Кенниана? Может, ты справишься в одиночку?

— Нет, конечно. Я просто...

— Я хочу сказать, что ты, в первую очередь, руководишься чувствами, а не фактами. Да, то, что случилось, не может не тревожить. Но, с другой стороны, это преступление не важно. Это кража, к тому же не крупная. Это, конечно, горе для родителей, но из-за чего им действительно надо переживать, так из-за того, что их ребёнок погиб, и мы тут помочь не можем. Я не буду тратить напрасно ресурсы Департамента ради того, чтобы доказать бесполезность подобного расследования.

Сказав это, он запрыгнул в седло и поскакал прочь, не обращая внимания на холодный взгляд Коди, устремлённый Ленуару в спину.

Николя Ленуар прогуливался по главной улице Кенниана. Руки были спрятаны в карманы длинного пальто. Неторопливое движение выдавало человека без цели. Нет, это не то же самое, что не иметь желаний, которое для него было главным: приходиться в трактир с громким названием «Придворный», который он любил посещать по меньшей мере пять раз в неделю. Это было не самое удобное место для него. Ленуар жил более двух десятков кварталов к востоку, в тесной и не убранной квартире, которую он старался как можно чаще избегать.

Но тучный повар, который руководил всем на кухне «Придворного», был единственным во всех Пяти Деревнях, кто мог впечатлить Ленуара своим стейком. Заказывать непрожаренный стейк где-то ещё было подобно тому, как идти на приём к суеверному мяснику вместо врача. И хоть цена за говядину была заоблачная, мясо получалось мягким и сочным.

Несмотря на то, что Ленуар направлялся в сторону «Придворного», он не спешил. По правде сказать, он редко ходил быстро, давно не ходил, и уж точно не по вечерам. Он знал, что это не логично, но ему казалось, что чем быстрее он придёт и закажет ужин, тем быстрее закончится вечер и придётся идти спать. А сна Николя Ленуар старался избегать как можно дольше.

С одной стороны, не было ничего более удручающего, чем утро, с другой — не было ничего более осознанного, чем само утро. По крайней мере, когда он не спал, Ленуар представлял, что однажды жизнь примет другое русло, и он перестанет брести в бесконечном однообразии бесцельно идущего времени. Но он уснул, все закончилось, и начался новый день. Просыпаясь без стимула, желания куда-то идти, и что-либо делать, вполне можно было сойти с ума.

Вдобавок ко всему, недавно у Ленуара появилась и более важная причина бессонницы. Ему стали сниться странные яркие сны, и хотя утром он не мог вспомнить точно, о чём они были, учащённый пульс и мокрые от пота простыни были свидетельством их мрачности.

Всё, что он помнил о снах — Серле. Ему снились прекрасные галереи и мощёные булыжником площади, прелестные дамы в шёлковых развевающихся платьях и шляпках с кружевом. Иногда он вспоминал, как шёл по коридорам Префектуры полиции или мимо мрачных стен Форт Сеннин. А однажды он проснулся, ощущая на языке привкус пирога с клубникой.

Это утро было одним из самых мучительных, ему вспомнились тяжелые дни из прошлого. Обычно воспоминания были проще: запах лаванды или же соус, напоминавший гулянку. Он легко мог справиться с этими воспоминаниями, они были мимолетными и исчезали быстро. Но, когда он засыпал, в его разум вторгались мысли-убийцы, и всю неделю он прибывал в агонии, изо всех сил пытаясь выбросить из головы воспоминания о городе, где он родился. Серле наводила лишь тоску и боль. Он сблизился настолько сильно, как если бы он жил там. Его молодость, как и её красота, были утеряны, и у него больше не было желания вспоминать все это.

Ленуар не был любителем созерцать настоящее. Улица Кенниана — приятное место в городе, на ней проживали разные люди, и там было достаточно развлечений, но не сказать, что много. Её окружал поселок из пяти деревень, стоявших на болоте. Эта деревушка была

настолько провинциальной, что напоминала самые темные дни Кэсситарунской Империи*

Ленуару показалось странным, что жители Брейкенсвейла, Денота, Норт Хейвена, и Берривайна, жили вблизи космополитической столицы и все еще сохранили свою общину. Ему, как и любому другому жителю Кенниана, устав от улиц, некуда было улететь и отдохнуть от всего этого. В Брилэнде не было другого места, куда бы можно было отправиться. Он жаждал покинуть этот город с его странными вкусами, сильным акцентом и вернуться домой. Но не решался.

— Медяк за ваши мысли, мистер, — проговорил голос, прерывая размышления. Ленуар обернулся на звук, но не мог понять, откуда он прозвучал. Затем увидел едва различимую тень во мраке вечера, пробежавшую к выходу. Спустя пару минут перед глазами показался криво прибитый знак приюта. Ленуар удивился, что уже здесь. Вероятно, он шел быстрее, чем мог себе это представить.

Он сказал прямо в темноту у дверей:

— Если у тебя есть медяк, Зак, мне придётся тебя арестовать за кражу.

— Справедливо, — сказал мальчик, выходя на свет.

— А может дадите мне монетку, а я сделаю вид, что мне интересно, о чём вы думаете.

Ленуар окинул взглядом неряшливого мальчишку напротив. Тощий, непричёсанный и невымытый Зак, возможно, мог показаться жалким, если не приглядываться. Но, если присмотреться, то можно заметить цепкий взгляд глаз, хитрую ухмылку, и сразу становилось понятно, что это смышлённый и находчивый паренёк с улицы.

— Думаю, ты голоден, — сказал Ленуар.

— Конечно! — ухмыльнулся Зак.

— Но если ты украдёшь кошелёк, от меня помощи не жди — мне не нужны проблемы с хозяином «Придворного».

Ленуар резко кивнул.

— Идём.

Мальчик пошёл рядом с Ленуаром, натягивая на голову шапку. Он вырос из одежды на год точно, поэтому она не закрывала его так, как должна. Пока мальчишка возился с ней, инспектор в очередной раз поразился его росту — точнее, отсутствию последнего. Хотя Заку было десять, он еле доставал Ленуару до локтя. Образ жизни и редкие перекуски не дали мальчику вырасти, и сейчас он ростом походил на шести-семилетнего ребёнка.

— Было сегодня что-то интересное? — спросил мальчишка.

Ленуар пожал плечами:

— Да нет. Небольшое преступление, мотива никакого. Впустую потраченное время.

— Ты всегда так говоришь, — произнёс расстроившийся Зак.

Действительно, так и было — Ленуар не помнил случая в последнее время, который ему было бы интересно расследовать.

— Ладно, я тебе расскажу. Это была кража, но ничего серьёзного. Кто-то украл тело.

— Ты имеешь в виду «труп»? — глаза Зака округлились от удивления, а нос сморщился от отвращения. — Но зачем?

— Ты расскажи мне.

Зак взглянул на него.

— Это очередная игра? Я не очень хорош в них.

— Ты намного лучше, чем ты думаешь. Продолжай.

Он замолчал на секунду, обдумывая мысли.

— Чье это было тело?

— Мальчика, примерно твоего возраста. Он жил в Брейкенсвейле.

— Как он умер?

Вопрос привел Ленуар в замешательство:

— Я не знаю, — признался он.

— Наверное, надо было спросить.

— Это точно, Зак, ты делаешь успехи. Предположим, причина смерти не важна.

— Он был богат?

— Богат?

— Ну, может его похоронили с какими-то драгоценностями, — глаза Зака загорелись восторгом идеи.

Ленуар усмехнулся:

— По-моему, ты наслушался сказок. Его родители бедны. Они бы никогда не похоронили мальчика с чем-то ценным.

Зак наморщил лоб. Никто из них больше не заговорил, пока шли к «Придворному». Ленуар толкнул дверь, браслет его часов сверкнул в тусклом свете. Из помещения послышался грубый смех и звон посуды, и они почувствовали запах опилок и жареного мяса. Зак проскочил у Ленуара под рукой, поскольку тот всё ещё придерживал дверь, и скрылся в море богачей, а затем снова появился за свободным столиком. Когда Ленуар подошёл к этому столику, у Зака появились уже новые вопросы.

— В Брейкенсвейле есть ведьмы?

Ленуар моргнул удивлённо:

— Что значит «ведьмы»?

Иногда мальчик использовал слова, которым Ленуар не знал значения.

— Ну, это что-то вроде врачей из «Адали», которые практикуют магию, чтобы лечить людей. Я даже слышал, что они иногда используют для этого мертвецов.

Ленуар засмеялся. Иногда он забывал, что Зак всего лишь ребёнок.

— Наверно, ты просто ещё слишком мал и веришь в магию.

Мальчик обиженно нахмурился:

— Врачи «Адали» вылечивают смертельные раны с помощью ягод, слюны и измельчённых костей. Об этом знают все.

Ленуар повернулся на стуле и подозвал официанта. Сказал парнишке через плечо:

— У целителей из «Адали» есть дар исцеления, это правда. Но они древняя раса и путешествуют по всему миру. Естественно, они кое-чему научились.

Зака это не убедило.

— Они могут разговаривать с животными.

— Они животноводы, Зак. Это инстинкт, как у животных. Загадка — возможно, но не волшебство.

Они заказали вино. Ленуар знал, что Зак предпочитает эль, но мальчику придётся смириться с решением его покровителя. Ленуар никогда не признавал пиво.

Зак замолчал и они в тишине ждали, когда подойдёт официант с их заказом. Когда Ленуар произнёс:

— Рагу для мальчика, — у Зака вытянулось лицо.

Инспектор улыбнулся:

— Поблагодаришь меня, когда вырастешь.

Не было нужды говорить официанту свой заказ, он уже давно не заказывал ничего другого.

Когда еду принесли, Зак заглянул в чашку так, словно хотел увидеть на дне золото. Он поедал с такой скоростью, что его ложка залетала в рот до того, как он успевал ей зачерпнуть еще. Ему казалось это настолько невероятным, что еду он не жевал, а проглатывал. Это был удивительный паренек. Ленуар смотрел на него с тоскливым очарованием. Когда Зак закончил есть, Ленуар даже не прикоснулся к своему мясу.

— Кажется, ты прикончил свой ужин, — сказал Ленуар.

Вылизывая пустую чашку, Зак всё ещё не мог в это поверить.

— Надо придумать, чем тебя занять, пока я буду есть свой ужин. Ну, например, подумай и скажи о людях, которых ты видишь в этом помещении?

— Что вы хотите о них услышать? — Зак уставился на стейк Ленуара. — Я здесь никого не знаю, если вы об этом.

Ленуар отрезал кусочек мяса. Оно было пережарено, но все же съедобно.

— Так вот в чем дело, Зак, да, ты не знаешь их, но приглядишься и подумай, на кого они похожи. Посмотри на одежду, на их поведение и представь, о чем они говорят и чем занимаются.

— То есть, я могу придумать их историю?

— В общем-то, да. Ты ведь хочешь однажды стать инспектором? Решать загадки и побеждать преступников?

Его слова были встречены тишиной, поэтому Ленуар взглянул на мальчика поверх тарелки и увидел, что Зак надулся.

— Почему вы постоянно так делаете?

— Что делаю?

— Издеваетесь надо мной. Такое чувство, что я ищейка. Звучит, будто я ребёнок, собирающийся бежать и спасти принцессу.

Ленуар остановился, его вилка и нож зависли по обе стороны от его тарелки. То, что мальчик говорил, было правдой, он осознавал, что регулярно дразнил Зака из-за его желания стать инспектором. Ленуар знал, что должен быть польщен, ведь мальчик брал пример с него. Вместо этого его раздражало наивное представление Зака о работе полиции, в основном потому, что это напомнило ему о его собственных давних иллюзиях, иллюзиях, которые были жестоко и болезненно разрушены. Тем не менее, он делал мальчику плохую услугу, постоянно охлаждая его пыл. Вполне естественно, что Зак должен стремиться к чему-то большему, чем его положение в жизни. Не завидуй мечтам мальчика, Ленуар. Они будут украдены у него достаточно скоро.

— Ты прав, Зак, — сказал он, возвращаясь обратно к мясу. — Прошу прощения. Сейчас вернемся к нашему заданию. Хороший инспектор должен знать свое окружение, вплоть до мельчайших деталей. Он должен быть способен сказать любую вещь о человеке, лишь взглянув на него — чем он занимается в жизни, или, например, что-нибудь еще о его жизни, что может оказаться важным.

Зак поднял голову.

— Как?

Снова остановившись, Ленуар оглядывал комнату, пока не наткнулся взглядом на пару, ютившуюся вместе в заднем углу. Они были закрыты балкой, державшей потолок, но все равно слишком выделялись, по крайней мере для него.

— Видишь мужчину и женщину, сидящих в дальнем конце комнаты?

Зак проследил направление его взгляда и кивнул.

— Я вижу их.

— Она его любовница. У них роман.

Мальчик скептически посмотрел на него:

— Кто сказал?

Ленуар проткнул кусок мяса и обмакнул его в сок, который был в тарелке.

— Смотри, куда они сели, это худший стол здесь. В этом углу темно, он далеко от камина, что значит там холодно. Их трудно разглядеть из-за балки и бармену трудно их увидеть. Да и еще, глянь, как они одеты.

— Выглядят богато, — сказал Зак задумчиво. Эти наблюдения запали ему прямо в сознание. Уличные мальчишки, такие как он, могли обнаружить богатство очень легко, как ястреб находит змею в короткой траве.

— Слишком богаты, чтобы быть в этом месте. — Добавил он.

— Именно, — Ленуар улыбнулся. — Они пришли сюда, потому что здесь меньше шансов увидеть знакомых. Скорее всего они здесь прячутся от кого-то. И сидят близко друг к другу, они любовники. К тому же они разные по статусу. Да, она выглядит богатой, но это лишь из-за перчаток и меха на её шее. Ее платье не соответствует этим вещам. Мех и перчатки, скорее всего, подарок от любовника. Мужчина с его статусом никогда не женится на ней, да и он слишком стар, чтобы быть холостым. Вот... как-то так. — Он закинул аппетитный кусок мяса в рот и пошевелил бровями на Зака.

Мальчик в восторге засмеялся:

— Сделай так еще раз!

— Не сейчас. Теперь твоя очередь.

Зак оглядел с сомнением зал, полный посетителей. Его взгляд перебежал с одного на другого, подобно тому, как камешек прыгает по поверхности озера. Мальчишка не мог решить, кого же у него хватит сил описать. В конце концов, его внимание приковал молодой человек, склонившийся над миской похлёбки.

— Вот он, — твёрдо произнёс Зак.

Ленуар выжидательно поднял брови, и Зак начал.

— Он не богат, это видно по его одежде, голоден — посмотрите, как он ест.

Здесь он запнулся и посмотрел на Ленуара, ожидая вердикт инспектора.

— Продолжай, — сказал Ленуар.

Зак замолчал на минутку, наблюдая за молодым человеком, как и Ленуар. Юноша представлял собой жалкое зрелище. У него не было плаща, только потёртая рубашка, которая его явно не спасала от холода на улице. Волосы были сальные и спутанные, и каждый раз, отрываясь от тарелки, он проводил по ним руками, пытаясь причесать. И этот взгляд — взгляд загнанного зверя, рыскающий постоянно по помещению, выскивающий угрозу и ожидающий нападения. Зак удачно выбрал. Может он и не знал юношу лично, но выглядел тот знакомым.

— Он собирается сбежать, — сказал уверенно Зак.

— Сбежать?

— Бьюсь об заклад, у него нет денег, и он не сможет заплатить. Как только доест — даст дёру.

Почувствовав чей-то взгляд, юноша поднял глаза от тарелки, которая, как видел Ленуар,

была уже пуста. Молодой человек окинул взглядом зал трактира и встретился взглядом с инспектором. Мгновение они смотрели друг на друга и Ленуар понял, что Зак был прав. А секундой позже, как Зак и предвидел, юноша отодвинулся от стола и бросился бежать.

Парень неудачно выбрал столик. В трактире былолюдно и до двери далеко. Понятно, что прежде он так не сбегал. К тому моменту, как он подбежал к двери «Придворного», бармен уже перемахнул через стойку бара и стоял у выхода, сжимая кулаки. Юноша начал колебаться, на лице отразилась паника. Он попятился назад, но кто-то из посетителей толкнул его ногой под зад обратно к бармену у входной двери.

Бармен ухмыльнулся, хватая своими ручищами юношу.

— Ты выбрал не то место, чтобы красть еду, парнишка! — прорычал он и с лицом, искажённым злостью, швырнул его головой в дверь. Послышался отвратительный хруст и парень рухнул на пол. Но бармен на этом не остановился: он подхватил беглеца за ремень штанов, легко удерживая того на весу, и распахнул входную дверь, используя тело, как таран. Они оба скрылись за дверью.

Некоторые посетители с нетерпением побежали наружу, остальные же остались внутри, думая, что они уже это видели не раз, и ничего особенного там не случится. Ленуар оказался из их числа и продолжил есть свой стейк. Однако, когда Ленуар доел его, а бармена все еще не было, он вздохнул и встал.

— Подожди здесь, — сказал Ленуар Заку и направился к входной двери.

Зрелище было ужасным. Юноша стоял на четвереньках, кровь стекала по губам и подбородку, падая на землю. Лицо было разбито, а один глаз уже заплыл. Полузакрытые веки говорили о том, что парнишка скоро упадёт без сознания. Бармен стоял рядом, закатав рукава и кричал.

— А ну, вставай, кусок дерьма! Мы ещё не закончили!

Небольшая толпа зевак свистела и смеялась, выражая своё одобрение.

— Всё, хватит, — вмешался Ленуар, — ты его достаточно проучил, Барклай.

Бармен поднял глаза, недовольный, что его прервали. Когда он заметил Ленуара, недовольство сменилось разочарованием.

— Да ладно, инспектор, он же это заслужил!

— Не стоит его убивать. Он и так еле дышит.

— Да он чёртов вор! — возмутился Барклай. — Если я не преподам ему урок, завтра в моём трактире появятся другие. Может вы его тогда хотя бы арестуете?

Ленуар пожал плечами:

— И какой в этом смысл? Человек был голоден. Я могу бросить его за решётку на денёк, но он всё равно потом будет красть, чтобы выжить. Так зачем тратить время и деньги? Не поможет. Единственное, на что ты можешь надеяться, что красть он будет теперь у кого-то другого.

— Тогда дайте мне закончить, инспектор, и будете питаться бесплатно в моём заведении до конца месяца.

Ленуар снова вздохнул, склонив голову к лежащему, скрючившись в грязи, парню. Он был без сознания, но не умирал.

— Хорошо, у тебя пять минут. Но осторожней, Барклай. Если ты его убьёшь ненароком, мне придётся тебя арестовать.

Бармен ухмыльнулся. Он схватил за грудки юношу и поднял. Ленуар не стал дожидаться, чем это закончится. У него не было никакого желания смотреть на то, что

стоило месяц бесплатных стейков.

* * *

Над головой кружились звезды, как медленный каскад искр. Давно он уже не видел такой красоты. В жизни у него было мало ярких моментов, но они были подобно звездам, которые походили на него, он как и они — вечны. Они сопровождали его с самого начала.

Повозка тащилась с трудом. Он не знал, сколько продолжалось это путешествие — он больше не мерил время, как меряют его смертные — но он знал, что они ушли далеко. Куда бы гробокопатель не вез свой груз, это место далеко от того, где мальчик был похоронен. Земля, прилипшая к телу, некогда чёрная и влажная, высохла. Частицы её прилипли к левому глазу. Как-будто смотришь через грязное окно.

Правый глаз был всё ещё закрыт, но ему хватало и одного. Он не мог чувствовать, слышать, ощущать вкус или запах, но мог видеть. Он видел могильщика сквозь грязную пелену на левом глазу и уже приговорил этого человека к смерти. Он и сейчас мог его убить, но инстинкт ему подсказывал, что есть и другие, и он должен их увидеть.

Повозка дёрнулась и замерла. Через некоторое время небо перевернулось, так как его тело грубо вытолкнули из повозки. Он упал прямо в грязь. На какое-то время всё, что он видел, было землей. Затем его перевернули, и он увидел новое лицо. Незнакомец с явным беспокойством осмотрел тело, выискивая повреждения, даже несмотря на то, что ребёнок был уже давно мёртв. За его плечом третий человек что-то втолковывал могильщику, гневно тыкая пальцем в труп. Могильщик выглядел испуганным и смущённым.

Он запомнил все три лица — могильщика и двух новоприбывших — запоминая каждую чёрточку, чтобы узнать, когда придёт их время. А сейчас он подождёт. Возможно, здесь есть и другие.

Третий мужчина передал могильщику кошелёк и попрощался. Человек, стоящий над телом, отряхнул рыхлую почву с волос мальчика. Медленно, аккуратно закрыл левый глаз.

Это больше не имело значения. Он уже видел всех троих. И они теперь помечены.

Ленуар пребывал в отвратительном настроении, когда добрался до дома леди Зеры. Он не мог избавиться от мыслей о том голодном юноше. Эти мысли испортили всё наслаждение от выпитого вина, и инспектор боялся, что это неблагоприятно скажется на его снах. Ему надо было отвлечься, сделать что-то, что вытеснило бы все мысли из головы. Поэтому он и направился к Зере, как и в предыдущие ночи.

— Дорогой мой! — воскликнула она, когда Ленуар вошёл в комнату в сопровождении аккуратно подстриженного слуги. Она направилась к нему через толпу, поднимая руки в пышных рукавах, обнимая и целуя Ленуара в щеку. От неё слабо пахло жасмином, впрочем, как и всегда.

— Так чудесно видеть вас в этот вечер, инспектор. — Она улыбнулась, взяв его под локоть.

— Разве я мог не прийти? Было бы глупо с моей стороны пропустить вечер на самом выдающемся приёме в Кенниане.

Леди Зара засмеялась кристальным, звонким смехом.

— Ох, вы мне льстите, Николя. Проходите и знакомьтесь с моими гостями. Первый гость — лорд Киф, следом — мистер Джолен, он пишет научный труд о естественных недостатках человека, который наделал много шума, не так ли, мистер Джолен?

Ленуар позволил провести себя через комнату, улыбался, обменивался поцелуями, объятиями и сердечными приветствиями. Почти все гости уже были хорошо ему знакомы: большинство представителей местной элиты можно было встретить в стенах этой комнаты по крайней мере раз в неделю. Самые яркие персоны города, от художников и философов до дворян, занимали плюшевые сидения этих диванчиков, блистая красноречием в обсуждении великих идей или самых тривиальных сплетен.

Погреба Зеры всегда были полностью забиты вином, а слуги отлично вышколены, да и сама хозяйка была очаровательной и экстравагантной женщиной. Зера обладала таким обаянием и красноречием, что разговор в её присутствии лился так же легко, как и вино из её запасов в бокалы посетителей.

Ленуар расслабился уже после первого бокала. Для такого человека, как инспектор, всю жизнь посвятившего работе и слежке за людьми, в салоне леди Зеры было слишком много излишеств.

Сделав круг, Ленуар разместился возле изящного подоконника, с которого открывался вид на главную улицу, в темных стеклах окна его образ отражался в ореоле света ламп. Он выглядел измученным, бледным, как будто давно не отдыхал. И так оно и было. Так бы выглядел любой, кто не спал ни минуты вот уже почти неделю.

Он опустился на вышитые подушки кресла и поднес стакан к губам, разглядывая все вокруг. Большая часть комнаты была погружена в тень, что соответствовало склонности Зеры к приглушенному освещению. Это показывало ее квартиру в лучшем виде: мерцающий свет отображался на деталях декора в стиле барокко, представляя портретные рамки и вельветовые шторы в некоем мистическом смысле. Ее прекрасная обстановка выглядела дорого, роскошные рубинового и сапфирового цвета элементы обивки с золочеными зажимами с искусной резьбой.

Все же это было лишь счастливым совпадением. Настоящая же причина столь слабого

освещения заключалась в том, чтобы оставить укромные затененные уголки, в глубинах которых можно было бы скрыться от любопытных взглядов. То были места, где наиболее интересные гости задерживались, чтобы предаться порокам без помех.

Сладкий дым от курительных трубок лениво подымался к потолку, клубясь и накаывая, словно грозовые тучи над расслабленными курильщиками, которые остекленелыми глазами безучастно смотрели во мрак. Ученые горячо спорили, собравшись в группы по 2–3 человека, оживленно жестикулируя. Случайно повышенный голос привлекал внимание к их приглушенному шепоту. «Наверняка планируют революцию», — подумал Ленуар с кривой усмешкой. Если бы они только знали, что значит пережить революцию.

И потом, там, конечно же, были любовники незаконные и бесстыжие, флиртующие и дразнящие в отсутствии своих супругов. Все эти аморалы выглядели так по-светски в это время и в этом месте, где жизнь в избытке заключала в себе желание праздновать во всю.

По комнате пронесся голос, Ленуару показалось, что это был Джолин.

— Не стоит стыдиться мужских слабостей, — философ говорил со своего места в центре большой группы гостей. Зера, к которой, по видимому, его слова относились, театрально вытянувшись на кушетке, обмахивала себя шелковым веером ручной работы.

— Они имеют недостатки, да, — Джолин продолжил, — Но недостатки эти были созданы Богом, а, следовательно, они естественны, как наши тела. Они принадлежат нам.

— Но мистер Джолин, я думала, Господь не делает ошибок, — ответила леди Зера. Последовали многочисленные одобрения от других гостей, собравшихся послушать.

— Это только мое мнение! — искренне возразил Джолин. — Наши недостатки не являются ошибками. Они не были преднамеренными. Именно они делают нас нормальными, это то, что отделяет нас от божественного совершенства!

— Итак, — сказала Зера, — чтобы раскрыть их до конца нужно понять, что значит быть человеком. — Последовало еще больше шумного одобрения толпы, даже послышались робкие аплодисменты. Ленуар ничего не мог предпринять, но все же улыбнулся тому, как гости обожают леди Зеру. Ирония заключается в том, как островитянка, которая, в сущности, не является леди, может иметь столь большое влияние в политическом обществе Кенниана и неустанно его развлекать.

— Совершенно верно! — торжествующе воскликнул Джолин. — Вы отличная ученица, леди Зера. В окружении недостатков, мы празднуем дары данные нам Богом! И наоборот, пряча наши слабости, отрицая их, мы отвергаем волю Господа.

— Опасная концепция, сэр, — отрезал Ленуар. Все взоры тут же обратились к нему, включая Зеру. — Следуя этой логике, никто не должен демонстрировать сдержанность.

Джолин спокойно воспринял возражение.

— Вовсе нет. Необходимо всегда проявлять сдержанность. Смысл в том, что границы, которые общество полагает приемлемыми, изменятся, когда мы признаем естественные недостатки человека. Мы лишь должны проявлять сдержанность в пределах этих границ.

— Конечно, социальные границы могут размыться, — ответил Ленуар. — В сущности они уже изменились, или лучше сказать — значительно расширились. Но как же быть с границами, установленными Богом? Как быть с великим балансом судьбы?

Джолин нахмурился.

— Я не понимаю вас, сэр, — сказал он сухо.

— Я говорю о последствиях. О суде. И не суде человеческом, а о чем-то большем, более могущественном. Мы все будем призваны к ответу за наши деяния, к плате за совершенное.

Вы не можете избежать этого — судьба получит отмщение.

В то время, как Ленуар говорил, он чувствовал уже знакомую темноту, разрастающуюся внутри, он подавил невольную дрожь.

Джолин, тем временем, как показалось, подавил насмешку.

— Прошу прощения, инспектор, но боюсь, что я не верю в судьбу. Я верю в науку.

И семи словами он вернул свое внимание более благодарным членам собрания.

Опять чувствуя внезапный мрак внутри, Ленуар обернулся на кресле в поисках окна. На улице наблюдалось небольшое движение, похоже время уже позднее. Поворачиваясь обратно, его взгляд скользнул вдоль углового окна, показывая отражение в стекле: бледное лицо, свирепо глядящее зелеными глазами.

У Ленуара замерло сердце и он вцепился руками в кресло в приступе внезапного ужаса. Но видение исчезло так же внезапно, как и появилось, он понял, что это было всего лишь отображение двух маленьких рюмок с абсентом. Он обернулся в поисках Зеры с ликером в руках для него и с неизменной улыбкой на губах.

— У вас мрачные мысли сегодня, инспектор. — Она подала ему бокал.

Ленуар, не колеблясь, одним глотком осушил рюмку с абсентом, от обжигающего напитка на глаза навернулись слезы.

— Обычно абсент пьют маленькими глоточками, — сухо заметила Зера.

— Неужели? Принесите мне еще и я уверен, что сделаю все должным образом.

Улыбаясь, хозяйка подала знак одному из слуг, и еще одна рюмка была подана. Зера присела в кресло у подоконника, поместившись, таким образом, между Ленуаром и стеной. Она посмотрела на него золотистыми глазами, игриво повернув свое лицо к нему.

— Всегда смотрите на темную сторону вещей, Николя, — промурлыкала она и пригубила абсент из своей хрустальной рюмки. В свой бокал она добавила сахар и воду, что придало ему слегка мутный вид. Такова была мода, но Ленуар предпочитал чистый напиток. Он не хотел разбавлять цвет. Глотая обжигающую зелень, он чувствовал, что противостоит страху.

— Знаете, ведь все идеи Джолин полны неистовства, — сказала Зера. — Множество молодых учеников думают так же, как и он.

Ленуар фыркнул:

— Конечно, его идеи популярны. Они предлагают идеальное оправдание для снисходительного поведения, а это именно и есть на повестке дня, не так ли? — Он соответственно жестикулировал с рюмкой в руке, потом сделал глоток, наслаждаясь вкусом: сладким, лакричным, обжигающим.

— У вас воинственное настроение, Николя. Был трудный день? — Не дожидаясь ответа, она просунула свою руку под его. — Расскажите мне.

— Да нечего рассказывать. На кладбище Брейкенсвейла было незаконно выкопано тело мальчика, и никто не знает, куда забрали мальчика или зачем.

Зера задрожала.

— Ужасно! — прошептала она, приподняв прекрасные брови. — Кто-нибудь об этом слышал?

— Я слышал, — раздался голос.

Ленуар и Зера обернулись в сторону его источника- высокий, худощавый джентльмен сидел недалеко. У него было суровое лицо с недовольным выражением, как Ленуар понял, это был его обычный вид.

— Прошу прощения, что подслушал ваш разговор, леди Зера, — произнес джентльмен, вертя в руках трубку. — Это не было сделано намеренно.

— Ничего страшного, лорд Фейн, — сказала Зера любезно.

Фейн достал небольшой кожаный кошелек из кармана и начал набивать трубку табаком из него. Он не торопился, будто бы наслаждаясь интересом, вызванным его словами. Ленуар наблюдал за тем, как он играл со своей трубкой. Это была показная вещица с выгравированным фамильным гербом на ней.

— Несколько недель назад произошел подобный инцидент, — произнес Фейн после паузы. — Я очень удивлен, что вы об этом не слышали, инспектор.

Ленуар пожал плечами:

— Возможно, просто никто не сообщил в полицию. О многих преступлениях не уведомляют.

Фейн, все еще поглощенный подготовкой трубки, проворчал:

— В любом случае тело мальчика было похищено из Норт Хейвена. И никто понятия не имеет, зачем. Мой камердинер родом из тех мест, и он говорит, что вся деревня пребывает в шоке.

— Я в этом не сомневаюсь, — произнесла

Зера. — Какие чудовищные вещи творятся! Некоторые люди просто безумны.

— Действительно, — ответил Ленуар. Пока они беседовали, другие гости постепенно собрались и расселись вокруг подоконника. Зера редко оставалась долго без внимания своих поклонников.

— Говоря о безумии, — Зера повысила голос, чтобы получить преимущество над остальными. — Миссис Ханд недавно услышала восхитительный слух о нашем дорогом герцоге Ворики. Не расскажите нам, миссис Ханд?

Ленуар был поражен тем, как легко Зера изменила тему. Понятно, что она не была заинтересованная в угощении гостей ужасными историями о детских трупах.

Полная женщина с невероятно идеальными локонами взорвалась хохотом.

— Ну, — начала она затаив дыхание, — Очевидно, герцог находится в поиске новой жены! Мне сказали, что у него есть люди, которые составляют список всех незамужних женщин в Пяти Деревнях! — Она вновь захихикала, прикрывая губы кончиками пальцев, что выглядело так, будто она пытается их сдержать.

Послышался благодарный смех в ответ. Зера же со своей стороны скептически покачала головой.

— Вы можете себе представить, что он ищет вне Кенниана, — она обратилась ко всем находящимся в комнате, — хотя, быть может, он найдет приличную жену среди молочниц?

— Я вполне могу это представить, леди Зера, — сказал дворянин, чье имя Ленуар забыл. — Он может быть самым могущественным человеком в Пяти Деревнях, но даже тогда, какая нормальная уважаемая женщина возжелала бы получить его в мужья? Я подозреваю, что он будет должен найти хоть кого-нибудь, пусть и не из его круга.

Смех раздался громче. Ленуар предположил, что его светлость («Как же было его имя?»)- Ленуар не мог ясно думать из-за все возрастающего тумана в голове, вызванного ликером) прав. Лишь самая жадная и глупая женщина поспешит занять место последней жены герцога, чья смерть вместе с ее сыном была жестока и подозрительна.

— Что ж, я надеюсь, он преуспеет в этом, — сказала одна женщина. — Герцог снова должен создать семью. Это просто ужасно, как он страдал после смерти той, которую любил

так много лет назад.

— Тогда наверное не стоило их убивать, — возразил кто-то, провоцируя скандальный смех и крики. — Ужасно, Отвратительно!

Поскольку гости были увлечены беседой, Зера смогла вновь немного расслабиться. Она заговорчески склонилась к Ленуару.

— Сила сплетен, — прошептала она. — Разве это не сливки общества?

— Как я могу судить, объекты слухов далеко не всегда выглядят лучшим образом. Но, возможно, вы и сами могли бы так сказать — в последнее время о вас ходило множество сплетен.

Тень недовольства мелькнула в прекрасных чертах Зеры, но тут же исчезла.

— Значит, — произнесла она спокойно. — Вероятно, я содержу бордель и опиный притон полный революционеров и наркоманов.

Ленуар одарил ее кривой усмешкой.

— Цена успеха, моя дорогая. Рассматривайте это, как комплимент, достойный подобной славы.

— Комплимент или нет, но я была бы признательна, в самом деле, за информацию о том, кто стоит за всем этим. Вы можете узнать?

Ленуар негромко засмеялся, но Зеру было не удержать:

— Я говорю серьезно, Николя. Я очень много работала и слишком многим пожертвовала, чтобы занять свое место в обществе, и вовсе не для того, чтобы быть скомпрометированной злобной ложью. Я... уязвима.

— Зера, никто больше не считает вас адали..

Она гордо вскинула голову:

— Пока так, но это может измениться. Люди непостоянны, как вы хорошо знаете. Этим сплетням стоит только появиться, и я снова стану адали, дикаркой привезенной на прогулку в большой город, немногим лучшей, чем дрессированная обезьянка. Я не могу ослабить защиту ни на минуту. Я должна положить конец этим слухам. — Она сделала паузу. — Как на счет парня, о котором вы все время мне говорили — тот, что хорош в собирании информации по кусочкам? Он сможет узнать, кто распространяет эту отраву?

— Возможно. Я спрошу у него.

— Хорошо, — поднимаясь, ласково сказала Зера. — А теперь, прошу простить меня, я пренебрегаю гостями. — И она исчезла в толпе.

Встряхнув головой, Ленуар сделал еще один большой глоток ликера. Его сознание уже затуманилось, но минует еще много часов, пока он остановится. Лишь когда абсент в его рюмке начнет приобретать форму пары холодных зеленых глаз, он наконец-то встанет и неуверенно побредет домой, чтобы позволить себе наконец-то поспать.

— Я все равно не понимаю, почему они не доложили об этом констеблю, — сказал Коди, его пристальный взгляд скользнул вдоль галереи из белых тополей уже без листьев, обрамлявших дорогу на Норт Хейвен. Деревья не давали достойной защиты от холодных порывов, несущихся из холмов; ледяной ветер проносился в лесу, устрашающе завывая. Лошади опускали головы, противостоя холоду, они жадно наблюдали за убийством ворон, нашедших себе пристанище в ветвях деревьев, хлопая крыльями и каркая. «Должно быть рядом есть падаль,»-подумал Коди.

Ленуар ничего не ответил, так что Коди продолжил:

— Если бы тело моего сына было похищено, я бы хотел знать, кто это сделал и зачем.

— Возможно, есть определенные обстоятельства касательно этого инцидента, о которых жертвы не желают знать, — сказал Ленуар. — Или, возможно, констеблю все же сообщили, но он не поделился этой информацией с Департаментом Полиции.

— Я не могу понять причин. Может быть потому, что половина сил правопорядка коррумпирована, а остальные просто некомпетентны. — Коди тихо вздохнул, отгоняя от себя горькие мысли. Все было не так уж и плохо. Но становилось все труднее и труднее относиться к Департаменту Полиции Кенниана с оптимизмом, и работа с Ленуаром не сильно этому способствовала.

— Какими бы не были причины, сержант, мне бы не хотелось повторения вчерашнего инцидента. Если только кто-нибудь не обеспечит нас мотивом или хотя бы не даст нам ниточку к разгадке, вполне очевидно, что мы никогда не найдем тело этого мальчика. Место преступления довольно старое и следы давно пропали. Так что не слишком-то надейтесь.

— Господь велел нам не терять надежду, инспектор.

Их лошади достигли вершины холма и неуклюжие контуры Норт Хейвена возвышались над землей, как мертвец с могилы. Он падал и кренился на все углы, его сырая конструкция медленно уступала разрушительным действиям безжалостных местных зим. По мере их приближения впечатление от запущенности и пренебрежения только крепло. Разрушенные, высохшие глинобитные стены подпирали соломенные крыши зданий, поросших мхом. Жилища были отделены друг от друга бессвязными маленькими заборами из сплетенных палок. Главная дорога оставалась твердой и утрамбованной конскими копытами, знак того, что она редко использовалась телегами. Это не удивило Коди. Норт Хейвен был немногим больше Брейкенсвейла и столь же провинциальным.

Может быть это объясняло недоверчивые взгляды горожан, на которые они наткнулись. Пока они ехали по главной улице, люди оборачивались, пристально рассматривая их, и в этих взглядах сквозила угроза. Народ замолкал, когда они проходили мимо. Паршивого вида пес выпрыгнул из ближайшего двора и следовал за ними некоторое время, громко лая и хватая за копыта лошадей, пока Коди не кинул ему яблоко. В целом, это было не самое теплое приветствие.

— Вот почему горожане никогда не покидают Кенниан, — сказал Коди себе под нос. — Можно подумать, что мы оккупационная армия, смотря на то, как эти люди себя ведут. В чем дело?

— Вы сами ответили на свой вопрос, сержант. Горожане почти никогда не посещают деревень, а когда это случается, это не сулит ничего хорошего.

— Это из разряда курица-и-яйцо, не так ли? — сказал Коди, осторожно разглядывая кузнеца. Мужчина перестал работать, когда они приблизились, и было что-то угрожающее в том, как он держал свой железный молот.

Ленуар усмехнулся:

— Может быть, вы должны объяснить это им. Я уверен, они оценили бы вашу проникательность.

Констебль встретил их на сельской площади. Он выглядел неуверенным. И Коди смотрел на него неодобрительно. Преступление было незарегистрированным, это означало, что констебль был одинок в расследовании этого дела. Он докладывал еженедельно в Департамент Полиции, если преступление было серьезным. Ленуар говорил, что прошло уже несколько недель с тех пор, как украли тело местного мальчика. Либо констебль не знал об этом, или делал вид, что ему не докладывали о случившемся. Не одно из предположений не отражалось хорошо на его репутации.

— Доброе утро, инспектор. — вяло сказал констебль Брайер, принимая уздечку лошади Ленуара. — Ваше сообщение было загадочным и немного неожиданным. Посланник прибыл меньше двух часов назад, и у меня не было времени, чтобы узнать больше.

— Сообщение содержало достаточно информации, констебль, — сказал Ленуар. — Мы тут, чтобы расследовать преступление, которое должно было быть зарегистрированным, только вот когда? Как давно тело мальчика было украдено?

Брайеру с трудом удалось подавить нервную дрожь:

— Я ничего об этом не слышал, инспектор! Ваше сообщение меня сильно удивило.

Ленуар удивленно поднял брови:

— В самом деле? Это вызывает беспокойство, констебль, поскольку мне сказали, что вся деревня только и говорит об этом деле.

Брайер густо покраснел. Он открыл было рот, но, не зная, что сказать, закрыл его обратно.

— Тогда приступим, — сказал Ленуар, а Брайер в свою очередь покорно кивнул. Забрав лошадь, он направился на главную улицу.

В городке было три церкви: первая, которую они посетили, была не та, что им нужна, в чем местный священник их незамедлительно проинформировал. После они отправились во вторую церковь, пребывая в уверенности, что попали в нужное место. Эта церковь явно не казалась покинутой — с несколькими торговыми палатками у фасада и нескончаемым потоком прихожан, следовавших через главный вход. Это грубое каменное сооружение, глыбистое и безликое, чрезмерно заплетенное плющом, выглядело, как заброшенное надгробие.

Священник вышел во внутренний двор, чтобы встретить их.

— Я слышал, как вы проезжали по мостовой. В некоторой степени я вас даже ожидал. — Вид у него был утомленный, но вел он себя по-дружески, показывая, где можно привязать лошадей.

Спрыгнув с коня, Ленуар спросил:

— Что вы имеете в виду, говоря, что ожидали нас?

Священник вздохнул:

— Я знал, что это дело не сможет ускользнуть от внимания Департамента Полиции. Оно просто слишком ужасно.

— Тогда почему же вы не сообщили об этом? — резко сказал Брайер. — Мы могли бы

дать объявление о розыске!

Священник следил за Коди и Ленуаром со страхом- он, вероятно, задавался вопросом, арестуют ли они его.

— Можете ли вы представить какво это, когда что-то вроде этого происходит в вашей церкви? Мои прихожане должны думать, что это святое место, а не место зла. Я хотел сохранить этот инцидент между мной и родителями, но, тем не менее, это стало известно в Пяти Деревнях.

Брайер указал обвиняющим жестом на грудь священника:

— Это не вам решать, что делать! — Он сказал бы больше, но Ленуар поднял руку и констебль замолчал.

— Вы должны были бы знать, что это невозможно, Святой Отец. — сказал Ленуар.

— Очевидно, это так. С тех пор, как новость о краже стала известна, ни одна семья не приехала, чтобы похоронить своих близких. Они думают, что это место осквернено.

Ленуар нахмурился:

— Осквернено? — Либо он не знал этого слова, либо был поражен тому, насколько провинциальны эти люди.

В первом случае Коди нашел необходимым пояснить:

— Местные жители суеверны. Они предпочитают верить в сверхъестественное вместо того, чтобы прислушаться к доводам рассудка.

Лицо священника застыло:

— Ах да, конечно. Что ж, уверен, у вас уже созрело разумное объяснение всего произошедшего здесь. Семья мальчика без сомнений утешится тем, что лучшие умы Кенниана подключены к поискам тела их сына.

Коди почувствовал, что краснеет, когда священник отвернулся и направился в сторону кладбища.

— Так или иначе, сержант, я не думаю, что вы помогли междеревенским отношениям, — сказал Ленуар.

Священник показал им участок, где было тело мальчика.

— Тело было украдено ночью, конечно. Спустя только один день после похорон.

— Сколько ему было лет? — спросил Ленуар.

— Господь призвал его в девять лет, — в голосе священника звучала скорбь.

Коди был потрясён. Может ли это быть простым совпадением?

— Мальчику из Брейкенсвейля тоже было девять, инспектор.

Ленуар, казалось, не слышал. Он внимательно рассматривал место захоронения.

— Улики были уничтожены.

Священник был непримирим:

— Вы не нашли бы ничего, инспектор. Следы и работа лопатой — не более.

— Как этот парень умер? — спросил Ленуар.

— От лихорадки.

— А где его родители?

— Недалеко отсюда, — сказал Брайер, желающий помочь. — Я могу отвести вас к ним, если хотите.

* * *

Они провели в Норт Хейвене весь остаток дня, но так и не обнаружили ничего

стоящего. Так, по крайней мере, сказал Ленуар, но Коди считал, что они могли проглядеть что-то важное.

— Мальчики были одногодками, — заметил он на обратном пути в Кенниан. — Это должно что-то значить.

— С чего бы это? — безразлично поинтересовался Ленуар.

— Ну, это не может быть совпадением.

— Конечно, может, сержант. Вор трупа, очевидно, заинтересован в свежих органах тех, которые еще не разложились. Мне кажется, что мы имеем дело с философом такого вида, который использует тела в целях исследования. Он ищет мертвого ребенка, а потом выкапывает его. Два ребенка в возрасте девяти недавно умерли, таким образом, он выкопал двух детей в возрасте девяти. Это не имеет значения.

Как правило, Коди не видел большого смысла в спорах с людьми, которые уже приняли решение, тем более с Ленуаром. Но он не собирался сдаваться без борьбы.

— При всем уважении, инспектор, разве не вы учили меня тому, что каждая деталь имеет значение?

— А еще я учил не позволять себе завязнуть в них, — напомнил Ленуар. — Нужно учитывать мотив. Если вы не сможете объяснить, почему было совершено преступление, то никогда не раскроете его. Необходимо увидеть полную картину, историю, которая скрыта за ней.

— Но ведь именно это я и пытаюсь сделать! Может нет никакой системы, но может она и есть, и мы должны попытаться увидеть её. Созвездие или просто россыпь звезд — всё зависит от того, кто на них смотрит.

— Как же вы любите выдавать подобные избитые банальности в своём стиле, — усмехнулся Ленуар. — Вы хоть сознаете, каким романтичным глупцом выставляете себя?

Они погрузились в ледяное молчание.

«Если я и романтичный глупец, — думал с горечью Коди, — то ты ленивый ублюдок».

Ленуар не хотел видеть закономерности в происходящем — это значило бы выработать какой-то план действий, которому им пришлось бы следовать. Если догадка Коди верна, они могли бы дождаться подходящего случая смерти какого-нибудь девятилетнего мальчишки, а затем сторожить его могилу, пока не появится похититель. Только Ленуар, как обычно, не был заинтересован в расследовании.

Коди не знал, сколько еще он сможет справляться с гнетущим его разочарованием. Он намеренно просился служить именно под начало Николя Ленуара, потому что тот считался едва ли не живой легендой. В своё время Ленуар приложил много усилий, чтобы превратить полицейскую службу города в профессиональное подразделение. В сущности, он практически основал Департамент, перестроив его по модели прославленной префектуры полиции своего родного города Серлеса. Покончив с этим, Ленуар отважился на грубую, но эффектно успешную атаку против целого клубка криминальных сетей Кенниана. Вместе с сержантом Креарсом (ныне констеблем Креарсом) ему удалось разрушить крупнейшую в истории города преступную организацию, вернуть имущества на сумму почти в миллион крон и арестовать самого известного крупного босса города. В итоге, Креарс пошел на повышение, а Ленуар получил благодарность от лорд-мэра.

Но те дни уже давно остались в прошлом. Заполучив должность главного инспектора, Ленуар больше не видел необходимости проявлять себя. Он все еще участвовал в ловле крупной рыбы, но чаще просто создавал видимость деятельности. Блестящий следователь —

Коди не раз становился свидетелем вспышек его гения — Ленуар, по большому счету, был циничным и равнодушным человеком, и Коди подозревал, что это далеко не худшие его качества. Таким образом, вместо того, чтобы дать толчок его карьере, работа в качестве заместителя Ленуара вынуждала Коди топтаться на месте, не оставляя надежды на по-настоящему громкое дело. Просто потому, что Ленуар всегда сдерживал его порывы.

Только не на этот раз.

Коди нарушил молчание:

— Понимаю, этот случай, вероятно, не кажется вам достойным внимания, — сказал он с холодком в голосе, — но если вам все равно нет до него дела, я хотел бы заняться им основательнее.

Ленуар взглянул на него краем глаза с невозмутимым выражением лица:

— Как пожелаете, сержант, но это лишь пустая трата вашего времени. Вы ничего не найдете.

«Может и нет, — согласился в душе Коди, — но я, по крайней мере, хочу увидеть.»

Ночь уже предъявила свои права на окрестности Кенниана, когда Ленуар покидал Департамент Полиции. Холодный сырой туман растекался по улицам, словно яд по венам города. Пришлось поднять воротник пальто, чтобы защитить шею от холода. Ленуар все еще пребывал в дурном настроении, раздраженный плохо завуалированным Коди презрением. Насколько же жалко он выглядит в глазах этого сержанта! Можно подумать, какой-то щенок имеет право судить его, ловившего преступников уже тогда, когда Коди только готовился встречать свою первую зиму. Приторная любовь этого типа к закону отвратительна, а его амбиции были просто смешны, не будь они настолько патетичны. Коди искренне верил, что однажды сможет проявить себя. Борьба с преступностью. Спасать мир. Ленуар презрительно фыркнул, выпустив облачко пара. Однажды жизнь покажет сержанту, что она из себя представляет, и Ленуар мог только надеяться, что окажется где-нибудь поблизости, чтобы увидеть это своими глазами.

Подгоняемый злостью, Ленуар направлялся в сторону бедняцкого района. Нужно успеть перехватить Зака прежде, чем мальчишка устроится где-нибудь на ночлег. Это оказалось довольно просто: у Зака было несколько излюбленных мест, и Ленуар отыскал его во второй по счету таверне, в которую заглянул. Ему даже не пришлось заходить внутрь: Ленуар заметил Зака, кувырком вылетевшего на улицу, и хозяина, угрожающе нависающего над ним. В памяти невольно всплыл вчерашний случай в «Придворном» и настроение инспектора испортилось еще больше.

— Только попадись мне здесь еще, маленькая ты дворняга, и я перережу тебе глотку! — плечи мужчины дрожали от ярости. Он отвел ногу назад, словно намереваясь пнуть грудку грязного тряпья.

— Неужели? — снисходительно произнес Ленуар, выступая из темноты под свет уличного фонаря. — И кто же взвалит на себя ваши обязанности на время, пока вы будете в тюрьме?

Хозяин прищурился от света:

— Это еще кто такой?

— Инспектор Департамента Полиции Николя Ленуар, отлично вам знакомый, поскольку вы видели меня в своей таверне десятки раз, если не больше.

Губы трактирщика скривились в усмешке:

— Видел, как же, с этим вот маленьким воришкой на хвосте, — его толстый палец указывал на Зака, выпрямившегося и стоявшего теперь с вызывающим видом. — Не лучшая компания для полицейского.

— Моя компания — не вашего ума дело. Кроме того, чем вы можете доказать, что мальчик вор? Видели его крадущим что-нибудь?

— Одного моего клиента обчистили, а я видел пацана крутившимся поблизости достаточно долго, чтобы сказать, что без него тут не обошлось.

Ленуар остановился перед Заком:

— Выворачивай карманы!

Мгновение Зак изучал его лицо, но, убедившись, что инспектор серьезен, поступил, как было велено, засунув руки глубоко в карманы и выворачивая их наружу. Пустые они так и остались болтаться, словно уши хаунда.

— Видите? У вас нет оснований обвинять мальчика. И остерегайтесь, если я услышу, что вы дурно обращались с ним вновь.

— Ему вообще нечего делать в моём заведении, — ответил хозяин сквозь зубы. — Он не из тех посетителей, которым есть, чем расплатиться. Я имею право вышвырнуть его вон, если ему нечем платить.

— Ваша правда. — Ленуар кинул несколько монет в ладонь Зака. — Сходи и купи себе мясного пирога.

— Теперь-то ему есть, чем расплатиться, — бросил он трактирщику.

Дрожащему от гнева хозяину оставалось только стоять и смотреть, как Ленуар уходит вслед за Заком, с торжествующим видом входившим обратно в трактир. Спорить с инспектором городской полиции он не осмелился.

Зак улыбался до ушей, когда они заняли места:

— Это было невероятно! Совсем как в тот раз, когда мы только встретились. Помните?

— Конечно, только сомневаюсь, что тут есть, чем гордиться.

Ленуар не был уверен, сознает ли Зак, насколько близок он был к тому, чтобы распрощаться с жизнью. Не случись Ленуару оказаться возле Фиркина, когда тот выволок мальчишку на улицу, чтобы избить, Зак наверняка встретил бы там свой конец. По сей день инспектор не знал точно, зачем вмешался, или, по крайней мере, почему не заставил мальчика предстать перед лицом судьбы. Он объяснял себе это тем, что слишком уж много возни, связанной с арестом и судебным процессом, выходило из-за ребенка, который все равно закончит свои дни, болтаясь на веревке.

По правде говоря, Ленуар не завидовал воровской судьбе Зака — ни тогда, ни сейчас. Мальчишка был состряпан небогатыми людьми беднее многих в этом городе несчастных судеб, но это не могло заставить его опустить руки. Он мог бы поступить, как остальные, и болтаться без дела в приюте для сирот с утра до вечера, принимая подобную жизнь с вечно изнуренными монашками перед глазами, как нечто должное. Вместо этого Зак взял судьбу в свои руки, день за днем подвергая свои жизнь и здоровье немалому риску. Если он был достаточно боек, чтобы самому решать каким путем следовать в жизни, с чего бы Ленуару во что-то вмешиваться? Напротив, он был восхищен смелостью и приспособляемостью мальчишки. Пока Зак ограничивался мелкими преступлениями, Ленуар был достаточно спокоен, чтобы оставить его в покое, тем более, что мальчик уже доказал свою ценность.

Это, однако, не значило, что он позволит мальчишке обвести себя вокруг пальца. Он окинул Зака проницательным взглядом:

— Где?

Зак был сама невинность, но когда стало ясно, что Ленуар на эту удочку не попадет, мальчик улыбнулся:

— Под моей шляпой.

Ленуар вздохнул:

— Тебе следует быть осторожнее, Зак. В этой части города полно тех, кто, не раздумывая ни секунды, разнесет твой череп на куски.

— К счастью, у меня есть ты, чтобы защитить меня.

— С чего ты взял, что я прикрою тебя в следующий раз?

— Если нет, тебе придется искать кого-нибудь, кто станет добывать для тебя информацию, как я, а это не так-то просто.

Ленуар нехотя рассмеялся. А мальчишка знал себе цену! Это хорошо.

— В таком случае отработывай своё содержание.

Он махнул девушке за стойкой, и они сделали заказ. Пока они его дожидались, Ленуар перешел к делу:

— Скажи-ка, Зак, ты когда-нибудь слышал о леди Зере?

— Думаю, да. Это ведь она содержит бордель?

«Подозрения Зеры относительно её репутации оказались не такими уж беспочвенными», — проворчал Ленуар про себя.

— Нет, не содержит. На самом деле, она управляет довольно уважаемым салоном на главной улице.

— Что за «салон»?

— Это прием организованный кем-то известным своим вкусом.

— Вроде вечеринки?

— Что-то вроде того, вечеринка для богатых и изысканных людей, на которой они могут показать свои познания в литературе и философии.

— Звучит, как скука смертная.

Ленуар улыбнулся:

— Иногда так и бывает. Но талантливый хозяин позаботится, чтобы было достаточно хорошего алкоголя и иных компенсаций, способных скрасить вялый разговор. В таких местах к тому же модно показываться.

— А ты модный? — простодушно спросил Зак.

Ленуар поперхнулся вином:

— Конечно, нет, — сказал он, вытирая рубашку. — Но Зере это важно. Она одна из самых уважаемых хозяек города. Это не так уж мало, потому что ей выпало родиться адали.

Глаза Зака расширились:

— Правда? Она умеет колдовать?

— Брось, не сейчас, Зак, только не снова! Ты и сам знаешь это слишком хорошо, чтобы верить во всю эту суеверную чепуху. В твоём районе полно адали. Ну и сколько среди них ведьм?

Зак задумался:

— Почти все из них воры.

Ленуар поморщился от подобного обобщения, слишком оно было распространенным.

— Напротив, в основном адали — это обычный, законопослушный народ. Хотя это правда, что многие сворачивают на кривую дорожку. Жизнь тут сурова к ним. Адали, живущий в городе, отрезан от своего клана. Он беден и презираем всеми, поэтому устраивает свою жизнь так, как только может.

— Тогда зачем они сюда приезжают?

Ленуар замолк. Для своего возраста мальчик задавал на редкость проницательные вопросы. Возможно, из него выйдет неплохой инспектор. Вслух он ответил:

— Полагаю, они приехали, чтобы сколотить состояние. Возможно, кто-то из них не хочет пасти скот весь остаток своей жизни.

Так же многие из них занимались проституцией или иными формами продажи, на которые толкали рабов, но Ленуар не собирался знакомить Зака с темными реалиями жизни адали. Этот ребенок и сам неплохо знал, что такое быть нищим, отчаявшимся и преследуемым.

— Как бы то ни было, леди Зера многое сделала, чтобы отделиться от своих собратьев.

— Зачем?

— Потому что не хочет, чтобы о ней судили по соплеменникам. В Кенниане не любят адали, Зак.

— Потому что они воруют?

— Кроме всего прочего. Мало кто утруждает себя попытками представить жизнь в городских трущобах, чего стоит там выжить. Если бы они попробовали, то нашли бы нечто достойное восхищения. Вместо этого люди видят только чужеродное и пугающее и судят обо всей расе по худшим её представителям. Леди Зера не желает, чтобы её относили к ним. Она хочет укорениться тут, в городе, и до сих пор преуспевала. Она элегантна и изысканна, и её красота служит ей хорошую службу. Окружающие готовы закрывать глаза на тот факт, что она адали. Иначе она бы не смогла занять своё место в светском обществе. И это подводит нас к моему вопросу, Зак. Где ты слышал, что леди Зера содержит бордель?

Зак покачал головой:

— Я не помню.

— Мне нужно, чтобы ты держал ухо востро. Кто-то распространяет слухи о леди Зере, и я хочу знать кто.

Зак нахмурился:

— Скука. Кто станет волноваться из-за каких-то сплетен?

— А Зеру это беспокоит. В подобном деле репутация — это всё. Она сделала себе доброе имя, но остается адали. Нужно не так уж много, чтобы погубить её.

— Как же мне выяснить, кто пустил этот слух?

— Начни с других владельцев салонов, — посоветовал Ленуар. — Такие слухи обычно распускаются завистниками или конкурентами. Розыщи этих леди или их слуг. Если ничего не выйдет, поищи тех, кто ведет подобные разговоры. Возможно, стоящий за всем этим заплатил кому-нибудь, чтобы тот продолжал лить воду на мельницу.

Принесли заказанную еду. Она была наполовину холодной, а стейк из оленины на тарелке выглядел словно гигантский ржавый гвоздь. Ноздри Ленуара неодобрительно раздувались, но живот не был согласен дожидаться лучшего варианта. Инспектор оглянулся было в поисках вилки и ножа, и, не обнаружив их, остановил официантку.

— Зачем это? — спросила она, явно сбитая с толку.

— Чтобы поесть как цивилизованные люди, мадам.

Девушка закатила глаза:

— Чертов арренайский сноб, — пробормотала она, нетерпеливо удаляясь прочь.

— Чертова брайлишская варварша, — парировал Ленуар себе под нос.

— Ну, и когда я смогу увидеть леди Зеру? — Зак не стал дожидаться столовых приборов и погрузил пальцы в свой пирог.

Ленуар фыркнул:

— С чего бы это Зере могло захотеться увидеть тебя?

— Потому, что я неотразим, — последовал невозмутимый ответ.

Ленуар расхохотался:

— Зак, однажды ты станешь мужчиной, а мужчина должен знать своё место в этом мире. Не обижайся, но поверь мне, леди Зера никогда в своей жизни и на десять миль не подойдет к таким, как ты.

Шум пивной стал надоедать ему. Он привык к тишине на кладбище, к небытию, которое поселилось на нём. Это же место было живым. Свет резал глаза, смех нервировал. Он чувствовал жар, сидя тут в свете очага. Вокруг него все толпились, галдели и пили. Он хотел, чтобы все они ушли, все-все. Его опьянение только усилило раздражительность, и он знал, что если не уйдет в ближайшее время, то с кем-нибудь непременно подерётся.

Он был напряжен с тех пор, как покинул Брейкенсвейл. Повсюду, куда бы он не пошел, чувствовал враждебность людей. Он знал, что это должно быть плодом его воображения, но не мог избавиться от ощущения, что его вина была столь же очевидна, как борода на лице. Люди смотрели на него с укоризной, как будто они знали. Дети особенно — они выглядели напуганными каждый раз, когда он подходил, как будто они ожидали, что он причинит им вред. Он не мог долго задерживаться в людном месте, таком как это, он начинал потеть, уверенный, что в любой момент Департамент Полиции обрушится на него. Если они поймают его, он будет качаться за то, что сделал или хуже.

Могильщик резко встал, его стул царапнул по полу достаточно громко, чтобы привлечь взгляды других посетителей. Хлопнув несколькими монетами по столу, он схватил свой плащ и двинулся к двери. Снаружи было прохладно и тихо, и он глубоко, благодарно вздохнул. Его голова, казалось, немного очистилась. Он натянул свой плащ на плечи, его пристальный взгляд скользнул по человеку, стоящему в тени дверного проема. Он почувствовал мгновенное раздражение от того, что его одиночество должно быть прервано снова так скоро, но когда он поднял глаза от застежки плаща, человек исчез. Хорошо.

Он слегка покачивался, спускаясь вниз по улице, но его все равно некому было видеть. Было поздно, и окна, выходящие на улицу, были темны. Уличные фонари боролись с безлунной ночью, пытаясь хоть немного осветить его путь. И это тоже было в самый раз. Он всегда предпочитал оставаться во тьме.

Когда он шел, то смутно осознал, что звуку его собственных шагов эхом вторил другой звук где-то позади. Он обернулся и гневные слова уже готовы были сорваться с его губ, но там никого не было. Странно — он был уверен, что он что-то слышал.

Он свернул на узкую улочку. Нетвердый шаг вынуждал его всё время присматриваться к земле. На камни перед ним внезапно пролилась тень, расплывчато-черная, перетекающая справа налево. Он вовремя успел вскинуть глаза на крыши домов, чтобы заметить движение.

Он замер и мгновение не двигался. А затем воздух взорвался треском и хлопаньем, как будто стая голубей ринулась с карниза. Потрясенный крик могильщика перешел в череду проклятий по поводу грязных существах.

Впереди конец переулка был отмечен бледным светом от соседнего уличного фонаря. Но путь не был свободен: на фоне свечения вырисовывался стоящий человек. Это был тот же самый человек, понял могильщик, которого он видел в дверном проеме около пивной. Малая часть его лица была едва различима в темноте, но его глаза были видны хорошо, блестящие, как будто подсвечиваются изнутри. Они были странным оттенком зеленого, яркого, как у кошки, только еще более яркими.

Было что-то в тех глазах, что-то, что вызвало холодный осколок страха, скользнувший, как лезвие в бок могильщика. Он проверил свой шаг и повернулся, возвращаясь той же дорогой, повторяя свои шаги вверх по переулку. Он двигался так спокойно, как мог, стараясь слушать темноту позади себя. Послышались шаги, близко отзываясь эхом в узких границах переулка. Могильщик ускорил шаг, тщательно прислушиваясь. Конечно же шаги позади увеличили свой темп.

Ужас сдавил горло могильщика, и он бросился бежать.

Он старался держаться реки, делая случайные повороты в попытке сбить со следа своего преследователя. Но он не знал города, и скоро улица вывела его на мост. Мост был ужасно не защищен, но у него не осталось выбора: он был загнан, и наклонил голову во время своего короткого, но быстрого бега. Только, когда он достиг дальнего края моста, он поднял взгляд, и от того, что он увидел, его сердце замерло. Там, ожидая его на другой стороне, стоял человек с мерцающими зелеными глазами.

Это было невозможно, неестественно. Колени могильщика подогнулись, и он медленно опустился на землю.

— Пожалуйста, — рыдал он тихо, когда зеленоглазый человек подошел. — Пожалуйста.

Мужчина стоял над ним сейчас бесстрастно. Последней мыслью могильщика было то, что он выглядел, как ангел мщения.

Такой прекрасный.

— Брайер и я опросили большую часть города, — сказал Коди, — и никто не мог вспомнить, видел ли незнакомца до того, как мы прибыли. Но тогда, когда я готов был уже сдать, девушка-прачка сказала нам, что она видела мужчину-адали, который приезжал прежде ночью. Она не могла нам сказать о нем много, очевидно, она не видела его лица, но говорит, что он был одет в фиолетовый плащ с традиционной вышивкой для верховой езды. Довольно отличительный знак, не правда ли? Так или иначе она сказала, что уже было почти темно, когда он прибыл, таким образом, он должен был найти место, где бы расположился на ночлег.

Ленуар только наполовину слушал болтавню сержанта. Другая половина его внимания, более заинтересованная половина, была посвящена вращению медной монеты на поверхности стола.

Он позволял ей вертеться, пока она не начинала шататься, после чего он хлопал по ней ладонью и поднимал ее снова, заставляя снова вращаться движением большого и указательного пальцев. Он обычно не предавался такой суете, но эта рутинная с Коди продолжалась уже несколько дней и Ленуар был на грани помешательства.

Он напоминал сержанту сколько раз? дюжину? — что преступления, нераскрытые после первых двух дней, скорее всего, останутся нераскрытым навсегда. Но Коди не терял присутствия духа, выезжая в Брейкенсвейл или Норт Хейвен день за днем в бесплодных попытках найти какую-нибудь полезную подсказку в своих поисках вора трупов.

— Трактирщик утверждал, что не видел никаких адали, но, конечно же, он видел. Просто для бизнеса плохо, если пойдет гулять слух, что он позволил этим ребятам спать в его кроватях.

— Это одно из объяснений, — сказал Ленуар. — А другим может быть то, что он действительно не видел вашего адали.

Монета снова завертелась.

Коди нахмурился, поскольку он наблюдал ее успехи через стол.

— Ну, да... Таким образом, это известие является последним из Норт Хейвена. Кусочек из Брейкенсвейла еще интереснее: очевидно, могильщик с кладбища мальчика отсутствует. Никто не может точно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как он ушел — предполагаю, что по нему не скучали — но даже священник не может вспомнить, что видел его, с тех пор, как тело мальчика пропало.

Он помолчал, и казалось, что он ждет комментариев от своего слушателя. Но Ленуар просто хлопнул качающийся кусок меди ладонью. Коди вздрогнул, Ленуар мог видеть, как дернулись мышцы на челюсти сержанта.

— Не отвлекаю ли я вас от более важных вопросов, инспектор?

Ленуар встретился с ним глазами впервые с момента начала разговора:

— Да, сержант, отвлекаете. Также как и себя.

Коди медленно кивнул, его челюсть все еще была напряжена:

— Действительно. Так что, ничего из того, что я только что сказал вам, не имеет какого-либо значения?

— Ценность информации лежит в нашей способности понять это, определить ее значение. Иначе это — просто отвлечение внимания.

Ленуар склонился над столом, скрестив руки:

— А теперь скажите мне, сержант, каково значение того, что вы только что сказали мне? Ваш странник-адали в Норт Хейвене, ваш отсутствующий могильщик в Брейкенсвейле — что они означают? Как связан один с другим? Мы не знаем судьбы каждого из них, так как они помогут нам найти трупы?

— Я не... У меня не... — он сбился. — Мне просто нужно больше времени.

— Вы будете искать человека в фиолетовом плаще в Пяти Деревнях, Коди? Вы оставите свой поиск тел, чтобы вместо этого искать пропавшего могильщика? Начнете новое расследование, которое может быть, а может и не быть связано с тем, кого вы, предположительно, преследуете?

Лицо Коди покраснело и его руки сжались в кулаки. Ленуар знал, что сержант хочет ударить его, что он был в одном ударе сердца от прыжка через стол. Но как всегда, дисциплина Коди победила и только дыхание его стало длинным и прерывистым.

Ленуар поднялся из-за стола и взял свое пальто:

— Вы не получили здесь созвездия, сержант Коди, — сказал он, направляясь к двери, — и для вас настало время вырасти и перестать предаваться мечтам.

Он не стал дожидаться ответа, но оставил Коди сидеть в одиночестве в своем кабинете.

Его шаг был бодрым, когда он направился вниз по лестнице на первый этаж, где большая часть Департамента Полиции занималась своим делом.

Второй этаж был выделен для людей ранга Ленуара, а остальные разделяли общее открытое пространство на первом этаже, помещение, которое ласково называют «псарней».

Сегодня, как и всегда, здесь была активность, как в муравейнике; в городе такого размера как Кенниан было более, чем достаточно преступлений, чтобы обеспечить занятость шестисот с лишним «гончих». Большинство сержантов, караульных, писцов и остальных, которые беспорядочно кружили по псарне, были заняты мелкими преступлениями, для более серьезных дел были припасены инспектора.

Хотя Ленуар иногда завидовал более низким чинам по поводу простоты их работы. Он с нежностью вспоминал свои дни на улицах Серлеса, и как горожане смотрели на него, как на символ правосудия, рыцарскую фигуру, к которой они могли прибежать, когда они были в беде.

Гоняться за ворами, прекращать дуэли — так удовлетворительно, так несложно. Жизнь инспектора было не такой. Не в Серлесе, и не в Кенниане.

— Инспектор, — сказал голос, врываясь в мысли Ленуара. Молодой караульный приблизился к нему у подножья лестницы. — Сержант Иннес послал меня найти вас, сэр. Он в усадьбе Мерритона.

— Мерритон? — Ленуар нахмурился, бегло просматривая память, чтобы найти имя. — Хирург?

— Да, сэр. Он с каким-то дворянином, кажется, он сказал, что его зовут Арлейс? Как бы то ни было, его довольно сильно избили. Без сознания, лицо как куча консервированных слив.

Вздохнув, Ленуар кивнул. Посещение кабинета хирурга было однозначно неприятно. В лучшем случае это было место боли; в худшем — предлагало самые ужасные зрелища из всех, когда-либо виденных.

Ленуар с большим удовольствием смотрел бы на вскрытие, чем на работу цирюльника или хирурга. По крайней мере при вскрытии бедная душа, от которой отпиливали части,

была уже мертва. Однако, он должен быть благодарен за возможность сделать что-то кроме выслушивания того, что бубнит Коди о воре трупов, поэтому он поблагодарил караульного и направился к выходу.

Он прибыл к Мерритону и обнаружил именно то, что описал караульный. На хирургическом столе в центре комнаты лежал изысканно одетый мужчина среднего возраста, по крайней мере, Лемуар пришел именно к такому выводу; по правде сказать, возраст оценить было трудно, ибо мужчина был избит до такой степени, что стал практически неузнаваемым.

Его лицо было гротескно раздуто: толстые мясистые веки размером с кулак ребенка, потрескавшиеся губы, кожа, как палитра ярких фиолетовых и синих тонов. Хирург Мерритон навис над ним, тихонько насвистывая, и приставлял пиявки на ушибы бессознательного человека. Неподалеку сержант Иннес вышагивал взад и вперед, словно горгулья.

Иннес склонил голову в знак благодарности, когда Лемуар подошел.

— Доброе утро, инспектор. Я думал, вам лучше бы увидеть это, учитывая, что это парень дворянин и все такое.

— Арлейс его имя, — бодро выдал Мерритон. — Я уже вам говорил. Я довольно хорошо знаю его горничную.

И он возобновил свой свист.

Испытывая искушение прокомментировать эту деталь, Лемуар сосредоточился на текущей задаче:

— Почему вы не вызвали для него приличного врача? — спросил он Иннеса.

Мерритон остро взглянул, но решил держать язык за зубами.

Иннес, великан-людоед в теле человека, пожал своими массивными плечами:

— Не знаю, инспектор. Я нашел его недалеко отсюда, и он выглядел довольно плохо, так что я просто решил, что было бы лучше, если бы его осмотрели побыстрее.

— И совершенно верно, кстати, — сказал Мерритон. — Эти раны нуждаются в кровопускании немедленно, или темная кровь заразит его.

Лемуар подавил дрожь. За прошедшее десятилетие, или около того, он привык жить в Брайленде, даже с учетом того, что он был значительно менее развит, чем Арренес и другие цивилизованные страны на юге.

Но иногда он вспоминал, что эта небольшая страна была едва ли больше, чем сухопутный мост к диким землям за ней, и ничто не напомнило об этом так однозначно и грубо, как медицинские вопросы.

В ситуациях, подобных этой, он казался себе отброшенным назад во времени, к мрачным дням до Эпохи Пробуждения.

Кабинет хирурга больше походил на камеру пыток, чем на место исцеления. Инструменты ремесла Мерритона были выложены на длинном столе, как экспонаты в музее смерти: пилы, разделочные ножи, рашпили и устройства еще более зловещего вида, о назначении которых Лемуар не мог даже начать догадываться.

Гнилостный запах висел в воздухе, неопределенно напоминая о бойне в жаркий день, как будто сильный запах гниющей плоти каким-то образом просочился в самые половицы. Или, возможно, запах исходил от запачканного кровью тростника, разбросанного под хирургическим столом. Эта мысль заставила желудок Лемуара сжаться.

Он повернулся к Иннес, который лениво отмахивался от мухи, жужжащей возле его уха:

— Он был без сознания, когда вы его нашли, сержант, или же он что-нибудь говорил?

— Ничего, сэр, но я нашел на нем это.

Иннес протянул распечатанное письмо, которое Ленуар взял. Письмо было очень простым: «во второй половине дня, время чая». Ленуар перевернул его и исследовал печать. Он сразу узнал фамильный герб, хотя он и был наполовину пьян, когда видел его в прошлый раз.

— Очень хорошо, сержант, оставайтесь с ним. Если он очнется в течение ближайших двух часов, узнайте, кто сделал это с ним. Если нет, приведите проклятого врача, понятно?

Иннес снова хмыкнул, когда Ленуар протолкнулся мимо хирурга, любовавшегося делом рук своих с тревожно удовлетворенной улыбкой.

* * *

Лорд Фейн заставил Ленуара ждать почти час. Возможно, он знал, почему инспектор пришел, и стремился вообще избежать беседы, но Ленуар думал, и это было более вероятно, что Фейн просто находил удовольствие в том, чтобы напоминать своим гостям о своем высоком ранге.

В любом случае выражение его лица, когда он, наконец, прибыл, не выражало ни нервозности, ни самодовольства, а лишь кислый взгляд, который был у него всегда, как будто ничто вокруг него не нравилось ему достаточно сильно.

— Как приятно видеть вас, инспектор, — сказал Фейн совершенно плоским голосом. Он прошагал через комнату к красивому креслу у очага, его рука анемически махнула Ленуару, приглашая сесть. — Могу ли я предложить вам пообедать?

— Вы очень любезны, сэр, но нет, спасибо. Я боюсь, что я к вам не со светским визитом.

Фейн выгнул коротко подстриженную бровь:

— В самом деле? Значит официальное дело? Как тревожно.

Ленуар отметил, что голос Его Светлости звучал бы более обеспокоено, если бы он сейчас нашел заусеницу на пальце. Фейн достал свою трубку, и Ленуар обнаружил, что второй раз рассматривает фамильный герб, которые демонстративно красовался на чаше трубки.

— Этим утром на улице был избит человек, очень жестоко, — сказал Ленуар, внимательно изучая выражение лица Фейна.

Бровь подскочила снова:

— Ужасно.

— Я полагаю, что вы знаете жертву, ибо, если я не ошибаюсь, он тоже является членом парламента. Его зовут Арлейс.

— А, да, — сказал Фейн, как будто Ленуар только что правильно определил вид растения. — Я хорошо его знаю. Великолепный парень. — Он выдержал взгляд Ленуара и больше ничего не сказал.

Ленуар уже знал, куда все это приведет. Фейн даже не потрудился спросить, как все это связано с ним, что невинный человек, или человек, склонный симулировать невиновность, сделал бы обязательно.

Такая уверенность у подозреваемого могла означать только одно: он считает себя неприкосновенным. Иногда это происходило потому, что подозреваемый считал, что не существует никаких доказательств, чтобы осудить его. Чаще, однако, когда дело касалось знати, это было потому, что они просто не боялись любых доказательств, которые могли бы

быть.

— Я хотел бы показать вам кое-что, лорд Фейн, — сказал Ленуар, вставая. — Можно?

Он посчитал молчание Фейна знаком согласия и подошел:

— Это письмо было найдено на теле жертвы. На нем ваша печать, но я думаю, что это, возможно, было написано кем-то другим из вашей семьи. Почерк вполне... женственный, вы согласны?

Фейн посмотрел на письмо, и впервые выражение его лица дало трещину. Это было едва различимо — слегка искривленные губы, почти незаметно раздулись ноздри — и все это исчезло в один миг. Но этого было достаточно для Ленуара:

— Я удивлюсь, сэр, если вы окажетесь человеком, позволяющим себя унижать. Должен сказать, что вы не кажетесь мне таким человеком.

Фейн овладел собой еще раз и улыбнулся, протягивая письмо обратно:

— А вы не кажетесь мне таким человеком, чей образ жизни может поддерживаться на зарплату инспектора. Мужчины таких скромных средств не часто оказываются посетителями салона леди Зеры.

Вот оно. Ленуар предполагал, что нечто подобное должно случиться: поведение Фейна подсказывало, что этого стоило ожидать.

Последовала долгая тишина, заполненная только бессловесным обменом между двумя мужчинами, уставившимися друг на друга. Через продолжительное время Ленуар сказал:

— Салон Леди Зеры — действительно место экстравагантности. Каждый из всех сил пытается соответствовать.

— Могу себе представить, — сказал лорд Фейн с мнимой симпатией. — Но кое-кто в этом не нуждается.

Еще одна полоса молчания. Наконец Ленуар повернулся и направился к двери:

— Я буду рассматривать этот вопрос, лорд Фейн. А до тех пор, держите своих людей подальше от Арлейса. Полагаю, что даже вам будет слишком обременительно позволить себе обвинение в убийстве.

* * *

Покровы мальчишеских век распахиваются навстречу солнечным потокам. Резкое изменение яркости света могло бы ослепить, если бы это только было возможно.

Но мальчик мертв и он не может ослепнуть, потому что по-настоящему не видит, не в том смысле, как живые. Вместо того, чтобы ослепить его, свет щедро открывает новые улики, и он тщательно их изучает. Он видит тех же двоих мужчин, которые приехали забрать тело.

Но есть и новые лица. Они говорят, все одновременно, их губы движутся в общем ритме. Пение? Молитва? Без звука, который бы вел его, невозможно сказать. Он знает все языки смертных, но он не может читать по губам.

Некоторые из обитателей комнаты находятся вне его поля зрения. Он может видеть движения их рук. Если бы они сместились совсем немного.

Подождите. Что-то не так. Только теперь ему пришло в голову задаться вопросом, как веки трупа оказались открытыми.

Он чувствует другое присутствие. Не там, но здесь, где не должно быть ничего, кроме пустой оболочки. Он тянется в пустоту и чувствует легкое прикосновение. Он не один.

Это длится лишь мгновение. Присутствие задерживается достаточно долго, чтобы

распознать здесь смерть, неправильность. Оно отходит, но не раньше, чем чувствует свою растерянность и печаль.

Оно пришло не по собственной воле. Оно было вызвано.

Прошли столетия с тех пор, как он чувствовал ярость, но сейчас он почувствовал её снова, густую, горячую и мучительную. Этого не должно быть. Это грех гораздо больше, чем то, что вызвало его сюда. Он жаждет выместить свой гнев на них сейчас, но здесь слишком много света, он бессилен. Неважно, говорит он себе. Они не смогут скрыться от него.

Он отомстит.

День начался плохо, и, казалось, что будет еще хуже. Лемуар проснулся от ужасной головной боли с горьким привкусом во рту — спасибо еще одному затянувшемуся вечеру у Зеры.

В квартире не было ничего съедобного — сыр пропал, а хлеб был чёрствым, поэтому он отправился в участок, не позавтракав. Там он был вынужден около часа выслушивать глупые предположения Коди, сопровождаемые сценой кровотечения от пиявок человека (на второй мысли, возможно, он порадовался, что не позавтракал.)

В довершение всего дворянин, ответственный за преступление, вообразил, будто молчание Лемуара можно купить: предположение, к его огромной досаде, совершенно необоснованное.

К тому моменту, когда вечер набросил темное покрывало на крыши, Лемуар уже буквально изошелся желчью. Фейн даже не стал дожидаться реальных доказательств, прежде чем решить, что откупиться будет самым простым выходом из ситуации. В глазах кого-то достаточно мстительного, это могло бы только прибавить делу привлекательности.

Лемуар чувствовал себя крайне мстительным.

Если Фейн думал, что добиться молчания можно легко, скоро ему придется убедиться в обратном. Но для начала Лемуару необходимы рычаги. Одно любовного послания недостаточно, чтобы убедить судью. В лучшем случае, оно предполагает наличие романа между леди Фейн и Арлейсом, но само по себе ничего не доказывает. Нужно что-то конкретное, нечто, что свяжет Фейна непосредственно с избиением. К счастью, у Лемуара уже была идея, как это нечто заполучить.

Он нашел Зака в «Маленьком Бочонке», той захудалой гостинице, где они познакомились. Мальчик бездельничал около очага с кувшином пива в руке (в каком адском огне он это взял?), пристально разглядывая комнату в поисках вероятной добычи.

Когда он заметил Лемуара, его лицо осветила широкая улыбка, и он с энтузиазмом замахал. Лемуар не мог отрицать, что почувствовал себя лучше, получив такой прием, даже если он исходил от жалкого маленького уличного полукровки. Видит Бог, немногие радовались в присутствии Лемуара.

— Что ты тут забыл, Зак?

Мальчик нахмурился:

— А вот и радушное приветствие.

— Тебе не идет этот вид оскорбленного достоинства, — сказал Лемуар, скривившись. — Предполагалось, что ты должен искать кое-что для меня.

— Так я этим и занимаюсь! Ты не можешь винить человека в том, что он делает перерывы время от времени. Там холодно, как в могиле Дуриана.

Лемуар не мог не согласиться. Даже в такой близости к очагу ощущалось, что часто открывающаяся и закрывающаяся дверь держала комнату в постоянной прохладе. Завсегдатели не придавали значения подобным вещам: большинство было слишком поглощено своими бокалами, чтобы обращать внимание на что-либо вообще.

«Маленький Бочонок» был одной из самых шумных таверн Кенниана: одна из причин, по которой Зака частенько можно было отыскать там. Пьяниц мало беспокоит кража их кошельков.

— В любом случае, — сказал Зак. — Что-то я не пойму, почему ты изображаешь такое удивление. Сам же пришел сюда меня искать.

— Да неужели? С чего ты это взял?

— Ты приходишь сюда, только если ищешь меня.

Ленуар хмыкнул:

— Очень хорошо, признаю твою правоту. Факт остается фактом, однако, твоё задание всё еще не окончено.

— Будто я сам не знаю. У меня ничего не выгорело, — Зак угрюмо посмотрел на кувшин в своих руках, будто в этом была его вина.

— Поручение, которое я тебе дал, не из простых, — согласился Ленуар. — Но ты не должен позволять себе унывать. Я очень рассчитываю на твои таланты.

Зак засопел, его раздраженное лицо скрылось за ободком кувшина.

Ленуар дорого бы отдал, чтобы узнать, кому из этих вертепных крыс могло прийти в голову дать девятилетнему мальчишке полный кувшин пива, но у него не было времени заниматься этим.

— Между тем, у меня есть другое задание для тебя.

— Хорошо, — осторожно ответил Зак, облизывая губы.

— Мне нужно, чтобы ты свёл меня с каким-нибудь амбалом.

— Амбалом?

— Бандитом, Зак. С тем, кто за деньги готов помахать кулаками.

— А, ясно. — усмехнулся Зак. — Теперь понятно. Я не в курсе уличных сплетен, но головорезы и наёмники моя специальность. Пойдём.

* * *

Ленуар притормозил, когда узнал переулок. Узкая, петляющая дорожка закончилась у небольшого дворика, окруженного двух- и трёхэтажными зданиями. Их тёмные силуэты выстраивались в полукруг, словно сборище пьяниц за игрой в кости. Это был тупик, и, значит, у Зака могла быть только одна цель- «Хромая гончая».

— Ты бываешь в подобном месте? — изумленно спросил Ленуар.

Зак обернулся, черты его лица были едва различимы среди теней. В переулке было темно, только жаровня во дворе перед ними давала размытое янтарное свечение. Колеблющееся пламя рисовало жуткие фигуры на штукатурке и балках фасадов лавок, давно закрытых на ночь.

— Иногда, — сказал Зак. — Это не так плохо, как ты думаешь.

— Я рад, это слышать, — пробормотал Ленуар, зашагав дальше.

Переулок вынес их в тесный квадрат, который сформировал границы владений «Гончей». Сам трактир расположился в дальнем конце, зажатый между двумя зданиями большего размера и пристально смотрящий на внутренний дворик, как криминальный лорд, который знает, что нельзя поворачиваться спиной к двери.

Пара жаровен горела по обе стороны от входа, отбрасывая отсветы на плотно закрытые ставни и тяжелую дверь. Выгоревшая вывеска, на которой было изображено подобие трехногой собаки, свисала со столба чуть выше дверного проёма, но это украшение было жестокой шуткой. Название трактира не имело ничего общего с охотничьими собаками.

Скорее всего, она появилась здесь после одного особенно неприятного инцидента, имевшего место много лет назад, в котором принимали участие сержант Департамента

Полиции, топор и крайне безобразная толпа.

Парочка крепко сбитых парней сгрудились возле одной из жаровен, будто бы грея замерзшие руки. Лемуар знал, что эти ребята караулят, высматривая среди прочих таких, как он сам.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Зак, — прорычал он, следуя за мальчиком через двор и проходя в двери заведения, пока караульные следили за каждым его шагом.

Место не было оживленным, по крайней мере по сравнению с такими крепкими заведениями, как «Маленький бочонок». Приблизительно дюжина столов разбросана по полу, большинство из них заняты неотёсанными мужчинами, которые играли в различные азартные игры — кости, карты, и что-то похожее на вариацию «весёлого дурака», только со стилетом.

Взгляд Лемуара падал на кинжалы и мечи, пистолы и арбалеты. Каждый человек в комнате был чем-то вооружен, и многие из них носили больше, чем один вид оружия, которое демонстрировали так, как будто оно было чем-то вроде символа статуса — впрочем, Лемуар предполагал, что именно так это и было.

Зак притормозил, осматривая комнату. Он уверенно улыбнулся Лемуару, но Лемуар заметил как его кулаки, то сжимались, то разжимались. Парень нервничал, несмотря на бахвальство. Это доказывало, что он был далеко не глуп.

— Сюда приходят, если хотят нанять убийцу, — сказал Зак шепотом. — Эти парни знают друг друга. Одни пришли с улиц, другие были солдатами. Тем не менее, будь осторожен — большинство из них пьяницы, и они не очень-то любят сыщиков.

— Ты об этом не говорил, — Лемуар цепко взглянул на мальчишку, и этот взгляд не предвещал тому ничего хорошего.

— Сколько времени это займёт? — Зак все еще обегал комнату глазами. Казалось, он искал что-то. Или кого-то.

— Я не знаю, — сказал Лемуар, пробравшись к бару.

Бармен и не подумал подойти к ним. Он по-прежнему стоял за стойкой и протирает стакан грязной тряпкой, злобно посматривая на Лемуара:

— Зря ты сюда пришёл, ищейка. Если ищешь смерти — так оно и будет.

— И как же ты интересно понял, что я ищейка? — спросил Лемуар с сарказмом. Он окинул взглядом своё тёмное пальто, аккуратные и скромные брюки, кожаные туфли. С таким же успехом он мог повесить на шею значок Департамента Полиции Кенниана.

Бармен, кажется, понял это. Он усмехнулся и фыркнул.

— Я здесь не затем, чтобы создавать проблемы, — сказал Лемуар. — Наоборот, я хочу сделать деловое предложение.

— Вот как?

Бармен отставил в сторону стакан и перебросил тряпку через плечо:

— Ну что ж, начинай.

— Мне предложили некоторую сумму денег, чтобы я смотрел сквозь пальцы на определенный проступок. — Лемуар немного забежал вперед, но этот кретин никак не мог узнать об этом. — Если я смогу поднять градус, я не сомневаюсь, что мне предложат еще более привлекательную сумму. Я готов расстаться с процентом в обмен на улики.

Бармен разразился трескучим хохотом:

— Ты, должно быть, думаешь, что я полный дурак, кореш. Ты думаешь, что ты — первая собака, которая придумала это?

Он покачал головой, все еще улыбаясь.

Ленуар обдумывал ответ, когда неожиданно у его локтя появился Зак, пригибаясь за барной стойкой, как будто защищаясь от от чьего-то взгляда. Мальчик был бледен и потел, и взгляд его выглядел затравленным. Все признаки его прежней бравады исчезли. Зак не просто нервничал, понял Ленуар, он был в ужасе.

Ленуар оглядел комнату, пытаясь сообразить, чем был напуган мальчик. Там было много кандидатов: вся таверна, казалось, смотрела на них, каждое ужасное лицо выглядело еще более угрожающим, чем предыдущее. Но потом один из них двинулся через комнату и Зак захныкал, как маленький ребенок, которым он и был.

Человек, должно быть, весил двести фунтов и, хотя он носил только единственный кинжал на бедре, у Ленуара было совершенно отчетливое впечатление, что ему ничего иного и не требовалось. Его нос был, очевидно, сломан несколько раз и неприятный шрам прорезал розовую траншею через его левую щеку. Он впился взглядом в Зака, пока пробирался между столами, сжав кулаки.

— Кто это? — прошептал Ленуар.

Зак с трудом сглотнул:

— Мой дядя. Пожалуйста, нам надо уходить. Прямо сейчас, инспектор.

— Твой дядя? Я думал...

— Пожалуйста! — всхлипнул мальчик и в его глазах был такой ужас, что Ленуар не смог ему отказать. Он схватил Зака за руку и направился к двери. Когда они вышли на улицу, он перешёл на бег, таща Зака за собой по длинному переулку, пока не решил, что они уже отбежали достаточно далеко. К счастью, никто их не преследовал.

Ленуар остановился чтобы отдышаться:

— Что это было?

Зак повернулся к нему и вытер лицо рукавом:

— Ничего, — сказал мальчишка угрюмо.

Ленуар тяжело вздохнул, глядя на него. Это было не то проникательное, хитрое создание, которое он привык видеть. «Иногда я забываю, что ты всего лишь ребенок, Зак».

— Разумеется, здесь что-то такое есть, — мягко произнес он вслух. — Ты сказал, он твой дядя?

Зак кивнул:

— Не родной. Он женился на маминой сестре. А когда они заболели — мама и тетушка — я жил с ним некоторое время. Это не было... он...

Зак замолчал, содрогаясь.

— Он тебя бил.

Ленуар понял, что он прав, по тому, как опустились плечи мальчика и затряслись пальцы. Он видел всё это, будто смотрел в зеркало.

Зак не ответил, но этого и не требовалось.

— Когда они умерли, он выгнал меня. И это было неплохо, правда, но... Я попал в беду, и к нему в дом пришли ищейки. И нашли что-то, чего у него быть не должно. После этого он какое-то время отсидел в тюрьме.

— Понятно, — сказал Ленуар, и ему действительно всё было ясно. — А ты знал, что он будет сегодня здесь?

Зак безутешно пожал плечами:

— Возможно. Он бывает здесь временами. Но я надеялся, что его не будет.

— Но ты знал, что это возможно. И всё равно пришёл сюда.

Зак снова пожал плечами:

— Тебе ведь надо было сюда прийти.

Он всё ещё избегал взгляда Ленуара, будто ему было стыдно.

Всего девять лет, а мальчик уже боится показывать слабость. Ленуар почувствовал укол жалости:

— Он пытался тебя найти?

— Не-а. Он сказал держаться от него подальше. Мол, если ещё раз увидит меня, я пожалею. — Зак нахмурился. — Будто мне хочется находиться рядом с такими, как он!

Ленуар прикрыл рукой глаза. Неожиданно он почувствовал, как устал за день:

— Уже поздно, Зак. Иди домой.

— А как насчёт амбала, которого ты хотел нанять?

— Забудь об этом. Увидимся завтра вечером и подумаем, что мы можем сделать с проблемой Зеры.

— Хорошо, — сказал Зак. — Увидимся позже.

Ленуар смотрел, как мальчишка бредёт, словно побитая собака, его тяготило чувство вины. Зак намеренно подверг себя опасности, даже не спрашивая, зачем. Скорей всего он считал, что Ленуар распутывает очередное преступление. А сделал ли он то же, если бы знал правду? Ленуар признавал, что тронут доверием этого мальчишки.

Завтра он должен будет загладить свою вину перед Заком.

* * *

— Вот, инспектор, — произнёс секретарь, положив на стол перед Ленуаром пачку бумаги.

— Ну наконец-то, — холодно ответил Ленуар. Секретарю понадобилось всё утро и добрая часть дня, чтобы всё найти.

— Простите, инспектор, — сказал юноша, покраснев, — но без имени... Мне пришлось пойти в городскую канцелярию, чтобы просмотреть все записи о заключениях брака, поэтому...

— На этом всё, — прервал юношу Ленуар. Секретарь сглотнул, кивнул и исчез.

Ленуар подтянул пыльную кипу бумаг к себе. Стопка была значительной, почти полдюйма толщиной, перевязанная бечевкой. Дядя Зака не был, очевидно, незнакомцем для Департамента полиции Кенниана. Ленуар ослабил бечевку и просмотрел надпись наверху первой страницы.

— Тэд Эклл, — пробормотал он вслух. Возраст тридцать два года, шесть футов два дюйма, приблизительно двести десять фунтов. Шрам на левой щеке. Определенно тот, кто нам нужен, подумал Ленуар. Секретарь хорошо сделал свою работу.

«Кража второй степени»- гласило обвинение на верхней странице. В помещении, принадлежащем Экллу, найдено имущество на сумму примерно двести крон, в том числе сорок фунтов изделий из серебра, два оловянных дверных молотка, различные ювелирные изделия, позолоченное зеркало.

Приговор: заключение в Форт Холд не меньше, чем на два года. Сравнительно мягкий приговор. Слишком мягкий, с точки зрения Ленуара. Эпизод был датирован тремя годами ранее.

Это означало, что Зак жил на улице, начиная с шести лет. Ленуар более или менее знал

об этом, но его губы все же мрачно изогнулись.

Он пролистал бумаги в нескольких случайных местах. Кража первой степени. Оскорбление действием. Попытка оскорбления действием. Каждый приговор нес тюремный срок. Казалось, что Тэд Эккл, провел столько же времени в тюрьме, сколько и на свободе... Ленуар вытащил нижнюю страницу. «Оскорбление действием»- гласило обвинение.

Экклу тогда было восемь лет. Он всю свою жизнь совершал преступления, он неисправим. Ему повезло избежать петли палача. Возможно, у него был покровитель, кто-то, кто заплатил судье, чтобы тот вынес более мягкий приговор.

У наиболее талантливых воров часто была такая защита, если они приносили устойчивую прибыль криминальному лорду, которому они служили. Когда они становились слишком неудобными, покровители от них отказывались или даже хуже. Судя по досье Эккла, он был на расстоянии одного обвинения от виселицы.

Он должен помнить об этом, подумал Ленуар. И если нет, мне придется напомнить ему.

Ленуар съел ранний ужин и отправился в приют. Он хотел получить фору на вечер, так как терпение Зеры истощалось.

Она ужасно давила на него в последний раз, требуя самых последних новостей по достижениям Зака. Слухи только набирали обороты за прошедшие дни, стали не только более частыми, но и более возмутительными.

У Зеры, как теперь говорили, было убежище для неудачников, которых она держала, как рабов, чтобы они служили для удовольствия гостей ее салона. Поговаривали также, что до вечера она держала их в клетке, используя опиум и другие отупляющие вещества, чтобы они были послушными.

Ленуар не представлял, как можно верить в подобную чепуху. Он нашел бы это забавным, если бы не возмущение Зеры.

Солнце только что село за черепичные крыши, когда Ленуар достиг приюта. Он стучал, и, когда дверь распахнулась, обнаружил, что смотрит вниз на крошечную монахиню, смутно напоминающую землеройку, ее глаза-бусинки и вздернутый носик ухитрились придать ей недоверчивый вид.

— Что он сделал на этот раз? — Огрызнулась она.

Ленуар моргнул, захваченный врасплох:

— Прошу прощения, сестра, вы неправильно меня поняли. Я ищу Зака.

— Я знаю, кого вы ищете. Что он натворил?

Ленуар не смог сдержать улыбку:

— Уверен, что он что-то натворил, но я здесь не за этим. Мне надо с ним поговорить, если вы позволите. Он... должен был кое-что сделать для меня.

— Уверена, что сделал, — сказала женщина недовольно. — Но его здесь нет. Я не видела Зака с самого утра.

Ленуар нахмурился:

— Это в порядке вещей?

— Да, хорошо если я некоторых из них вижу хоть три раза в неделю! А Зак обычно гуляет где-то неподалёку, по крайней мере, когда кормят.

— Вы знаете, где он может быть?

— Вы же инспектор. Почему бы вам самому не пойти и не найти Зака, а когда вы это сделаете, то можете сказать ему, что в следующий раз, когда он пропустит свою обязательную работу, при возвращении его ждет серьезная взбучка!

И с этими словами она захлопнула дверь перед носом Лемуара.

Он мгновение стоял на пороге, в изумлении уставившись на закрытую дверь. Потом повернулся, чтобы уйти. Он уже наполовину спустился по улице, когда услышал, что дверь снова открылась и босые ноги застучали по камню.

Он обернулся, за ним бежал маленький мальчик в одной ночной рубашке.

— Вернись мальчик. Ты же замёрзнешь.

Паренек, казалось, не расслышал:

— Господин, — сказал он, затаив дыхание, — Вы ищете Зака?

— Да.

— Если вы найдёте его, спросите, не могу ли я тоже пойти?

Лемуар с сожалением смотрел на мальчика.

— Почему ты хочешь пойти с ним? О тебе не плохо заботятся в приюте, не так ли? Что бы Зак не делал, не думаю, что это так весело, как ты думаешь.

— Но я хочу пойти с богатыми людьми, — захныкал мальчик. Он раздраженно стукнул по своему маленькому следу от ноги, комкая угол ночной рубашки в руках.

Лемуар прищурился:

— Богатые люди?

— С теми, с которыми ушел Зак. Я хочу, чтобы они и меня забрали.

— О чем ты говоришь? С кем ушел Зак?

— Я не знаю, но у них была карета, большая и причудливая. Он сел в карету, и они забрали его.

По шее Лемуара поползли мурашки от дурных предчувствий: этакое покалывание, которое он чувствовал всегда, когда что-то идет не так.

— Зак был знаком с этими людьми?

Мальчик пожал худыми плечами. Лемуар видел, что он дрожал.

— Скажите Заку, что я тоже хочу поехать, — сказал он снова, потом повернулся и побежал обратно в приют.

Из открытой двери высунулась рука и схватила малыша за рукав, втащила его внутрь, раздались строгие слова и дверь захлопнулась. Лемуар смотрел и не видел. Холодная тяжесть поселилась в его желудке.

Он мог бы назвать сотню предлогов, по которым Заку захотелось бы сесть в карету к незнакомцам. Он не мог, однако, придумать ни единой причины, по которой хоть кому-нибудь захотелось бы видеть его в своей карете.

На следующее утро Ленуар был уже уверен, что с Заком случилось что-то ужасное. Он провел бессонную ночь, думая о мальчике, снова и снова прокручивая в голове возможные варианты развития событий.

Рациональная часть его натуры подсказывала, что это паранойя, что выпивка и кошмары, и бессоница — мощнейший эликсир для подобных лихорадочных фантазий.

Но та же самая часть, которая провела его сквозь более чем двадцать лет полицейской работы, подсказывала так же, что он будет глупцом, если проигнорирует собственную интуицию.

Его захватили в карету. Мало кто может позволить себе настолько роскошный транспорт, и такие люди уж точно не разъезжают вокруг, подбирая бездомных сирот — по крайней мере, не с добрыми намерениями.

Это казалось настолько маловероятным, что Ленуару приходилось трактовать исчезновение Зака, как похищение.

Было бы естественно начать с дяди. Тэд Эккл даже не побеспокоился замаскировать свои дурные намерения в ту ночь: он открыто пошел за мальчиком на виду у всех в «Хромой гончей», включая инспектора Департамента Полиции.

Он легко мог последовать за Ленуаром и Заком от таверны, и проследить мальчика до самого приюта. Но следует признать, что карету было объяснить гораздо труднее.

Человек с достатком Эккла не мог позволить себе лошадь, не говоря уже о карете. Ленуар допускал, что он мог украсть ее. Или, возможно, если догадка Ленуара была правильной, и Эккл находился под патронажем богатого криминального лорда, у него мог бы быть доступ к карете через его патрона.

Но зачем ему такие хлопоты? Если бы Эккл выследил мальчика, он мог просто схватить Зака, без всяких ухищрений. Зачем утруждать себя приобретением кареты? Как, впрочем, и вообще воровать мальчика? Он мог бы расправиться с Заком прямо на улице.

Вопросы были один труднее другого, но Ленуар всегда считал, что в деле важнее всего мотив, особенно если он в итоге приводит к разгадке. У Тэда Эккла определённно мотив был — он ясно дал это понять в «Хромой Гончей».

Поэтому Ленуар схватил куртку и заряженный кремневый пистолет и направился к последнему известному месту проживания Эккла.

Бедный район был наполнен суетливой деятельностью даже таким ранним утром. Тележки, продающие хлеб и горячие пирожки, уже оживленно торговали, мясники, зеленщики и торговцы рыбой были заняты раскладыванием своих товаров в предрассветной мгле.

Ленуар придерживался центра улицы, несмотря на грязь. Это было легче, чем соревноваться за свободное место с дворниками, тачками и яблочными ящиками, и немного навоза на брюках было предпочтительнее риска получить из окна ведро помоев на голову.

Он держал путь между тихходными фургонами, тщательно выбирая, куда ступить, чтобы избежать лошадиного навоза и случайных ручейков стоков из уборной. Запахи — заманчивые и отвратительные — схлестнулись за господство над его носом. Он вскинул руку к лицу, чтобы защититься от всех них.

Он повернул на запад к улице Эккла; узкий каньон сокращал совершенно прямой путь

между отвесными обрывами фасадов многоэтажек с меблированными комнатами. Бельевые веревки сформировали провисающий навес от одной стороны улицы к другой и были похожи на потрепанные ярмарочные вымпелы.

Ленуар прошел под ними, скользя взглядом по номерам над ступенями домов, пока не остановился перед 56-ым — четырехэтажной трущобой с простым фасадом из серого камня. Он поднялся по ступеням и потянул дверь. Незаперто. Ленуар удовлетворенно хмыкнул и проскользнул внутрь.

Облупившаяся краска покрывала стены длинного мрачного коридора, усеянного пятнами сажи. В коридоре было пусто, но, казалось, что звуки и запахи наслаивались друг на друга: лязг кастрюль, шипящий бекон, плач ребенка, и сухой, жесткий перестук каблучков по полу. В воздухе плыли бесплотные обрывки разговоров, едва приглушаемые тонкими дверями квартир.

Где-то на втором этаже залаяла собака. Ленуар насчитал восемнадцать дверей, мимо которых он проходил. Восемнадцать дверей, но сколько окон? Немного, судя по плотности воздуха. Скученные, как крысы в трюме корабля. Внезапно, его собственная квартира показалась ему не столь уж тесной.

Он запыхался, пока добрался до квартиры Тэда Эккла на третьем этаже. Он сделал паузу, чтобы собраться, положил свой пистолет так, чтобы ручка явно торчала из бокового кармана пальто. Затем он постучал в дверь и стал ждать.

Ничего. После долгой паузы, он постучал снова. На сей раз, что-то за дверью зашаркало, и половицы под ботинками Ленуара закрипели.

— Ну? — пролаял грубый голос.

— Тэд Эккл?

— Кому нужен?

— Инспектор Ленуар из Департамента Полиции. Не вынуждайте меня ломать дверь. Это было бы несправедливо по отношению к вашему арендодателю — чистое бахвальство. Выбивать двери было заботой Коди, Ленуар не упражнялся в этом уже годы.

К счастью, Эккл не видел его через дверь, или, может быть, он купился на блеф Ленуара. Послышалось тихое проклятие и звук выскальзывающего болта. Дверь немного приоткрылась. Небритое, осоловевшее со сна лицо замаячило перед Ленуаром.

— Ты, — сказал Эккл.

— Именно.

— Чего тебе надо?

Ленуар изучал будто высеченную из камня фигуру перед собой. Было очевидно: попытки запугать Эккла физической силой бессмысленны.

Мужчина был тяжелее его по меньшей мере на пятьдесят фунтов — и все чистые мускулы, а костяшки его лап, сжимавших дверь, были сплошь покрыты шрамами. Ленуар мог бы воспользоваться пистолетом, но это лишь выставило бы его испуганным.

Так он от Эккла ничего не добьется. Вместо этого он принял в высшей степени скучающий вид. Нет ничего проще: Ленуара легче было застать с этим выражением лица, чем без него.

— Я здесь из-за мальчика, — произнес он.

Дядя Зака предпочел оценить ситуацию, прежде чем ответить. Его взгляд скользнул за плечо Ленуара, отметив отсутствие поддержки, затем остановился на кремниевом пистолете, выходящем из кармана Ленуара.

— Какого еще мальчика?

— Не тратьте моё время. Я занятой человек.

— Если ты о том маленьком куске крысиного помета, который я видел с тобой, с той ночи он мне на глаза не попадался.

— Да? — Ленуар приподнял одну бровь. — У вас, помнится, было к нему неотложное дело.

Шрам на левой щеке Эккла был темно-розовой впадиной, по форме напоминающей эфу¹ скрипки. Бутылкой по лицу, прикинул Ленуар, вероятно, в юные годы мужчины.

Когда он улыбался, как сейчас, шрам сжимался, как атакующая змея.

— Можно и так сказать. Он мне должен.

— Он вам должен или вы должны ему?

Улыбка Эккла сделалась еще шире и опасней:

— Оба.

— Вы получили свой долг?

— Еще нет, но получу.

— Вы удивительно откровенны для человека под подозрением. Вам приходило в голову, что я мог бы арестовать вас на месте?

Эккл фыркнул:

— За что? Он мой племянник — я имею полное право наказывать маленького мерзавца. Но так уж случилось, что я не видел его.

— А если я обыщу вашу квартиру прямо сейчас?

— Ты можешь попробовать, ищейка, но я спросил бы себя, а стоит ли это беспокойства.

Он нагнулся через дверной проем, давая Ленуару лучше рассмотреть его массивное тело.

Ленуар обдумывал, а не вытащить ли пистолет. Чтобы выиграть время, он сказал:

— Я хочу, чтобы вы поняли кое-что. У мальчика может быть информация о случае, с которым я работаю. Поэтому он довольно ценен для меня. Я был бы очень расстроен, если бы он был... нездоров.

— А мне какое дело?

Ленуар тонко улыбнулся. Эта улыбка не была столь же угрожающей, как горгулий оскал Эккла, но он надеялся, что она сделает свою работу.

— Я уверен, вы знаете, что у меня есть возможность сделать вашу жизнь чрезвычайно неудобной, или даже намного более короткой. Вы ходите по тонкому льду, Эккл, а в Департаменте Полиции я имею большой вес.

Глаза Эккла потемнели:

— Я сказал тебе, я не видел его с той ночи. Если бы я хотел сделать что-то с ним, то я уже сделал бы это к настоящему времени. Я знаю приют, где он живет. Я сказал ему держаться от меня подальше, но он не послушал. Мне показалось, что я должен напомнить ему об этом, и так я и сделал.

Ленуар следил за жестоким лицом Тэда Эккла. Он нашел многое, что ему не понравилось, но не нашел признаков лжи. И, что еще более важно, Эккл сказал правду — у него была возможность прийти за Заком в любое время после его освобождения из тюрьмы в прошлом году.

Зачем делать это сейчас, особенно зная, что легавый видел его преследующим ребенка ночь назад? Было бы невероятно глупо подставляться подобным образом, и он бы не пошел

на такое. Остается еще невыясненным вопрос с каретой...

Он не при чем, сделал вывод Ленуар с сожалением. Он не мог не принимать в расчет возможность в целом, но казалось маловероятным, что Эккл был вовлечен в это дело. Пришло время проследить другую нить.

— Держитесь подальше от Зака, — сказал Ленуар на прощание, — а то пожалеете.

Эккл ткнул в него пальцем:

— Держи его подальше от меня или сам пожалеешь.

Сказав это, он захлопнул дверь.

* * *

Следующей остановкой Ленуара был приют. Рассвет наступил совсем недавно, поэтому он не был удивлен, когда ему открыла дверь монахиня, с которой он говорил прошлым вечером, одетая в ночную рубашку.

Она искоса посмотрела на Ленуара заспанными глазами с абсолютно неодобрительным выражением на лице.

— Это должно быть важно, инспектор. Вы будите детей.

Ленуар был не в настроении выслушивать упреки:

— Я уверен, мадам, что вы считаете важным, что ребенок, находящийся на вашем попечении, пропал без вести. Видели ли вы Зака со вчерашнего вечера?

— Я не видела, но вы, очевидно, не много знаете об управлении приютом. Эти дети все время пропадают. Иногда они возвращаются, иногда нет. Я здесь не управляю тюрьмой. Если они хотят убежать, я не могу остановить их.

— И вам не приходило в голову, что дело может оказаться нечистым?

Она провела рукой по лицу в жесте, который был более утомленным, чем усталым, и когда она заговорила, ее голос звучал более мягко:

— Эти дети ведут трудную жизнь, инспектор.

В основном они делают все правильно, пока не достигают возраста Зака. Именно тогда они начинают попадать в беду. Присоединяются к бандитам, докатываются до воровства и другого. А потом, настает день, когда они выходят в мою дверь и никогда не возвращаются.

Как правило, это происходит потому, что они воображают себя взрослыми. Дети негодуют по поводу здешних правил, необходимости отчитываться, где они были и что делали, и полагают, что пришло время идти своим собственным путем. Но иногда бывает хуже. Они ввязываются во что-то, что им не по силам, или оказываются не в том месте не в то время.

Я похоронила больше, чем достаточно таких детей. Поэтому, когда такой мальчик, как Зак, пропадает без вести, все, что я могу сделать, это молиться Господу, чтобы он оказался одним из тех, кто решил, что пришло время идти его собственным путём.

— Увы, я очень в этом сомневаюсь. У Зака есть свои планы, что и говорить, но он слишком умен, чтобы бросить теплую кровать и гарантированную еду и уйти жить в какую-нибудь канаву.

Она хмыкнула:

— Ладно, что вам нужно?

— Мне нужно поговорить с тем маленьким мальчиком, который прошлым вечером вышел на улицу поговорить со мной. Он может подбросить идею по поводу того, куда отправился Зак.

Монахиня покачала головой прежде, чем он даже закончил говорить:

— Он спит в конце концов. Приходите позже.

— Каждый час дорог, мадам, — сказал Ленуар холодно. — Мне необходимо поговорить с мальчиком сейчас.

— Ему всего четыре года, и к тому же, он огромный выдумщик. Что он вообще может?..

— Сейчас.

Она сердито вспыхнула, и на мгновение Ленуару показалось, что она снова собирается захлопнуть дверь перед его носом. Но она развернулась и исчезла внутри, а через несколько минут вернулась, ведя хныкающего маленького мальчика, того самого ребёнка, с которым Ленуар говорил прошлым вечером.

— Ну, Адам, я знаю, что ты сонный и испуганный, но инспектор здесь по очень важному делу, и он должен поговорить с тобой прямо сейчас. — Она потянула мальчика за руку и вытащила на солнечный свет.

Ребёнок снова захныкал, потёр кулачком заспанные глаза, и монахиня бросила на Ленуара самоуверенный и язвительный взгляд.

Ленуар присел на корточки так, чтобы быть на одном уровне с глазами мальчика:

— Адам, ты помнишь меня с прошлого вечера?

Он потряс головой.

— Ты говорил, что хотел пойти с Заком, помнишь?

— Да.

— Ты все еще хочешь пойти?

Адам немного приободрился. И серьезно кивнул.

— Мне нужно, чтобы ты рассказал мне о богатых людях, которых видел. Как они выглядели?

Мальчик пожал плечами:

— Я не знаю.

— Постарайся вспомнить, Адам.

— Я не могу, — заскулил он и его лицо приобрело хмурый вид. Мальчик был капризный и усталый; Ленуар ощутил, что мальчик сейчас расплачется. Он попытался зайти с другой стороны.

— А как насчет кареты? Действительно ли она хороша?

Адам кивнул.

— Как она выглядела?

— Золотая, — сказал мальчик, с чем-то более подобным тому энтузиазму, который он показал вечером прежде.

Ленуар с сомнением посмотрел на мальчика. Монахиня сказала, что он большой выдумщик. Инспектору не надо было поднимать глаза; он и так ощущал её ухмылку.

— Адам, ты уверен, что она была золотая?

— Да, и голубая.

— Он имеет в виду зеленая, — вмешалась монахиня. — Он путает их. Не так ли, Адам? Ты имеешь в виду зеленая, как твое одеяло?

Адам нахмурился в раздумье:

— Да, — сказал он неуверенно, — зеленая.

— Что ещё ты можешь сказать об этой карете?

— На ней были ангелы.

— Отлично, Адам. Что-нибудь ещё?

Он потряс головой:

— Я хочу спать.

Монахиня снова взяла мальчика за руку:

— Думаю, этого достаточно, инспектор, — строго сказала она. — Золотая с зелёным карета с ангелами. Думаю, вам этого хватит.

Ленуар нехотя кивнул. Ему даже не удалось поблагодарить мальчишку до того, как монахиня повела его внутрь и закрыла дверь.

Потом Ленуар направился в каретную мастерскую, и, похоже, ему наконец повезло. Не успел Ленуар полностью описать карету, как мастер закивал головой.

— Это одна из компаний по прокату, инспектор, добрые люди берут кареты для проведения специальных мероприятий и тому подобного. Я сделал много работы для этой компании — это совсем недалеко отсюда.

Он вышел с Ленуаром из двора мастерской, чтобы указать ему направление.

— И вы уверены, что карета оттуда?

Мужчина снова кивнул:

— Они раскрашивают все свои кареты в золотые и зелёные тона, поэтому узнать их легко. Думаю, это что-то вроде рекламы.

Когда Ленуар подъехал к головному офису компании, он сразу понял, о чём говорил мастер. На улице стояла пустая карета, раскрашенная золотым и зелёным, ее возница небрежно ссутулился на козлах.

Это было особенное, довольно хитрое изделие, поскольку кричащий зеленый цвет верха кареты и тщательно проработанный каркас в фальшивой позолоте — с большими стремительными крыльями и фресками на дверях — явно предназначались для привлечения внимания.

Издали это могло показаться чем-то грандиозным, и, конечно, этого было достаточно, чтобы произвести впечатление на маленького мальчика. Но при ближайшем рассмотрении карета выглядела усталой и потрепанной; херувимы на панелях были ужасно затасканными, и краска облезла.

Подушки сидений выглядели старыми и потертыми. Каретный мастер сказал, что услуги этой фирмы были дешевле, чем у её единственного в городе конкурента, и Ленуар легко мог понять почему.

Когда он приблизился, из конторы вышла пара, сопровождаемая человеком в такой же ливрее, как возница. Лакей (которым, вероятнее всего был этот человек) помог леди подниматься в карету; Ленуар ускорил шаг, чтобы подойти к ним, прежде чем они отправятся.

— Подождите минутку, пожалуйста, — позвал он.

Леди выглянула из окна с вопросительным выражением, и трое мужчин повернули головы, чтобы посмотреть на Ленуара.

— Чем мы можем вам помочь, инспектор? — сказал лакей после того, как Ленуар представился.

— Вообще-то, я бы хотел поговорить с вашим кучером. — Ленуар посмотрел на мужчину, сидящего на козлах. — Сэр, вы управляли повозкой вчера днём?

— Да, я, — ответил кучер с опаской. Было видно, что ему неудобно в своей зелёной потрёпанной ливрее.

— Вы подбирали мальчишку в районе бедняцких кварталов, где-то около полудня?

Мужчина покачал головой:

— Нет, вчера никаких детей не было. Но можете спросить у второго кучера, Мэррика.

Он указал пальцем в жёлтой перчатке в сторону конторы.

— Думаю, он на заднем дворе, чистит карету.

Ленуар двинулся в направлении, указанном кучером, прошёл через здание на задний двор, где мужчина в брюках и нижней рубашке протирает ходовую часть точно такой же зелёной с золотым кареты.

Он ругался себе под нос во время работы, и, казалось, не замечал Ленуара, пока тот не прочистил горло.

— Ох, простите, сэр, — смущённо произнёс Мэррик, поднимаясь на ноги. — Краска отшелушивается, когда я мою карету и это меня расстраивает, знаете ли.

Ленуару были абсолютно не интересны проблемы чистки карет, и он надеялся, что его выражение лица это полностью передало.

— Я из Департамента Полиции и хотел бы задать вам несколько вопросов.

На лице кучера появилось обеспокоенное выражение:

— Полиция? Что-то случилось?

— Не могли бы вы вспомнить вчерашний день и людей, которые ехали в вашей карете? Помните мальчишку лет десяти? Его зовут Зак.

— Да, да, — закивал Мэррик с явным облегчением. — Помню. Грязный попрошайка, он был... — Кучер замолчал, слегка покраснев. — Простите, сэр, я не хотел никого оскорбить.

— Ничего. На самом деле это очень поможет, ведь это значит, что мы говорим об одном и том же мальчишке. Итак, вы видели его вчера днём?

Кучер кивнул:

— Да, я подобрал его на Барроу-стрит, по-моему, где-то за два часа до заката.

— В карете ещё был кто-нибудь?

— Конечно! Мальчишка ведь не мог сам заплатить, не так ли? — Мэррик издал робкий смешок.

Ленуар улыбнулся уголками губ:

— Не будете ли вы так любезны сказать мне, кто же ещё был в той карете?

Кучер нервно поскреб затылок:

— Ах, это. Ну... он вообще-то не называл своего имени. Я хочу сказать, не то что бы он записывался или чего-нибудь в этом роде, он просто подозвал меня. Нам такое не позволено, если хотите правду — управляющий за уши меня оттаскает, если узнает. Не пристало нам, он говорит, подбирать народ, как если бы они были какими-нибудь бродягами...

Ленуар слушал бессвязное бормотание мужчины, ни делая ни малейших попыток перебить, лицо его ничего не выражало.

Но это, похоже, только больше запугивало Мэррика, и он начал настолько отклоняться от темы, что на мгновение Ленуару захотелось ударить его, чтобы тот заткнулся. Вместо этого он просто сказал:

— Достаточно. Сосредоточьтесь, пожалуйста. Короткие ответы. Итак, где вы подобрали этого человека?

— Уоррик-авеню, — сглотнул кучер.

— А где высадили?

— Берривин.

Ленуар удивленно моргнул. Берривин находился на западе почти в двух часах езды от Кенниана.

— Он, должно быть, хорошо вам заплатил.

Мэррик лишь молча кивнул.

— Мальчик был с ним, когда вы высаживали его?

Еще один кивок.

— У вас сложилось впечатление, что он знал мальчика? — в мыслях Ленуара мелькнул дядя Зака.

Мэррик задумался:

— Вообще-то, я не мог слышать их разговора со своего места впереди. Но теперь, когда вы упомянули это, думаю, нет, — он заколебался, но затем решительно покачал головой. — Нет, полагаю, он не мог знать мальчика, потому что выглядел так, будто случайно наткнулся на него. Смотрите, сначала он просто сказал, что хочет немного покататься по городу, но потом заметил мальчишку и попросил остановиться. Не знаю, что он такого сказал парнишке, но тот выглядел счастливым настолько, что забрался в карету. А затем клиент просто попросил отвезти их в Берривин, и на этом всё. Я оставил их на главной улице, и он не сказал мне, куда они собираются, — Мэррик виновато замолчал. — Мне стоило догадаться, что что-то не так, когда он подобрал этого странного ребенка.

Ленуар проигнорировал это — узел, стянувший его внутренности. Все давнишние сомнения, что Зак столкнулся со злым умыслом, теперь отпали; рассказ кучера звучал как классический случай похищения с заманиванием.

Такие вещи были не так уж редки в Кенниане, и дети-сироты были особенно уязвимы. Мало кто беспокоился об исчезновении уличного сорванца, а некоторые были склонны просто отмахиваться от этого, как от чего-то обыденного, как это сделала монахиня в приюте Зака. Слишком часто первым признаком преступления становилось обнаружение трупа.

У Ленуара остался только один вопрос:

— Как он выглядел, этот человек? Вы бы узнали его, если бы увидели его снова?

Мэррик в задумчивости поглядел вверх:

— Ну, дайте мне глянуть... Кажется, он был высоким. — Это казалось пределом его возможностей по наблюдению, поскольку он довольно долго молчал. Ленуар был на грани того, чтобы хорошенько его встряхнуть, когда кучер добавил:

— О, и его кожа имела темноватый оттенок. Возможно, это был адали.

Это было не много, но, по крайней мере, на это можно опереться. Если этот человек действительно был адали, это, несомненно, сузит область поиска. Ленуар, однако, был настроен скептически, как всегда, когда свидетель определял в качестве подозреваемого адали.

Адали настолько не доверяли, как расе, что многие свидетели либо лгали напрямую, предпочитая видеть адали в тюрьме, или не видеть вообще, или просто вспоминали подозреваемого в качестве адали, когда на самом деле это было не так.

Просто присутствия лагеря адали возле одной из внешних деревень было часто достаточно, чтобы спровоцировать рост числа зарегистрированных преступлений.

Он должен был вернуться в штаб-квартиру и попробовать найти Коди, поскольку ему нужна будет помощь, если он собирается быстро опросить жителей Берривина. Он только

надеялся, что сержант был там, а не преследовал своего призрачного вора трупов.

* * *

Коди был посреди диктовки отчета, когда Ленуар нашел его. Он не торопился, терпеливо ожидая, пока писец полностью нацарапает его слова.

Вы никогда не знаете, что самая маленькая деталь может иметь важное значение, и Коди хотел убедиться, что писец запишет все дословно.

Он ясно дал понять, что он не потерпит стенографии или, пересказа, поэтому он останавливался часто и так надолго, как нужно было перу, чтобы остановить движение. Он только что начал снова, когда Ленуар прошагал ко столу писца. Инспектор даже не попытался никого поприветствовать, прежде чем прервать речь Коди.

— Берите свой походный плащ, сержант. У нас есть работа.

Писец поднял глаза от тетради, его перо повисло в воздухе. Его взгляд неуверенно перемещался между Коди и Ленуаром.

«Потому что я не работаю здесь?» — подумал Коди раздраженно. Вслух же он сказал:

— Я нахожусь в середине отчета, инспектор. Я провел утро, общаясь с некоторыми другими сержантами, и я узнал кое-что интересное.

Губы Ленуара скривились:

— Отлично. Я вижу, что вы на грани раскрытия преступления века. Но если вы сможете отложить свой исторический триумф на несколько часов, мне потребуется ваша помощь, чтобы найти настоящего, живого ребенка.

Коди почувствовал, что его лицо вспыхнуло, но он воздержался от едкого ответа, который уже готов был сорваться с его губ. Не было никакого смысла в противодействии Ленуару. Этот человек был его начальником и имел полное право отвлекать его на другое дело.

По правде говоря, Коди был удивлен, что Ленуар еще не сделал этого. Тем не менее, если он не закончит свой доклад сейчас, был хороший шанс, что он может забыть некоторые детали, которые могли бы стать ключевыми в дальнейшем.

— Если бы вы дали мне всего лишь пять минут, сэр, — сказал он как можно ровнее, — я бы здесь закончил. Я хочу записать это, пока оно свежо в моей памяти.

На миг на лице Ленуара мелькнула нерешительность. Затем, к облегчению Коди, он сказал:

— Только побыстрее.

Коди откашлялся, затем неуверенно запнулся.

— Мужчина — адали был замечен... — услужливо подсказал писец.

— Верно. Мужчина-адали был замечен в Брейкенсвейле несколько дней назад кузнецом, который представил в полицию жалобу, утверждающую, что этот адали украл лошадь и большинство его инструментов. Констебль Соунес посетил деревню, но не смог определить местонахождение подозреваемого, и никто другой в городе не сообщил, что видел кого-либо, соответствующего описанию подозреваемого. Ссылаясь на доклад констебля Соунеса по этому вопросу, цитирую: «Возможно, что мужчина-адали действительно был в Брейкенсвейле. Однако, нет никаких доказательств, что этот человек был вовлечен в кражу лошади г-на Эстеса или его инструментов», — конец цитаты.

Коди взглянул на Ленуара, чтобы увидеть, уловил ли инспектор значение этого факта. Но, казалось, что Ленуар даже не слушал: он пристально смотрел на пол, его брови сошлись

на переносице, как будто он находился в глубоком раздумье.

Раздражённо поджав губы, Коди подождал, пока перо писца не перестало покачиваться.

Затем он слегка повысил голос и сказал:

— Я хотел бы упомянуть здесь о моем предыдущем докладе, в котором я отметил, что свидетель в Норт Хейвен утверждал, что видел странного адали в городе в ту же ночь или в ночь, близкую к той, когда исчез труп мальчика Джеймса.

Наличие в Брейкенсвейле свидетеля, также утверждающего, что он видел странного адали в тот же день или день, близкий к тому, когда исчез мальчик Хабберд, совершенно случайно.

Тем не менее Ленуар не поднял взгляд. Он что, совершенно глухой? Или он изобразил безразличие чисто из вредности? Ну и прах с ним, подумал кисло Коди; если инспектор мог игнорировать его, то он мог игнорировать инспектора.

— Наконец, мне сообщили, что констебль Креарс из Берривина докладывал о мальчике, пропавшем без вести вчера. Живом, то есть. Его родители не видели его в течение двух дней.

Голова Ленуара дернулась, как будто его резко разбудили:

— Что вы сказали?

Ну наконец-то.

— В Берривине исчез мальчик, инспектор, — серьезно повторил Коди. — Девятилетний.

Ленуар тихонько выругался на арёнейском, его пристальный взгляд расфокусировался. Затем он сказал:

— Вставайте, сержант. Вы закончили свой отчет. Мы должны немедленно ехать в Берривин.

Коди был на мгновение ошеломлен. Он никогда не видел, чтобы Ленуар реагировал так бурно, даже на убийства. Настороженный, но обнадеженный, он захватил свой плащ и последовал за Ленуаром к полицейской конюшне.

Когда конюх привел оседланных коней, Ленуар сказал:

— Мальчик, которого я ищу, также в Берривине. Но он был доставлен туда из Кенниана.

Ну конечно. Коди следовало сразу догадаться, что Ленуар не будет так ругаться из-за сына какого-то торговца из Берривина.

— И чей же он сын?

Ленуар нахмурился:

— Что, простите?

— Я имею в виду, он что, сын дворянина? Или его семья предлагает деньги, чтобы найти его?

Он понял, что зашел слишком далеко, как только он сказал это. Ленуар медленно повернулся к нему, и его лицо было холодной маской, а когда он заговорил, его голос был низким и опасным.

— Это — последний раз, когда я буду терпеть вашу наглость, Коди. Если бы был другой сержант, на помощь которого я мог бы рассчитывать, я освободил бы вас от ваших обязанностей здесь и сейчас. К счастью для вас, ваши коллеги являются шутами и имбицилами. Но, если я услышу хотя бы одно слово из ваших уст между этим местом и Берривин, я упеку вас в Форт Холд за несоблюдение субординации. Надеюсь, я ясно выразился.

Он выхватил уздечку своего коня из рук испуганного конюха и тяжело поднялся в седло.

Коди последовали его примеру, его лицо горело.

Ленуар никогда не говорил с ним так раньше, но он не сомневался ни на минуту, что инспектор выполнит свою угрозу. Какие бы вопросы ни возникли у Коди, ему придется проглотить их. Путь к Берривину будет долгим.

Тряпка во рту имела кислый запах пота. Зак лежал с кляпом во рту, его язык не двигался. Его губы потрескались, и он отчаянно хотел пить. Но он не видел никого уже очень давно.

Прошло уже, наверное, несколько часов. Как будто о нем забыли, что было странно, учитывая, сколько было неприятностей, чтобы доставить его сюда.

Они действительно были с ним очень осторожны, как будто боялись обидеть его. Но они не давали ему ни малейшего шанса, его запястья были связаны так крепко, что руки за его спиной онемели.

Он уже долго пытался развязать узел, но тот был очень тугим, к тому же, для достижения цели у мальчишки были только собственные пальцы.

Он на четвереньках пополз по полу, пытаясь найти потерянный гвоздь или что-нибудь ещё, что помогло бы ему освободиться, но ничего не нашёл.

Было темно и ничего не видно, а ощупывание ладонями половиц ни к чему не привело.

Зак не знал, чего от него хотели. Он не спрашивал, и никто ему не сказал. Один из адали, который привёл его сюда, сказал, что мальчик пригодится ему на своей ягодной ферме, где ему нужно собрать оставшиеся фрукты до первых заморозков.

Адали предложил ему денег — не много, ровно столько, чтобы не вызвать у мальчишки подозрений. Работа выглядела очень простой и было не похоже, что у Зака будут ещё какие-то обязанности.

Он, конечно, и раньше помогал — например, Ленуару, но инспектор всегда платил за труд едой. Естественно, неплохо, но еда — не то же самое, что деньги.

Зак смог бы потратить деньги на еду, которая нравится ему, а не на жирное безвкусное тушёное мясо, которое всегда заказывал ему Ленуар, или вино, на котором инспектор всегда настаивал.

Зак до сих пор злился на себя за то, что не понял, что это была ловушка. В конце концов, этот адали был не первым, кто пытался подобным образом заманить Зака.

К тому же, он должен был понять, что у адали не могло быть фермы. Они никогда не задерживаются на одном месте достаточно долго для того, чтобы обрабатывать землю. Да и жители города этого бы просто не допустили, по крайней мере не сейчас, когда столько местных живут без собственного куска земли.

Но ничего из этого не пришло вчера в голову Заку, когда он залазил в ту чёртову карету. Тогда мальчишка мог думать лишь об обещанной монете и о том, на что он её потратит.

В первую очередь — новую шапку, затем обувь. А потом он мог бы привести своего друга Кева в какой-нибудь трактир, может даже в «Придворного». И Кев увидит, что Зак действительно знаком с инспектором — местной «важной шишкой», а Ленуар бы рассказал мальчику, насколько важна для его работы помощь Зака.

Потом Ленуар и Зак научили бы Кева, как правильно придумывать истории о людях, правдивые истории, которые можно составить лишь посмотрев на человека. А после этого Кев, возможно, тоже захотел бы стать ищейкой, и может быть однажды они с Заком стали бы напарниками.

У Зака будто комок стал в горле, а на глаза навернулись слёзы. Он тяжело сглотнул, дав себе обещание не плакать. Здесь его никто не увидит, но всё же...

Громкий хлопок напугал его. Дверь в соседнюю комнату закрылась. Из-за стены доносились приглушенные голоса и скрип половиц под чьим-то весом, там где сидел Зак.

Повернувшись спиной к стене, за которой он слышал голоса, Зак медленно начал ползти к ней, пока не упёрся в стену плечами.

Теперь голоса звучали отчётливее, и тонкая полоса света то появлялась, то исчезала, по мере того, как люди за стеной передвигались.

У Зака упало сердце, когда он узнал голоса говоривших — это были адали. Зак насчитал по крайней мере троих, но их могло быть и больше. Голоса звучали взволнованно, даже немного нервно.

Зак попытался расслышать каждое слово, хоть он и не понимал их язык. А затем послышался новый голос, детский. Это было странно. Зак прижался ухом к стене, закрыл глаза и сконцентрировался на голосе мальчика.

Мальчик не произнёс ни слова членораздельно, а его голос звучал сдавленно, будто у него тоже был кляп. А раз он был не с адали — он пленник, как и Зак. И значит Зак здесь не один.

Зак прислушивался долго, но так и не смог понять, что же происходит за стенкой. Спустя какое-то время голоса в соседней комнате изменились. Мужчины — а голоса были именно мужскими — начали нараспев что-то читать, как казалось Заку.

Голоса стали ниже, речь монотоннее, и повторяли они одни и те же незнакомые Заку слова. Это длилось около минуты, и Заку казалось, что они молятся. А затем мальчишка за стенкой закричал, всего одно слово, но Зак понял его даже через кляп.

— Нет!

Мальчик начал кричать. Пение стало громче и раздался странный неистовый шум ударов, возможно его издавал мальчик, который пытался убежать. Затем еще крик, голос мальчика разрывался от ужаса. Каким-то образом, он звучал еще более страшно из-за того, что был приглушен кляпом, как будто кляп поймал ужас в ловушку в горле мальчика.

Зак хотел закрыть уши, но он не мог двигать руками. Он ссутулился, но это не помогло. Крики всё продолжались, без перерыва, перейдя в рыдания, и Зак тоже плакал, потому что он не мог закрыться от этого.

Это заполняло его, затапливая его внутренности; это было все, что он мог услышать, он мог даже чувствовать это во рту. И когда наконец голос мальчика замер, и дом затих, Зак все еще рыдал, его тело дрожало, как будто до сих пор не оправилось от шока.

Глава 10

Ленуар все еще был взвинчен, когда они прибыли в Берривин. Однако он не мог позволить своему гневу мешать расследованию, поэтому, когда Коди неопределенно откашлялся, Ленуар сказал:

— Говорите, сержант.

— Будем ли мы регистрироваться у констебля, сэр?

— Естественно. У Креарса может быть необходимая нам информация. Или — есть какая-то проблема?

— Нет, сэр, конечно, нет. Я просто спросил, потому что обычно мы не привлекаем констеблей.

— А почему мы должны были это делать? Большинство из них — некомпетентные дураки. Креарс другой.

— Я испытываю только уважение к констеблю Креарсу, сэр, — сказал Коди натянуто.

— Как и должно быть. Он — лучший полицейский, с которым мне доводилось работать, включая присутствующих.

Коди прикусил язык.

Они нашли Креарса недалеко от его офиса; по-видимому, он организовывал поисковую группу.

Там собралось около двадцати человек, большинство из них были в форме. Констебль раздал карты местности и теперь давал последние инструкции.

Когда он заметил Ленуара, то запнулся, слегка опешив. Затем кивнул в сторону коновязи, будто говоря этим жестом: «я подойду через минуту».

Креарс был невысоким мужчиной с ярко-рыжими волосами и пронзительно-голубыми глазами. С тех пор, как Ленуар видел его последний раз, он заметно постарел — бороду тронула лёгкая седина, а лицо выглядело усталым и морщинистым.

Но он всё ещё был в хорошей форме, и, направляясь к Ленуару, Креарс выглядел на половину своего возраста.

— Инспектор, — произнёс он, пожимая Ленуару руку. Они с Коди кивнули друг другу в знак приветствия. Креарс выглядел ребёнком в сравнении с крепко сложенным сержантом.

— Не ожидал вас увидеть здесь. Не думал, что подобное дело заинтересует кого-нибудь из Департамента Полиции. По крайней мере, не сейчас.

То есть, пока ребёнок не убит, вот что он имел в виду.

— Обычно — нет, — согласился Ленуар, — но сейчас из деревни пропали два мальчика.

Когда Креарс удивлённо поднял брови, Ленуар добавил:

— Ещё одного мальчика-сироту по имени Зак похитили прошлой ночью в бедных кварталах Кенниана.

Удивление на лице Коди вновь вывело Ленуара из себя, но он сдержался.

— Судя по показаниям кучера, которого я опрашивал сегодня утром, Зака привезли сюда вчера ночью в зелёной с золотом карете. Кто-нибудь упоминал о чём-то подобном?

Креарс покачал головой:

— Нет, но я и не спрашивал. Может, кто-то и видел похожую карету. У меня тут есть парочка соглядатаев и, если хотите, могу их поспрашивать.

— Конечно, если у вас есть свободные люди.

Ленуар оглядел толпу.

— А я думаю, они есть. И сколько соглядатаев на вас работают?

— Чуть меньше пятидесяти.

Коди поражённо присвистнул.

— Как вам это удалось?

— В большинстве своём это добровольцы, хотя они и получают небольшую плату. Я сам их учил. Кажется, вы называете таких «полупрофессионалы».

«Интересное нововведение», — подумал одобрительно Ленуар. Но он и не ожидал меньшего от Креарса; именно эта рациональность и хорошее чутьё обеспечили ему должность констебля в Пяти Деревнях.

Креарс мог бы стать инспектором, если бы остался в Кенниане, но он предпочёл уехать в Берривин. Что ж, Ленуар не винил его за это.

Берривин был вторым по величине среди Пяти Деревень, и, как и Кенниан, «деревней» он был только по традиции, и давно перерос свое название. Берривин был приличным городком, и Креарис был здесь лордом его собственного феодального поместья.

Если он хорошо проявит себя, он может однажды стать главой Департамента Полиции — если, конечно, захочет. Но Ленуар сомневался, что это произойдет.

— В любом случае, — произнёс Ленуар, — стоит поискать карету. Я полагаю, что обоих мальчишек похитил один и тот же человек, поэтому всё, что поможет вернуть мне Зака, поможет найти и вашего мальчика.

Креарс глянул через плечо и махнул рукой, подзывая худощавого молодого человека, который поспешил к ним. Констебль что-то тихо сказал ему, юноша кивнул и отбежал от них.

Затем Креарс произнёс:

— Вчера я опросил родителей мальчика, но поскольку вы здесь, инспектор, может сами что-то предпримите. Это неплохой шанс узнать, что я пропустил.

Ленуар и Коди направились вслед за Креарсом мимо рядов красивых каменных домов на главной улице. Все здания были симпатичными и аккуратными, построенными точно друг напротив друга таким образом, что между ними не было свободного места.

Каменные ступени вели вверх по улице к площадке с кованными перилами перед искусными резными дверями.

— Гранне — торговец, — сказал им Креарс. — В основном, красками с ягодных плантаций. Он обменивает их на что угодно: одежду, скот, деньги. И, как вы можете увидеть, он процветает. Я полагаю, что его мальчика похитили ради выкупа.

— Разумное предположение, — сказал Ленуар, — но в этом случае я сомневаюсь.

— Почему же?

Ясные синие глаза констебля проследили за жестами Ленуара, указывающими на каменные ступени.

— Кто бы ни похитил Зака, ему определённо не нужны были деньги, поскольку у мальчика нет родных.

— И вы уверены, что это тот же самый человек, который похитил мальчика Гранне?

— Если это совпадение, то весьма странное, учитывая, что мальчики одного возраста.

— Заку девять? — взволнованно вмешался Коди. — Я так и знал!

Когда Креарс вопросительно посмотрел на него, Коди добавил:

— Кто-то ворует трупы девятилетних мальчиков. Я не... — то есть, мы не в состоянии были понять, почему. А теперь еще и это.

Они уже подошли к порогу нужного им городского дома, за что Ленуар был в высшей степени благодарен. Он никак не мог решить, что хуже: то, что сержант имел все основания для злорадства, или то, что он этого не делал.

Девочка лет пятнадцати открыла дверь. При виде Креарса ее лицо осветила надежда:

— Вы нашли его, сэр? Вы нашли нашего Мика?

Ее лицо вытянулось, поскольку Креарс покачал головой:

— Еще нет. Но мы ищем.

Девочка проводила их внутрь и предложила сесть, затем пошла позвать своего отца. Три офицера сидели в тишине, задумавшись, до тех пор, пока Гранне не вернулся со своей дочкой и женой.

— Это инспектор Ленуар и сержант Коди из Департамента Полиции, — сказал Креарс. — Я хочу, чтобы они поговорили с вами, может они смогут найти что-то, что не смог я.

Ленуар отметил, что Креарс не упомянул о том, что привело их в Берривин.

Ленуар решил, что констебль не хочет распространяться о том, что они охотятся за серийным преступником. Помимо того, вряд ли эти люди были бы рады услышать, что поиски их сына — не основная проблема Ленуара.

— Констебль Креарс говорит, что ваш сын исчез два дня назад, — сказал Ленуар, — где-то около полудня.

Гранне только молча кивнул, поэтому Ленуар продолжил.

— Когда вы его в последний раз видели?

Ему ответила мать.

— Во время обеда. После этого он побежал играть. Сказал, что хочет встретиться со своим другом Бином. — Женщина грустно улыбнулась, её руки, лежащие на коленях, неосознанно подрагивали.

— «Бин»- не настоящее имя, просто Мика всегда его так называл. Вообще-то, я даже не знаю, как его зовут на самом деле...

Женщина замолчала, её взгляд упёрся в пол.

— Друг мальчишки его не видел, — произнёс тихо Креарс. — Сказал, что Мика не показывался.

— Никто не видел его выходящим из дома? — спросил Ленуар. Креарс покачал головой.

Коди осторожно откашлялся. Ленуар разрешил ему говорить взмахом руки, и Коди спросил:

— Мика когда-либо упоминал, что чувствовал, что за ним следят? Или, возможно, вы заметили кого-то, бродящего вокруг дома?

Снова покачивание головами.

Это никуда не вело. Ленуар поднялся, его сослуживцы последовали его примеру.

— Спасибо за то, что уделили нам время, я очень сожалею о вашем горе. Мы сделаем все возможное, чтобы найти вашего сына.

Когда они вышли, Креарс спросил:

— Что дальше, инспектор?

Ленуар пристально посмотрел вдоль улицы. Они были в купеческом районе, недалеко от центра города, но все же очень близко к месту, где начинались поля.

В этой необычной планировке была виновата специфическая история Берривина, которая, как подсказывало его имя², полностью вращалась вокруг выращивания ягод.

Никто не хотел, чтобы его бизнес был слишком далеко от его клиентов, и, таким образом, несмотря на свой размер и процветание, город Берривин был построен более или менее в длину, по прямой линии, на несколько миль с севера на юг, но меньше двух миль — с востока на запад.

— Где живет этот друг? — спросил Ленуар.

— Бин? Вон там.

Констебль указал в западном направлении вдоль улицы. Она заканчивалась всего в нескольких сотнях шагов, обрываясь на недалеком поле.

— То есть мальчик, по-видимому, был похищен где-то по пути.

— Если он вообще был похищен, — сказал Креарс. — Возможно, он просто убежал.

— Нет, — твердо сказал Ленуар, отправляясь в указанном направлении по улице. — Он был похищен.

Они направились к полю в молчании. Когда они шли, Ленуар оглядывал ряды домов, разыскивая переулки, или какие-нибудь другие скрытые маршруты, по которым похищенный мальчик мог быть тайно уведен, не будучи замеченным прохожими.

Это была тихая улица; только приглушенное воркование голубей сопровождало их шаги. За их спинами затухающее журчание главного проспекта звучало подобно далекому ручью.

Впереди, перпендикулярно к улице, проходила колея от фургона, а сразу за ним перед ними открывалось поле, обнаруживая длинные, упорядоченные ряды малиновой фермы.

— Этот проселок идет по всей длине города? — спросил Ленуар.

— Более или менее, — сказал Креарс. Они достигли края поля и повернулись спиной к рядам малиновых кустарников. От ветра, несущегося через поле, мерзла задняя часть шеи Ленуара; подходила зима.

— И по всей его длине на него выходят сады этого последнего ряда домов?

— Да.

Ленуар встал на колени, вглядываясь в проселок. Между колеями росла высокая трава, а там, где земле приходилось выдерживать вес груженных фруктами фургонов, она была плотно утрамбована.

Ленуар потерял надежду найти какие-нибудь следы того, что он искал, но потом ему повезло.

Когда он прошел немного на юг вдоль дороги, он заметил глубокий след на краю одной колеи, как будто лошадь, переходя через дорогу, споткнулась, когда ее копыта не смогли преодолеть травяной бугор между глубокими колеями. Ленуар пытался подавить дрожь в животе. Было еще очень рано приходить в экстаз. Очень, очень рано...

Креарс также заметил это. Он повернулся на девяносто градусов вправо, проследив линию следов копыт, идущих в направлении поля. Конечно же, это тоже были улики, даже более очевидные, чем след на дороге.

Пространство между малиновыми рядами было достаточно широким, чтобы позволить человеку комфортно собирать фрукты. Лошадь может пройти, но не без повреждения кустарников.

След не мог быть еще более очевидным: темная почва была усеяна веточками сердцевидных листьев малины, некоторые из них были втоптаны в землю полумесяцем подковы.

— Но подождите, — сказал Коди, как только Креарс и Ленуар ступили на поле. — Откуда мы знаем, что это наш похититель? Эти следы могут же принадлежать кому угодно!

Ленуар воздержался от резкого ответа. У него не было времени, чтобы объяснить Коди каждую мелочь, и, в любом случае, разве это не было очевидно? Но он не мог больше позволить себе отталкивать сержанта сегодня. Он нуждался в том, чтобы Коди был наблюдательным, а не задумчивым и печальным после еще одного нагоняя.

Таким образом, вместо этого он ответил, максимально терпеливо:

— Это мог быть чужой след, да. Но вероятнее нет. Подумайте над этим, сержант. Вы — похититель. Вы только что схватили ребенка среди бела дня, в его собственном районе, где все его знают. Теперь вы должны сбежать. Куда вы пойдете?

У улицы нет переулков, никаких скрытых маршрутов, чтобы пройти между городских домов. Вы можете идти или на восток, возвращаясь к главному проспекту, полному людей, или на запад, на поля.

Конечно, вы идете на запад, и теперь вы находитесь на проселке. Вы похитите его на заднем дворе в западной части города, на виду у всех? Или вы похитите мальчика в поле, где никто не может видеть вас?

Народ в округе не очень-то привечает людей, едущих верхом через ягодники, — добавил Креарс. — Более чем вероятно, что это наш человек. Но даже если это не так, мы по-прежнему будем двигаться в правильном направлении.

Они двигались единой колонной через каньон из листвы, и их шаги приглушались близостью их окружения. Это был идеальный маршрут отступления, понял Ленуар.

Кустарники процветали здесь, росли так плотно, что между листьями проникало очень мало света. И они были высокие, практически до макушки Ленуара.

Они не полностью скрыли бы человека верхом, но если бы он горбился, то никто не был бы в состоянии сказать, кем он был или что он нес. Ему бы даже не нужно было маскировать свою одежду, поскольку фрукты были давно собраны.

Ленуар позвал Креарса:

— Вы не знаете, чья это ферма?

— Не могу вспомнить его имени, но я его знаю. У него есть дети. Не могу представить, что он имеет к этому какое-то отношение.

— Сколько у него земли?

— Не так уж много. Может быть пара хайдов³.

— А дальше еще чья-то земля.

— Верно, а затем идет...

Креарс остановился так внезапно, что Ленуар врезался в него.

— Что случилось? — прокричал Коди сзади.

Креарс обернулся, его лицо застыло.

— Давайте вернемся к лошадям, инспектор. Я знаю, куда мы идем.

— Эта местность пустовала долгие годы, — рассказывал Креарс через плечо, повернувшись в седле. — Однажды весь урожай погиб, и владелец просто переехал. С тех пор поля никто не вспахивает. Это вообще большая тема для местных фермеров.

«Ну, ещё бы», — думал Ленуар, пока они шли по просёлочной дороге, разделявшей владения.

Казалось, дорога была границей между двумя мирами: первым — ярким, молодым, живым, и вторым — унылым и пришедшим в упадок.

Слева на полях зелёные кустарники росли ровно в ряд, как солдаты на плацу. А всего в нескольких футах, на соседней территории, были только клевер и сорняки.

Между дорогой и заброшенной фермой была выкопана широкая, неаккуратная траншея — грубая попытка соседей не дать сорнякам перейти на их территорию.

Чем ближе они подходили к строениям фермы, тем гуще были заросли. Пара старых фургонов для перевозки фруктов пристроились в начале дороги, один из них сильно клонился вперёд, словно раненое животное, припавшее на колени.

Передние колёса его были сняты — какой-то предприимчивый сосед присвоил их.

Креарс был прав, привезя их сюда. Это было прекрасное место, чтобы держать кого-то против его воли. Никто бы случайно не набрел на это место, и в пределах слышимости не было никого.

Даже если мальчику удалось сбежать, он, вероятно, будет слишком дезориентирован, чтобы уйти далеко. Ленуар только надеяться, что они втроем будут в состоянии справиться с теми, кого они могут найти здесь.

Креарс послал одного из своих дозорных собрать как можно больше остальных, но это могло отнять много времени, и они не осмелились ждать.

Риск с каждой минутой рос, ибо уверенности в намерениях похитителя не было.

Они спешили примерно в середине дороги, привязав коней к столбу забора, чтобы не привлекать внимания к операции. Ленуар взял меч и пару кремневых пистолетов, которые одолжил ему Креарс.

Сержант и констебль были так же вооружены, хотя Коди предпочел арбалет пистолету.

Он настаивал, что может зарядить оружие быстрее и прицелиться точнее, Ленуар не спорил, поскольку он никогда не видел, чтобы Коди промахивался.

Не имелось никаких доказательств, что в настоящее время это место занято. Они не видели лошадей, и не было никаких признаков жизни из сарая. Сам фермерский дом был в руинах.

Западная часть его разрушилась, оставив обломки гниющей древесины, заросшие плющом, и то, что осталось стоять, имело крутой наклон, как будто могло обрушиться в любой момент.

Дом, судя по всему, состоял из двух комнат: одна из которых была основной, а оставшаяся — спальней.

Кто-то забил одну сторону комнаты большего размера, где стена осела, но это было сделано некачественно и, вероятно, не обеспечивало надежной защиты от стихии.

Ленуар, Креарс и Коди обошли дом. От задней двери дома вниз к реке вела небольшая тропинка, по которой, как показалось инспектору, недавно кто-то прошёл. Ленуар сделал

мысленную заметку, но пока им надо было осмотреть дом.

Креарс расположился у задней двери и достал пистолеты, а Коди и Ленуар тем временем подошли к фасаду дома. Оба остановились перед входной дверью.

Когда-то дверь красили, но, определённо, это было давно; всего несколько белых пятен пестрели на грубой серой древесине, а между сохшимися планками проглядывали щели.

Возможно, Ленуар и сам бы смог войти в дом и осмотреться, но никто не знал, что ожидало их за дверями.

Они приготовили свое оружие. Коди возвышался позади Ленуара, нацеливая свой арбалет чуть выше плеча инспектора.

Ленуар поднял пистолет, затем коротко кивнул, и Коди резким ударом снёс дверь с петель.

Перед лицом Ленуара что-то замельтешило. Он отшатнулся назад и натолкнулся на Коди, но крепко сложенный сержант удержался на ногах и выстрелил из арбалета.

Раздался щелчок арбалета, а затем глухой удар о стену напротив, и наступила тишина. Когда глаза немного привыкли к темноте, Ленуар заметил что-то на противоположной стене на уровне глаз.

Перед ними в предсмертных судорогах бился перепел, грудь которого насквозь прошла стрела Коди.

— Отличный выстрел, — сказал Ленуар.

Он переступил через порог, чтобы лучше рассмотреть то, что скрывалось внутри дома. В полосе света, пробивавшегося через открытую дверь, взметнулось облако пыли.

Она освещала гниющий деревянный пол и голые стены, и на мгновение Ленуар подумал, что комната пуста. И тут он увидел мальчика с кляпом во рту и с завязанными глазами, привязанного к стулу.

Он сразу понял, что это был не тот мальчик, поскольку его волосы были желтые, как у его матери. Его голова висела, и на миг Ленуар испугался, что он мертв.

Но, когда Ленуар подошел к нему, голова мальчика поднялась. Было что-то странное в том, как он пошевелился, жуткое спокойствие, которое привлекло Ленуара.

Коди протолкнулся мимо и опустился на колени перед ребенком. Сперва он снял повязку с глаз. Потянулся к веревкам, связывающим мальчика, но потом передумал и вытащил кляп изо рта.

Мальчик ничего не сказал. Он не сделал ни одного движения, даже не облизал пересохшие губы. Просто смотрел на Коди с бесстрастным лицом, как будто его не интересовало, что делает сержант.

Креарс как раз обошёл дом и вернулся ко входу, когда Ленуар заметил дверь в спальню. Она была справа, закрыта. Сердце инспектора застучало громче, с надеждой, и Ленуар ворвался внутрь.

Комната была пуста. По крайней мере, так казалось, на первый взгляд.

— Отойдите от двери, Креарс! Вы заслоняете свет!

Констебль послушался, но Ленуар уже знал, что это бесполезно. Зака там не было. Ленуар встал на колени, ища что-либо, что могло бы быть подсказкой.

На полу рядом с дверью было темное пятно, и Ленуар понюхал его, опасаясь, запаха крови. То, что он унюхал, не было кровью, однако, это была моча.

— Он был здесь, — сказал Ленуар, когда Креарс вошел в комнату. — Я думаю, что он...

Слова Ленуара были заглушены криком. Раздался звук грохота из соседней комнаты, и

Коди громко выругался.

Ленуар и Креарс бросились обратно в главную комнату, чтобы увидеть причудливую картину: Коди боролся с мальчиком, который кричал и вырывался от сержанта изо всех сил...

— Что вы делаете, Коди? — Воскликнул Креарс. — Вы делаете ему больно!

— Что вы хотите, чтобы я сделал, позволил выщарапать мне глаза? — Коди пытался удерживать запястья мальчика. — Успокойся! Все в порядке, ты теперь в безопасности! Прекрати!

Несмотря на его телосложение, он испытывал затруднения, сдерживая мальчика.

Нападение было настолько злым и бешеным, что на мгновение Ленуар даже подумал, что сержант может быть повержен.

Тогда Коди схватил мальчика за плечи и развернул его, сжимая в медвежьей хватке, которая удерживала его руки по швам. Мальчик продолжал бороться, плюясь и визжа, как дьявол, но сержант держал его крепко.

— Что с ним? — Прорычал Коди. У него был порез на правой щеке, неглубокий, но кровоточащий.

Креарс опустился перед мальчиком на колени, следя, чтобы тот не достал его ногами:

— Мика! Мика! Это я, констебль Креарс! Ты помнишь меня?

Но Мика, казалось, не помнил констебля. Его глаза закатились, и он снова закричал, как будто перед ним было что-то слишком ужасное, чтобы смотреть.

— Они, должно быть, сделали что-то, что до смерти испугало его, — сказал Креарс.

— Я думаю, что это что-то даже худшее, констебль, — сказал Ленуар мрачно. — Посмотрите на него — мальчик безумен. — Мика начал рвать внизу свою рубашку, как бы желая сорвать ее со своего тела.

— Выведите его на улицу, сержант, — приказал Ленуар. — Попробуйте успокоить его, пока стражи не приедут. Мы не можем взять ребенка с собой таким.

Креарс выглядел встревоженным, когда он наблюдал, как Коди тащит мальчика из фермерского дома, и когда он заговорил снова, его голос был озабоченным:

— Позади есть тропинка. Выглядит, так как будто недавно использовалась.

— Я видел ее.

— Я останусь здесь и помогу с Микой. — Ленуар начал было протестовать, но передумал и просто кивнул.

Как констебль Берривина, Креарс нес ответственность за мальчика. Ленуар не завидовал ему, не завидовал его задаче доставки новостей о состоянии Мики семье мальчика.

Путь за домом вел между нагромождением розовых кустов, которые, возможно, когда-то были красивы, но в настоящее время были не более, чем зарослями колючек.

Они, очевидно, были подрезаны в свое время и до сих пор сохранили некий намек на прежние формы.

Их буйный рост в последнее время придал кустам вид клеток, которые еле сдерживали внутри диких зверей, протягивающих лапы сквозь прутья и цепляющих когтями пальто проходящего мимо Ленуара.

Вдоль тропинки раздавался звук бегущей реки. Ленуар почти ощущал запах ила, покрывавшего её берег, а влажный воздух становился холоднее по мере того, как Ленуар приближался к воде.

Послышался несмелый хор лягушачьего кваканья, но он прекратился, стоило Ленуару подойти ближе. Здесь тропа круто уходила вниз и исчезала за стволом огромной ивы.

На противоположной стороне река плавно переходила в полосу тумана, который повторял её очертания, и казалось, что это гигантская змея сбросила серебристую кожу. Берег напротив виден не был.

Ленуар едва ли различал деревья, растущие на том берегу, и единственным доказательством этому были единичные ветви, то появляющиеся, то исчезающие в колеблющейся завесе.

Их невидимая близость заставляла его чувствовать себя так, словно за ним наблюдали.

У подножья тропы следы, по которым шёл Ленуар, поменяли направление, создавая в грязи беспорядочную картину. Они вели прямо к берегу реки — отпечатки ботинок, заполненные водой, направленные в различные стороны.

Ему пришлось присесть на корточки, чтобы изучить их, потому что ива на берегу бросала плотный покров тени на землю.

Теперь, когда он был ближе, он увидел, что отпечатки не были сделаны совсем недавно, как он думал, поскольку пики следов были округлены, а не с острыми краями, как они выглядели бы, если следы были бы свежими.

Выглядело, как будто кто-то спускался к реке, чтобы набрать воды, или, возможно, помыть что-то. Ленуар заметил отпечаток, который, возможно, был от того, что кто-то устанавливал кувшин в грязь.

Около него ива склонилась далеко над водой, косматыми кончиками своих самых нижних ветвей, задевая поверхность.

Это выглядело так, как будто дерево в конечном итоге может свалиться: настолько острым был его угол, что корни, самые дальние от реки, начали разрывать землю.

Они были толстыми, столь же большими, как бедро человека, и переплетались друг с другом, как гнездо гадюк.

Именно поэтому Ленуару потребовалось так много времени, чтобы заметить тело.

Он пошёл обратно по тропе и, скорей всего, прошёл бы мимо, но краем глаза заметил блик металла на солнце. Всмотриваясь в мрак, он понял, что это было: пряжка на чьём-то ботинке.

То, что он принял за один из корней, было на самом деле ногой человека, изогнутой в колене так, что остальное тело скрывалось позади насыпи.

Ленуар осторожно приблизился, вынимая пистолет.

Нога не двигалась, а угол, под которым она находилась, ясно говорил Ленуару, что этот человек не просто прилёг отдохнуть под ивами.

Его подозрения подтвердились, когда он обошел холм корней и нашел широкие, безжизненные глаза трупа, глядящие на него.

Подробные особенности места преступления врывались в его мозг, регистрируя себя по одной: мужчина-адали, от двадцати пяти до тридцати лет, умерший меньше, чем двадцать четыре часа.

Ленуар засунул пистолет обратно в кобуру и подошёл ближе, склонив голову так, чтобы она была под тем же углом, что и тело. Мужчина лежал на спине, перекинувшись через корни таким образом, что ноги находились выше головы.

Одна нога свисала поверх корней — нога, которую Ленуар разглядел от тропинки — а другая вывихнута под неестественным углом.

Голова трупа была откинута назад, с открытым от удивления ртом, нависала над краем корня. Шея сломана, оценил Ленуар, почти как если бы жертва упала с дерева.

Он посмотрел вверх на ветки и сразу же заметил зеленый рубец, там где кора была стерта. Это выглядело так, как будто кто-то пытался повесить человека. Линчевание? Возможно.....

Ленуар опустил на колени и оттянул воротник мужчины, осматривая шею. Он ожидал увидеть следы от верёвки, но то, что он вместо этого увидел, заставило инспектора вскрикнуть, и он упал, потеряв равновесие.

Невозможно!

Он вскочил на ноги, но тогда его тело подвело его, отказываясь повиноваться его команде, чтобы сбежать. Вместо этого он стоял как вкопанный, уставившись. Его ум бессмысленно гудел.

Он не был уверен сколько времени стоял там. Минуту? Час? В любом случае, он был полностью потерян в своем собственном мире, когда он услышал голос:

— Что это?

Ленуар подскочил так, что почти вывихнул колено. Но даже несмотря на это, он ещё никогда не был так рад видеть Коди.

Сержант, в свою очередь, не заметил потрясённого состояния Ленуара. Его взгляд был прикован к изломанному телу, лежащему у корней.

Он опустил на колени перед телом, чтобы лучше рассмотреть:

— Шея сломана, выглядит, словно он упал с дерева...

Ленуар едва слышал его.

Был странный рев в ушах, звук отдаленно и неприятно знакомым, как дурной сон.

Сон о ночи, проведенной съезжившись в тени, слушая кровь, мчавшуюся по его венам, молясь о дневном свете.

Негде спрятаться, никто не придёт на помощь... а потом это обжигающее ощущение в руках, жар и холод, отвратительное чувство, будто кто-то высасывает из тебя всё тепло и жизнь...

— Это странно, — сказал Коди. Он отвернул воротник мужчины так же, как это сделал Ленуар. — Вы когда-нибудь видели следы вроде этих, инспектор?

Ленуар не мог ответить ему. Коди ждал ответа, когда его не последовало, он нахмурился и снова повернулся к трупу.

— Похоже, что его шея была... Я не знаю. Кожа серая, как будто он был мертв в течение многих недель, но остальное все выглядит... Ну, я бы сказал, что он был мертв только несколько часов.

Ленуар мог понять замешательство Коди. Он понимал, что не возможно объяснить, почему одни части тела выглядели уже омертвевшими, а другие такими не были.

Если только человек не имел какую-то страшную инфекцию. . Ленуар испытал краткий укол надежды при этой мысли, но он сразу же исчез. Там не было никакой инфекции, он знал. Существовало лишь одно объяснение....

Как приговор, как смерть, зеленоглазый мужчина настиг его наконец.

Он не мог дышать. Он слишком долго бежал, каждая часть его тела сопротивлялась. Его ноги дрожали, когда он нагнулся перевести дух, а сердце шумело так, что он мог чувствовать его в висках.

Он взглянул на небо, но оно было всё в тучах, и узнать который час не представлялось возможным.

Сколько времени у него было до рассвета? Пока это не случилось, у него не было ни единого шанса сбежать. Не в этот раз.

Приложив столько усилий, на сколько только был способен, Ленуар помчался к концу аллеи, но был настолько охвачен ужасом, что не заметил, что она ведет во двор. Тупик!

Аллея была короткой — возможно, он мог бы вовремя вернуться назад и найти другой путь.

Но когда он повернулся, то снова увидел их: глаза в темноте, что сверкали, как у кошки, но были слишком высоко над землёй, чтобы принадлежать кому-то, кроме человека.

Он развернулся обратно во двор, молясь, чтобы найти запасной выход, который он пропустил раньше. Возможно, он сможет подняться на балкон, или найти место, чтобы спрятаться?

Но Ленуар прекрасно понимал: он не скалолаз, а вокруг не было никакого укрытия от преследователя. Эти зеленые глаза могли проникнуть даже сквозь камень.

Он побежал к двери в дальнем конце двора и постучал по тяжелому дереву. Удары эхом отозвались в замкнутом пространстве.

Но дверь не открылась. Лампы не горели; никто не пришёл Ленуару на помощь.

Зеленоглазый человек зашёл во двор. Он передвигался жутко изящно, шаги словно плыли. Чёрные волосы обрамляли молодое лицо, которое было настолько бледным, будто оно сделано из мрамора.

Как и у скульптуры, выражение его лица было застывшим, не проявляющим ни жалости, ни какого бы то ни было намека на человеческие чувства. Его глаза были цвета абсента, в них горел огонь, который, вне всякого сомнения, был мертвенным.

Зеленоглазый снял со своего пояса плеть, которая множеством языков потянулась к Ленуаровой плоти. И размашистым движением запястья, которое, казалось, не потребовало от него ни малейших усилий, он обрушил колючие бичи прямо на Ленуара.

Плеть охватила предплечье Ленуара возле локтя, роняя его на колени. Сначала его ужас был такой, что он не мог издать ни звука. Но когда, наконец, он закричал, это было с такой силой, что, казалось, его горло разорвет на части.

Зубцы пронзили его за руку, но эта боль была ничем, по сравнению с тошнотворным ощущением умирающей плоти. Было что-то не так с кнутом, что-то страшное, с таким мощным злом, что его стошнило.

Холод охватил его руку и наполнил грудь. . Теперь он чувствовал, как его сознание отступает, как будто шипы пронзающие плоть были крошечные вампирскими клыками, высасывающими его кровь...

Ленуар проснулся от собственного крика. Безумным взглядом он осмотрел комнату вокруг, и сначала он был дико дезориентирован. Через мгновение разум вернулся, и он понял, что находится в собственной квартире.

Но кошмар был настолько реальным, настолько сильным, что он крепко схватил свою руку. Его пальцы искали доказательство того, что кнут не затянулся вокруг нее, как змея.

Он почувствовал знакомое онемение ниже локтя, холодная кожа натягивалась поверх омертвевшей плоти, в которой уже не было кровотока.

Он уже привык к болезненному ощущению, но впервые за десять лет, ему вдруг показалось, что его кожу немного покалывало, как будто в онемевшей конечности медленно восстанавливалась циркуляция.

Ленуар тяжело поднялся с постели и пошел к умывальнику плеснуть воды на свое лицо.

В комнате было бодряще холодно, так как вчера днём он оставил окно приоткрытым, а когда вернулся из Берривина, был не в том состоянии, чтобы беспокоиться, закрыто оно или нет.

Ленуар уставился на своё отражение в зеркале, мечтая хоть как-то справиться с бешено колотящимся сердцем.

«Будет только хуже, если я не возьму себя в руки», — говорил он себе.

Если бы зеленоглазый мужчина действительно был в Пяти Деревнях, спрятаться Ленуар бы не смог. Последнее время удача хранила инспектора, та удача, которая не приходит к одному человеку дважды.

Кошмар был верным в каждой детали, кроме одной: когда Ленуар был загнан в угол в том дворе десять лет назад, было раннее утро, а не ночь, как ему приснилось.

Над переулком поднялось солнце, освещая двор, и это каким-то образом спасло Ленуару жизнь. Он не помнил толком, что произошло, потому что находился практически без сознания.

Единственное, что он помнил, это яркий свет, и подумал тогда, что это осколок вечности, проглянувший через закрывающуюся сейчас дверь в рай.

А когда Ленуар пришёл в себя, зеленоглазый человек исчез вместе с принадлежавшей ему плетью.

Единственным свидетельством того, что он вообще здесь был, являлся шрам на руке Ленуара, отвратительный лоскут серой кожи, которая больше никогда не ощутит тепло или что-то ещё.

Всегда это будет чувствоваться, как будто чья-то плоть была пересажена на его собственную, толстая и чужая.

Навсегда Ленуар запомнит встречу со смертью, обман ангела возмездия, который охотился на него.

Да, ангел или демон, возможно. Так или иначе Ленуар знал с абсолютной уверенностью, что, хотя он думал о своем нападавшем, как о “зеленоглазом человеке”, он не был ничем подобным.

Люди не используют проклятое оружие, которое простым прикосновением высасывает жизненные силы. Люди не исчезают из одной тени, чтобы сразу появиться в другой.

И ни у одного живого человека никогда не было таких глаз — таких жестоких, жуткого зеленого цвета, который мерцал, как будто светился изнутри. Не человек, а дух — мстительный дух, который искал кровь Ленуара в оплату за его грехи.

То утро было для Ленуара последним в Серле. Днём он нанял повозку, увозившую его подальше от этого места, этой страны и всего, что он когда-то знал.

Он поехал на север в Брайленд — скрытый туманами перешеек, тянущийся подобно мосту сквозь завесу в преисподнюю. Это был последний оплот цивилизации перед дикими

землями вдали.

Он никогда не видел своего преследователя снова. Он думал, что убежал навсегда.

Но это было не так. Он вернулся. Разве он мог найти Лёнуара? Но он смог, и самое худшее то, что он каким-то образом связан с похищением Зака.

Это определённо так, хотя за всё время Лёнуар встречал в Пяти Деревнях многих убийц, но никто из них не оставлял на жертвах красноречивых следов от плети.

Он сойдёт с ума, если будет дальше об этом думать. Надо выйти на улицу, найти компанию. Лёнуар схватил пальто и направился прочь из комнаты, понятия не имея куда идёт, и положившись на инстинкты.

Ему нужно было что-то многолюдное, знакомое и уютное. И нужно было выпить. На ум пришло только одно подобное заведение.

* * *

Зера лично встретила его у двери. На его вопросительный взгляд она сказала:

— Я должна была уволить своего швейцара. Вы даже не представляете, каким он был.

Она многозначительно подняла брови, но уточнять не стала, и Лёнуар не спрашивал.

— Кроме того, — она продолжала, взяв его под руку, когда повела его вверх по лестнице, — есть определенное очарование в приветствии собственных гостей, разве вы так не считаете? Я полагаю, что объявлю это модой.

— Как скажете, мадам, — Лёнуар ответил растерянно. Его взгляд остановился на бледно-зеленом свете, который появился в поле зрения, когда они достигли вершины лестницы: панель с витражным стеклом, которая отделяла главную часть салона от одного из его более известных углов.

Когда освещение падало сзади, это придавало мерцанию цвет абсента. Эта часть стекла часто привлекала внимание Лёнуара, когда он входил в комнату, особенно если он был чем-то озабочен. Сегодня вечером оно его определенно загипнотизировало.

Вдруг он понял, что Зера все еще говорила с ним:

— Николас, — сказала она прохладно, — Мне кажется, вы меня невнимательно слушаете.

Лёнуар моргнул и оторвал свой взгляд от панели:

— Извините. Что вы говорили?

Она смерила его суровым взглядом, ее темные брови сошлись вместе. Она редко разрешала себе выражать такое явное недовольство, и это заставило Лёнуара осознать ее превосходство.

Адали были необычно высокой расой, но рост Зеры так подходил ей, делал ее такой изящной и статной, что Лёнуар перестал замечать его.

— Я спрашивала, были ли у вас какие-нибудь новости от вашего осведомителя, — сказала она.

— Осведомителя? — эхом откликнулся Лёнуар.

Рот Зеры напрягся:

— Инспектор, вам хорошо понятны мои слова? Мальчик, Николая. Как его зовут?

“Зак”. Это имя заставило шум в голове Лёнуара внезапно прекратиться. Он моргнул, и сфокусировал внимание на Зере.

— Его зовут Зак, и нет — у меня не было новостей от него. Ни одной. Поймите, Зак был похищен.

Зера разомкнула губы, но не издала ни звука. Теперь моргнула она, и ее привычное самообладание было нарушено:

— Похищен? — Она схватила руку Ленуара и увела его от других гостей, заговорщицки склонив голову. — Николая, вы уверены в этом?

— Вполне, — ответил Ленуар дрогнувшим голосом. — Зака и ещё одного мальчика вчера похитили. Мы нашли дом, в котором их держали, но нашли там только одного мальчишку. И он был... не в порядке.

Зера вздрогнула.

— Куда катится мир? Сначала детские трупы, а теперь...

Внезапно она нахмурилась:

— Подождите, Николай... Вы считаете, что эти преступления связаны?

Ленуар чувствовал, что она задаст этот вопрос. Зера была необычайно умна и любила поразмышлять над делами инспектора. Тот полагал, что это давало ей ощущение тайны и интриги.

— Ну, Коди уж точно так считает.

— А кто такой Коди?

— Один из моих сержантов. Он грамотный следователь, и сейчас разрабатывает версию тайного заговора. Он во всём видит взаимосвязь.

Тонкие пальцы Зеры прикоснулись к губам, а глаза расширились от изумления:

— Но ведь в таком случае он может быть прав.

— Конечно, трудно считать это совпадением, — признал Ленуар. — Если бы это был только Зак... Стольких сирот постигает ужасная судьба в этом городе. Но два ребенка, оба девятилетних мальчика, точно так же, как и трупы... — Он расстроено покачал головой. — Все же у меня нет этому логического объяснения. Как они связаны? Это не имеет никакого смысла.

Зера рассматривала его с минуту, а затем оглянулась через плечо и помахала слуге.

— Сюда, Николай.

Ее голос был сладок и заботлив:

— Идите и присядьте. Мы нальем вам немного вина, и вы почувствуете себя лучше.

Она усадила их на роскошных креслах возле камина.

Вообще-то, это были любимые места посетителей приёма, но Ленуар заметил краем глаза, что один из слуг шёпотом просит удалиться сидящих рядом гостей Зеры.

Зера в совершенстве умела предугадывать желания своих гостей, даже не занимающих высокое положение, таких как Ленуар.

Казалось, она и без слов знает, чего хотят её посетители. Иногда она понимала, чего хочет Ленуар, даже раньше, чем это понимал сам инспектор.

И было настолько естественным то, как она руководила своими слугами, общаясь с ними без слов, и, казалось, что они просто выполняют все её невысказанные желания. Она действительно была прирождённой хозяйкой.

Принесли вино, и Ленуар с благодарностью взял бокал. Зера взяла другой, но даже не поднесла к губам.

Она ожидала, когда заговорит Ленуар, присев на край кресла и изящно скрестив стройные в лодыжках ноги.

Её выражение лица выражало теплоту и открытость, показывая Ленуару, что он может рассказать ей, что его беспокоит. Так он и сделал.

— Мне уже не нравится моя работа так, как прежде, Зера. Думаю, вы знаете это.

Она грустно улыбнулась:

— Это точно, вы не всегда выглядите счастливым.

— Я был счастлив. Если и не счастлив, то уж точно довольным жизнью. По крайней мере, у меня была цель. Я хорошо справлялся со своей работой. Я был лучшим.

— Вы всё ещё лучший, Николя, — произнесла Зера, поддавшись вперёд и положив ему на колено руку. — Это все говорят. Вами восхищаются. Говорят, вы можете узнать всё, что вам нужно.

Ленуар тихо вздохнул и глотнул вина:

— Видите ли, возможно, это так, но это — точно проблема. Я не хочу узнавать что-либо, если мне это ничего не даст. Или вам. Он поднял бровь, напоминая ей, как много раз он использовал свои расследовательские навыки, чтобы передать ценную информацию Зере.

Она и вправду была прирождённой хозяйкой: осведомлённая обо всех грязных тайнах своих гостей она была отличной находкой для Ленуара. Вооружённая нужной информацией Зера могла даже самого осмотрительного человека уговорить поведать ей о своих проступках.

Таким образом знатные и влиятельные гости так или иначе были признательны леди Зере. Она угождала их прихотям, потворствовала их желаниям и охраняла их тайны.

Так она обеспечивала себе положение в высшем обществе Кенниана, в кругу избранных, куда раньше не мог попасть ни один адали.

— То, что произошло с Заком... впервые за всё время я почувствовал... не знаю...

Он замолчал, не в состоянии подобрать слова.

— Вы слишком строги к себе.

— Я? Коди так не думает. Он меня презирает, и я не могу его за это винить. Я видел мир его глазами; я знаю, как выгляжу со стороны.

— Что вы имеете в виду?

— Коди считает себя защитником справедливости. — Ленуар не смог сдержать ухмылку. — Он хочет поймать всех преступников в мире.

— Звучит немного по-детски, — произнесла прохладно Зера. Ленуар не знал, действительно ли она так считает, но был благодарен ей за это замечание.

— Возможно это так, но я не могу обвинить его в амбициях. Я раньше, в какой-то мере, разделял их. Было время, когда я был одержим моей карьерой, когда я фактически забыл то, что это означало провести жизнь за пределами Префектуры Полиции. — Он сделал паузу. Это было похоже на другую давно мертвую и не оплаканную жизнь. — Я также опросил своих начальников, когда они утверждали, что дело безнадежно. Тогда это было невозможно, по крайней мере для меня. Но это было раньше.

— Раньше — это когда?

Ленуар замолчал на мгновение. Как он мог объяснить? До предательства. До нарушенных обещаний, разбитых надежд, непрофессионализма и откровенной измены идеалам тех, кто обещал блюсти Новый Порядок.

— Прежде чем я увидел правосудие таковым, каковым оно является на самом деле, — ответил он, наконец.

— И что же оно из себя представляет?

— Фальшивая выдумка сильных мира сего, продажная и бесконечно услужливая.

Зера выдохнула:

— Это довольно мрачный взгляд для человека профессии, подобно вашей, инспектор.

— Это правда, хотя мне пришлось немного повзрослеть, прежде чем я осознал всё это. Я был влюблен в закон: тогда, когда был молод. Я был очарован идеей, что перед правосудием равны все, не важно, где они родились или какая кровь течет в их жилах. Я хотел верить в революцию. Я хотел верить, что наказание настигнет тех, кто поступает неправильно, вне зависимости от того, сколько денег они имеет и каким количеством титулов прикрываются.

— Думаю, я поняла, что вы имеет в виду. Даже я знаю, что это неправда.

Ленуар глотнул вина. Это не было правдой, ни в Серле и не в Пяти Деревнях. Никто не скажет вам «спасибо» за арест человека, подобного лорду Фейну.

Это поставило бы в неловкое положение множество влиятельных людей: лорда-мэра, чья жена была близкой подругой леди Фейн, спикера парламента, время от времени составлявшего компанию Фейну на охоте, множество титулованных родственников, которым принадлежали более чем значительные владения на территории Пяти Деревней.

Это шокировало бы глупых простолюдинов, уверенных, что по своей природе в характере дворянина должно быть что-то лучшее.

Кроме того, Фейн бы никогда бы не задержался в тюрьме: не тогда, когда он может купить с потрохами магистрата, тюремщика, местные газеты.

А оказавшись на свободе, Фейн, если он окажется достаточно кровожадным (что не редкость среди местного дворянства), придет за Ленуаром, чтобы получить удовлетворение, отыгрываясь на незначительном полицейском инспекторе, который посмел опорочить его драгоценное имя.

Нет, правосудие не было слепым. Оно было проституткой для тех, кто предложит наивысшую цену.

— Как только я понял, что закон можно купить, — продолжал он, — все изменилось. Я видел, что это был за балаган, множество актеров, превратившихся в марионеток, особенно где были задействованы интересы богатых и могущественных. Постепенно, я начал понимать почему. Эти нелепые преступления в состоянии аффекта — как будто они не серийные убийцы. И вы не можете воскресить мертвых, а иначе, какой в этом смысл? Вы никогда не отдадите таких людей под суд, и вы не можете отменить то, что они сделали.

Зера кивнула сочувственно:

— К сожалению, это так. В мире не существует наказания, которое воскресило бы мертвых.

— Таким образом...

Ленуар затих. Он не мог заставить себя сказать это, но он и не обязан был. Он снова чувствовал монету в своей руке, холодную и тяжелую. Цена тишины.

— И таким образом, вы позволите мертвым покоиться, — сказала Зера твердо, — и сохраните их тайны при себе. И если вы умолчали о том, что не смогли изменить, чтобы помочь им, это всего лишь человеческая сущность. Вы не можете корить себя за это, Николя. Вы просто росли и видели мир таким, какой он есть на самом деле — вот и все.

То же самое Ленуар говорил себе на протяжении многих лет.

Когда он просыпался утром, не чувствуя никакого стремления жить, когда он касался мертвой кожи на руке, столь же бесчувственной, как его душа, когда он напивался до беспомысленности и видел лица мертвых, обманутых им — каждый день своей жизни, Ленуар говорил себе, что это было в порядке вещей, что никакой разумный человек не смог бы

сделать ничего больше. Но он знал, как всё обстоит на самом деле.
Как и зеленоглазый человек.

Вороны показали им дорогу к лагерю. Они кружили в бледном небе, шумели и каркали с ветвей деревьев, которые выстроились вдоль дороги.

К тому времени Коди и Ленуар были достаточно близко, чтобы увидеть дым, поднимающийся с поляны. Хор воронов был настолько громким, что он заглушал стук копыт по дороге.

Хор смерти, как их называли в Писании. Коди был не таким уж религиозным человеком, но это все равно заставило его содрогнуться.

Воронье всегда можно обнаружить в больших количествах вблизи лагерей адали, так как там им всегда есть, чем поживиться. Адали не привыкли задерживаться на одном месте, и чистоплотность — не самая их сильная сторона.

Они привыкли оставлять мусорные кучи недалеко от становищ, привлекая тем самым всевозможных падальщиков. Вороны возле лагерей адали было настолько обыденным явлением, что те и другие стали неразрывно связаны между собой в народном творчестве.

И они удивляются, почему все считают их язычниками и ведьмами... Нос Коди сморщился от запаха, который доносился до них из лагеря.

Это была острая смесь из запахов костров, крупного рогатого скота и гнилых овощей. Без сомнения, пахло еще чем-то, но он не собирался утруждать себя, задумываясь, чем именно.

Красные и желтые цвета стали появляться через деревья слева от них, первый признак красочных палаток адали.

Их яркие оттенки смотрятся в окрестных лесах на удивление хорошо осенью и летом, но теперь, когда листья упали, они стояли, как полевые цветы после лесного пожара.

Они были здесь совсем не к месту, как и сами адали, которые к зиме должны были направиться на север, на поиски более теплых мест.

Когда деревья расступились, у поляны стала видна остальная часть поселка. Он не был особо большим. Вероятно, здесь проживало не более ста или около того человек.

Их пожитки были довольно скромными, даже по меркам адали.

Кроме стада из примерно тридцати голов тощего рогатого скота, пасущегося около одинокого фургона, единственный домашний скот, который видел Коди — это маленькая группа коз, что соревновались с воронами за всякий мусор.

Палатки выглядели старыми и поврежденными непогодой, и дети, вышедшие из них, чтобы наблюдать за приближением всадников, были худыми.

Коди прошелся глазами между деревьев, чтобы разглядеть не было ли вокруг другой скотины, но так ничего и не обнаружил. Никаких признаков лошадей, не было слышно даже блеяния овец. Может ли быть так, что это — весь скот, что у них был? Если так, то этот клан находится ужасно низко в пищевой цепи сообщества адали.

Они были изолированы, маргинализированы, можно даже сказать, на них велась охота. Удручающий факт жизни адали: слабые кланы находились под угрозой атаки, которую могли затеять ради крупного рогатого скота или рабов.

Иногда нападающие приходили с юга, из Брайленда и его пределов, но куда чаще это были адали из соперничающих кланов.

Молодые женщины и дети были особенно уязвимы, так как их можно было взять в

жены, или использовать как рабочую силу, или продать в качестве проститутки на юге.

Этот клан вот уже несколько недель как должен был двигаться на север, но они, похоже, чувствовали себя слишком уязвимыми среди себе подобных. Коди гадал, развяжет ли это обстоятельство их языки или наоборот.

Пара псов выскочили к ним навстречу из лагеря, яростным лаем давая знать о появлении чужаков.

— Как думаете, мы добьемся от них чего-нибудь? — тихо спросил Коди.

Адали бывали более чем скрытными, особенно когда речь шла о полицейских расследованиях.

— Сложно сказать.

Ленуар с опаской покосился на собак, которые прыгали возле лошадей. Его жеребец прижал уши, предупреждая псов, чтобы держались на расстоянии.

— Иногда они сотрудничают, если считают, что это снимет подозрения с их рода. Но в этом случае, когда убитый адали, сомневаюсь, что они окажутся сговорчивыми. Адали преданы друг другу и защищают свои обычаи. Если речь заходит о том, чтобы вершить правосудие, они предпочитают заниматься этим самостоятельно.

Коди сомневался, что это предпочтение разделяли нарушители. Правосудие адали было непреклонным, иногда совершенно зверским. И вместе с тем оно было, несомненно, эффективным.

Старейшины кланов следили за подобными вещами: вопреки распространенному мнению, уровень преступности среди адали, которые оставались со своим кланом, был ниже, чем среди населения Кенниана в целом.

Это городские, те, которые были отрезаны от своих традиций и общины, были ответственны за столь несоразмеримое количество преступлений в Пяти Деревнях.

Они спешили на краю лагеря. Уже с полдюжины людей во все глаза следили за ними: выглядели они даже более неприветливо, чем жители Норт Хейвена. Пожалуй, их можно было понять.

Было немного причин, по которым посторонним могло понадобиться посетить лагерь адали, и не одна из них не сулила им ничего хорошего. Люди приходили, бросая обвинения, угрозы и выдвигая требования. Никто не хотел видеть общину адали поблизости.

Они были разбойниками, они посягали на чужие угодья, они привлекали диких зверей. Если в одной из Пяти Деревень вспыхивала чума, адали обвиняли и в этом тоже.

Они привыкли ждать враждебности от любого, кто приходил искать их. Особенно от легавых.

Коди вытащил свернутую бумагу из седельной сумки и развернул набросок.

Он сделан довольно грубо: нос был не совсем верным, да и уголь выглядел размыто в некоторых местах, но, учитывая, что Ленуар дал художнику всего десять минут, чтобы сделать рисунок, тот справился довольно прилично.

Покойник на рисунке был достаточно узнаваемым, чтобы любой, кто был с ним знаком, мог опознать его.

Ленуар направился к центру лагеря, где его уже поджидала группа людей. Как бы бедны они не были, Коди не мог не признать, что выглядели они впечатляюще.

Высокие, с угловатой фигурой и кожей цвета крепкого чая с молоком. Взгляд глаз цвета янтаря, казалось, затягивал в бездну.

Искусно вырезанные украшения из костей и рогов украшали изящные пальцы и тонкие

шей, а одежда, пусть и потёртая, и выцветшая, всё равно была ярче, чем однообразные серые и коричневые вещи жителей Брайленда.

Старейшина, выглядевшая лет на шестьдесят, была типичным представителем своего народа: небольшой рот, высокие скулы и яркие, широко расставленные глаза. Выражение её лица было суровым, густые брови сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию.

— Я — инспектор Ленуар, а это — сержант Коди из Департамента Полиции Кенниана, — произнёс Ленуар громко, привлекая внимание толпы.

— Мы здесь, чтобы задать вам пару вопросов о произошедшем в Берривине.

Несколько человек в толпе хмыкнули, словно говоря: «Ну конечно».

— А что там произошло, инспектор? — спросила старейшина. У неё был сильный акцент, но слова она выговаривала чётко.

— Мы нашли тело — труп адали — и хотели бы, чтоб вы его опознали, если сможете.

После его слов Коди поднял набросок, показывая его собравшимся.

Несколько человек остались послушать, но большинство разошлись по своим делам, демонстративно игнорируя посторонних.

Подобное пренебрежение показалось Коди прозрачным намёком на то, что адали не потерпят, чтобы кто-то приходил в их лагерь и нарушал их покой, обвиняя во всех грехах.

Пока адали рассматривали рисунок, Коди наблюдал за адали. Большинство из них никак не реагировали, но у некоторых Коди замечал скрытую реакцию. У одной из женщин глаза вспыхнули на секунду, а затем снова перестали выражать эмоции.

Мальчик в центре толпы зашевелился, когда кто-то встал перед ним, закрывая обзор. Мужчина, скрестивший на груди руки, сплюнул на землю. А Ленуар и старейшина в это время пристально смотрели друг на друга.

Они не отрывали друг от друга взгляда, с бесстрастными лицами оценивая, на что готов их собеседник. Женщина даже не взглянула на рисунок.

— Мы его не знаем, — ответила она.

Ленуар изогнул бровь:

— Правда? Удивительно, учитывая то, что тело нашли недалеко от Берривина, в каких-то пятнадцати минутах езды отсюда.

— И что вас удивляет, инспектор? Мы не можем знать всех адали в Пяти Деревнях.

Ленуар оглянулся через плечо и улыбнулся Коди:

— Знаете, сержант, я не так уж и умён, как сам считаю. Я и не думал, что адали, не входящему в этот клан, будут здесь рады.

Коди наигранно пожал плечами:

— И я так не думал. Мне казалось, это относится только к друзьям и членам семьи.

— Судя по всему, нам ещё многое стоит узнать о народе адали, сержант, — произнёс Ленуар, оборачиваясь к старейшине и всё ещё улыбаясь.

Женщина просто смотрела на него.

— Полагаю, вы знаете, что сокрытие улики является преступлением, — заявил Ленуар.

— Я полагаю, вы знаете, что мы не признаем за вами права судить нас, — сказала старейшина.

«Для иностранки она очень хорошо говорит на брайлишском» — подумал Коди. Он был готов поспорить, что ей уже приходилось использовать эту фразу раз или два в прошлом.

Ленуар медленно кивнул, склонив голову. Коди решил, что тот думает, задержать ли женщину, и стоят ли того угрозы. Вдвоём они, конечно, задержание не произведут —

понадобится помощь людей Креарса.

Но община никогда не отдаст добровольно кого-то из своих в руки полиции, тем более, старейшину. Если инспектор пойдёт на это — ждать кровопролития.

По-видимому, Ленуар решил, что оно того не стоит, развернулся и пошёл прочь, сказав только: «Коди, идём», будто тот был чёртовой собакой.

Тем не менее, Ленуар был прав — оно того не стоило. Коди это понимал, но внутри у него всё кипело. Эти люди знали убитого, это было так же очевидно, как солнце, светящее на небе.

Но они не собирались арестовывать их. Придётся потратить целый день, чтобы доставить старейшину в участок, а зачем?

Ведь она им точно ничего не скажет, по крайней мере, без подписанного Парламентом приказа о дозволении использования более жестоких методов допроса. А к тому времени мальчик уже может быть мёртв.

— И что теперь? — буркнул Коди, когда они взобрались на лошадей. Адали всё ещё стояли рядом со старейшиной, не сводя с них пристального взгляда своих янтарных глаз.

— Если мы не можем получить сведения непосредственно от адали, можем попробовать кое-что другое.

— Что же?

— У северной границы Берривина есть аптека. Мы проезжали её по дороге сюда.

«Умно», — скрепя сердце признал Коди. Адали славились своими зельями, компрессами и тому подобным.

В былые времена адали никогда не стали бы торговать лекарственными травами с жителями города, но сейчас этот народ не жил настолько обособленно. Они ощутили преимущества цивилизации, и те им понравились.

Хорошую аптеку, особенно расположенную на краю города, посещают как жители деревни, так и адали. Возможно, аптекарь опознает убитого.

В конце концов он сможет им рассказать об общинах, бывавших в этой местности.

Коди глубоко и удовлетворённо вздохнул, когда они выбрались на дорогу.

Вот как должно проходить расследование.

Впервые Коди ощутил, что Ленуару действительно важно это дело. Он понятия не имел, чем это дело особенное, но был рад увидеть инспектора таким.

Он только надеялся, что они найдут Зака живым. Ведь если нет — он не знает, когда Ленуар ещё так серьёзно отнесётся к делу и отнесётся ли вообще.

* * *

Аптекарь как раз открывал магазин, когда подъехали двое полицейских. Похоже он занимался разгрузкой товара — обе руки были чем-то заняты.

В левой руке он нёс небольшой мешок, из которого послышался пряный аромат, когда мужчина перехватил его, пытаясь найти ключи.

В другой руке он нёс огромный мешок какой-то травы, которую Коди не смог узнать.

Единственное, что знал о ней сержант, это то, что она не используется при приготовлении пищи.

— Пожалуйста, входите, — произнёс аптекарь, снова перехватывая мешки, чтобы достать ключ из замка.

Коди предложил бы помощь, но по некоторым причинам он не стал этого делать,

независимо от того, что нес человек.

Магазин был небольшим и беспорядочным, было темно, даже после того, как человек зажег фонарь. В нем не было окон, и дверь, смотрящая на запад, пропускала очень мало солнечного света.

— Так лучше для плесневых грибов, — пояснил аптекарь, пока его гости приспособлялись ко мраку.

Смесь запахов почти вызывала головокружение. Некоторые пряные, немного сладкие, некоторые землистые — и среди всего этого очевидный запах гнили.

Коди посещал аптеку раньше, но именно в этом магазине, очевидно, обслуживали особых клиентов. Вместо средств от порезов, ушибов и головной боли, в этой аптеке ассортимент был для менее повседневных целей.

«Даже не собираюсь об этом больше думать», — подумал Коди мрачно.

— Чем могу быть вам полезен, парни? — спросил мужчина, как только расположился за прилавком. Он был высок, и внимательно смотрел на них своими большими янтарными глазами.

Интересно, а есть ли в нём кровь адали? Если так, то он будет не более разговорчив, чем остальные.

— Мы пытаемся опознать этого человека, — произнёс Ленуар, жестом показывая Коди достать набросок.

— Вы его видели?

Аптекарь нахмурился и задумчиво посмотрел на рисунок, держа его под лампой.

— Хм, не думаю. А вы уже говорили с кем-то из клана Азис?

— Это лагерь на выезде из города? — спросил Коди. — Мы только что оттуда. Адали утверждают, что не знают его, но мы считаем, что они лгут.

— Почему? — холодно спросил аптекарь. — Потому что они адали?

Его глаза неуловимо изменились, но прежде, чем Коди ответил, Ленуар произнёс:

— Потому что они лгали. По их лицам было видно, что этого человека они раньше видели. Даже один из ребят его знал.

Значит и Ленуар это заметил. Ну конечно.

Аптекарь пожал плечами.

— Возможно. Думаю, община считает, что покойный совершил преступление, и хотят сами с этим разобраться. Адали вообще предпочитают карать сами.

— Этот человек уже мёртв, — заметил Коди.

— Да? Что ж, в таком случае, они хотят защититься. Адали знают, что всю общину обвинят вместе с этим мужчиной, — слабо улыбнулся аптекарь.

— Звучит правдоподобно, — произнёс Ленуар, — но я думаю, есть ещё что-то. Один из членов общины сплюнул на землю, когда увидел набросок.

Коди удивлённо хмыкнул. В тот момент Ленуар пристально рассматривал старейшину, но ничто не ускользнуло от его взгляда. Мужчина стоял далеко и вёл себя тихо, поэтому Коди решил, что инспектор не заметил ничего даже краем глаза.

— Может быть, он изгнанник, — предположил аптекарь. — Когда адали изгоняют из общины, от него все отрекаются. Остальные даже не признают больше его существование.

— И за что человека могут изгнать из общины?

— О, за многое.

Аптекарь опустил мешок, который нес, на прилавок и начал его развязывать. Коди

смотрел с нездоровым восторгом, немного побаиваясь увидеть, что там внутри.

— Заключение в тюрьму Брайленда обычно бывает достаточно: за те же преступления клан назначил бы куда более суровое наказание. Они также высылают тех, кто, как им кажется, относится непочтительно к ценностям адали. Обычно преступления являются в некотором роде духовными или религиозными. Зная клан Азис, держу пари, что это была кхекра.

— Что вы сказали? — нахмурился Ленуар. — Хек-ра?

Человек улыбнулся:

— Достаточно близко. Волшебство адали. Или, скорее, чрезвычайно темный вид магии адали. У клана Азис было несколько колдунов, которые славились когда-то, но они отказались от кхекры много лет назад. Они говорят, что это принесло им только горе, и они, вероятно, правы. Старейшины всегда не одобряли это, но в наши дни кто-либо, уличенный в темной магии, высылается или того хуже.

Коди и Ленуар переглянулись. Они слышали о такой магии, конечно — все слышали.

Во многих захолустных деревнях во всяких неудачах, от погоды до болезней и несчастных случаев, винили магию адали.

Но более образованные жители Пяти Деревень отвергли это как суеверную чушь.

Аптекарь вывернул мешок на прилавок, заставляя Коди отойти на шаг. Однако, к его облегчению, он увидел всего лишь связку высушенных цветов.

— Вы, парни, выглядите немного скептическими, — сказал аптекарь. — Я подозреваю, что вы не верите в магию.

— А вы верите? — спросил Ленуар.

Мужчина пожал плечами, достав откуда-то из-за прилавка глиняный горшок. Он начал сортировать высушенные цветы, складывая их в горшок.

— Я уже двадцать пять лет веду дела с адали, и за это время видел многое, что не мог объяснить. У них бесспорно дар к врачеванию. Кроме того, если вы встретите адали, которого постоянно преследуют неудачи, будьте уверены, что он кого-то недавно оскорбил. Этот народ постоянно боится, что их сглазят.

Коди фыркнул:

— Человек, верящий, что его прокляли, сам притягивает к себе неудачу.

— Возможно, — согласился аптекарь, — но ведь в таком случае неважно, настоящее проклятие или нет. Результат один и тот же.

— В каких-либо заклятиях фигурируют дети? — спросил напрямик Ленуар.

Он хотел шокировать аптекаря, и ему это удалось. Руки мужчины замерли над столом.

— Почему вы спрашиваете? — произнёс он сдавленным шёпотом.

Коди открыл рот, чтобы ответить, но Ленуар его оборвал:

— Неважно. Отвечайте на вопрос. Слышали ли вы о каком-либо виде кхерха, в котором используются дети?

Взгляд аптекаря снова опустился к цветам, его дрожащие пальцы продолжили работу.

— Господи, да, слышал, — пробормотал он. — И из-за этого я не спал много ночей.

Коди уставился на него, почувствовав внезапную дурноту.

— Кто вам рассказал? — спросил Ленуар. — Вы говорили, в клане Азис есть врачеватели, знакомые с магией кхекра.

— Они были знакомы с магией. Сейчас это запрещено старейшинами.

— Почему?

— Вы заметили, насколько они бедны? Около десяти лет назад их стада пали от мора. Вымерли все, до последнего животного. Тогда колдуны кхекра начали возвращать мёртвых. Старейшины решили, что боги наказали клан за использование колдовства, и объявили кхекра вне закона. После этого любой, кто был замечен за его использованием был изгнан или казнён. Но ущерб уже был нанесён. Клан потерял место в обществе адали. Они не могли больше голосовать по вопросам миграции. Их даже не приглашали на ежегодное собрание кланов. В этом не было смысла. У них не осталось денег, они не могли заплатить должную сумму могущественным кланам. Вот почему они всё ещё в Берривине накануне зимы — им просто некуда больше деться. Без пастбищ им не восстановить стада. Они настолько бедны, что на их лагерь больше не совершают набегов — ведь брать там нечего.

«Кроме женщин и детей», — мрачно подумал Коди. Клан Азис действительно находился в крайне тяжёлом состоянии. А отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки.

«Мы на верном пути. Но что-то я не чувствую радости по этому поводу. Всё это ведёт чёрт знает куда»- Коди это печёнкой чувствовал.

Ленуар постучал ногтем по сделанному углём наброску:

— Будем считать, что вы правы, и этого человека изгнали за колдовство. Зачем ему мог понадобиться ребёнок? Какова цель?

Аптекарь понизил голос и заговорил быстрее, желая побыстрее закончить эту беседу.

— Кхекра использует всё, что угодно: травы, минералы, органы животных...

— И людей, — продолжил Ленуар.

Губы Коди скривились от отвращения. Дикость какая!

— Иногда. Обычно не используется ничего зловещего — ногти, волосы, капли крови. Но имеет значение, откуда вы берёте материал. От кого вы его берёте. Чем моложе человек или животное, тем чище материал, а чем чище материал, тем сильнее заклинание.

— Поэтому они используют детей, — произнёс Коди с отвращением.

Лоб аптекаря покрылся испариной. Он ещё больше понизил голос, говоря почти шёпотом.

— Адали верят, что с помощью ребёнка можно сотворить действительно мощное заклинание, способное залечить даже смертельные раны. Но я не слышал, чтобы они причиняли детям вред, для этого нужно только пару капель крови.

— Только? — прорычал Коди, не в силах скрыть свою ярость.

Аптекарь провёл рукой по вспотевшему лбу:

— Послушайте, я всего лишь... говорю, что знаю, сержант. Пытаюсь помочь.

Лицо Ленуара не выражало эмоций:

— А что насчёт трупов? Они используются в медицине?

Несчастный аптекарь позеленел и покачал головой.

— Нет. Плоть мёртвых нечиста, её никогда не используют в медицине. Может при колдовстве, но я не думаю, что кто-то из адали на это пойдёт. Они верят, что за осквернение покойных будут наказаны свыше. Этот народ чтит мёртвых.

Взгляд Ленуара стал рассеянным, лоб прорезала морщина. Затем взор снова стал осмысленным, и он спросил:

— А предполагает ли какое-то заклинание обязательное наличие ребёнка и мёртвого тела?

Аптекарь в растерянности покачал головой:

— Я не... Я никогда о таком не слышал. — Он положил руку на живот, будто ему стало плохо. — Что происходит, инспектор? Господи, неужели кто-то?..

— Кто может рассказать нам больше? — перебил его Коди.

— Любой адали, но я сомневаюсь, что кто-то решится. Поймите, сержант, об этом адали не говорят, даже среди своих. И я не должен был вам это рассказывать. Бог свидетель, я и не хотел.

Последовала долгая пауза. Ленуар произнёс:

— На этом всё. Спасибо вам.

Солнечный свет снаружи был настолько ярким, что Коди пришлось зажмуриться. Когда его глаза приспособились к освещению, он увидел двух женщин-адали, ожидающих их рядом с лошадьми.

— Инспектор, — произнесла одна из них, когда Ленуар подошёл ближе. Коди её узнал, она стояла в толпе во время их разговора со старейшиной.

— Мужчина, которого вы ищите, — произнесла женщина с сильным акцентом, — мёртв?

Коди достал набросок и протянул его адали:

— Вы его знаете?

Женщина постарше грустно взглянула на рисунок:

— Да. Он был... был моим братом.

Другая женщина — помоложе — взяла её за руку и легонько сжала.

— Как его звали? — спросил Ленуар.

— Я не могу сказать, — произнесла сестра погибшего. — Нам запрещено произносить имя, которое он когда-то носил. Он...

Она запнулась, нахмурившись, будто подбирая слова.

— Он перестал существовать, — продолжила молодая адали.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Коди подозрительно.

Ленуар догадался:

— Его изгнали.

Вот как. Аптекарь упоминал, что когда кого-то изгоняют, клан больше не признаёт его существование. Но Коди не думал, что надо это воспринимать настолько буквально.

— Почему вы спрашиваете о нём? — поинтересовалась сестра. — Он совершил что-то... перед тем, как погиб?

Ленуар прищурившись взглянул на неё:

— Думаю, вы знаете ответ.

Женщина покачала головой, роговые бусины на серёжках ударились друг о друга от этого движения.

— Нет. Я его давно не видела, он жил в городе. А то, что он сделал здесь, за что его изгнали... Вас это не касается.

— Касается, — ответил Ленуар. — Расскажите мне об этом.

— Это запрещено, — произнесла женщина.

— Он занимался?...

Коди замолчал, прежде чем произнести следующее, он понимал, что это только больше расстроит женщин.

— Он занимался медициной?

Глаза женщины наполнились слезами, и она опустила голову.

— Медициной? — прошептала она с дрожью в голосе. — Да, он многим помог.

— Да, многим, — твёрдо сказала вторая женщина, переглянувшись с сестрой убитого.

— И поэтому старейшины прогнали его? — поинтересовался Коди.

Сестра посмотрела в сторону, её губы сжались. Им ответила вторая женщина:

— Нет, не поэтому. Старейшины знали, чем он занимался, хотя и делали вид, что не знают. Его изгнали за... за дождь.

Ленуар нахмурился:

— За дождь?

— Точнее, не за дождь, а... — Она запнулась и дёрнула рукой, пытаясь подобрать нужное слово из чужого языка. — За то, когда нет дождя, — беспомощно продолжила она.

— Засуху? — предположил Коди.

— Да, засуху. Дождей не было три сезона, стадо постепенно вымирало. Мы были бедны, люди болели и страдали.

— Мой брат пытался помочь, — произнесла тихо сестра. — Он составил заклинание. И его поймали.

— И изгнали, — продолжил Ленуар. — Вы видели или общались с ним с тех пор?

Сестра напряглась:

— Нет.

— Его для нас не существовало, — напомнила вторая женщина.

— Как давно он перестал существовать?

К удивлению Коди, в вопросе инспектора не было сарказма. Как бы дико это не звучало для жителей Брайленда, адали относились к этому серьёзно, и Ленуар уважал чужие традиции.

— Четыре или пять сезонов, — ответила молодая.

«Значит, около двух лет», — решил Коди. Адали считали сезоны по своим переселениям. Сезон начинался, когда они покидали Кигири и направлялись на юг к Брайленду, и заканчивался, когда с наступлением осени, они возвращались домой.

Только сейчас клан Азис не мог возвратиться на север. Это должно было нарушить их привычный уклад. Впервые Коди осознал, что адали никогда раньше не сталкивались с зимней погодой, пока не появились в Брайленде. Как они ухитряются выжить?

«Они ведь передохнут, как мухи на холоде», — мрачно подумал сержант.

— Вы сказали, что он жил в городе, — продолжал Ленуар. — Знаете, чем он там занимался? Где жил, с кем работал?

Сестра покачала головой, серёжки снова звякнули друг о друга. Взгляд янтарных глаз был грустным и смирившимся с потерей. Коди решил, что она не врёт.

— Назовите его имя, — сказал Ленуар.

— Это запре...

— Знаю, — перебил Ленуар, — но на кону жизнь мальчика, и времени у меня в обрез.

— Жизнь мальчика? — побледнела женщина. — Мой брат бы не причинил вреда ребёнку!

— Уверены? — с сомнением произнёс Коди. — Его ведь изгнали из общины, не так ли?

Она бросила на него острый взгляд:

— Его позор... Он сотворил те заклинания, чтобы помочь людям, он не собирался вредить. Он делал плохие вещи, верно, но он только хотел помочь нам. Если он продолжал делать плохие вещи, когда умер, это всё было для людей. Для нашего клана.

Коди почувствовал, как скривились его губы, но ему удалось проглотить саркастичный ответ. Что касается Ленуара, тот просто сказал:

— Может и так, но факт остается фактом: мальчик исчез, и с этим каким-то образом связан ваш брат. Что вы можете рассказать о его магии? Приходит ли вам в голову какая-нибудь причина, по которой ему мог бы понадобиться ребенок?

— Он бы не стал вредить ребенку! — настаивала женщина, и её голос зазвучал выше. — Я уже объясняла, что не должна. Нельзя говорить много об этом. Это запрещено, — её глаза расширились от страха.

«Мы слишком давим. Так мы вот-вот потеряем её».

Ленуар тоже понимал это, он поднял руку в успокаивающем жесте:

— Простите меня. Я больше не буду спрашивать о магии. Но я должен знать имя вашего брата. Если то, что вы сказали, правда, он бы не хотел, чтобы ребенок пострадал, а если я не найду его, мальчик может умереть. Прошу вас.

Женщины переглянулись. Та, что моложе, сказала что-то на языке адали, качая головой. Сестра вздохнула. Они посоветовались еще немного, затем сестра повернулась к Ленуару.

— Меня могут изгнать за это, — сказала она. — Но мальчик в опасности, а это может помочь, так что я должна. Взамен, я прошу вас проследить, чтобы тело моего брата было сожжено, как это принято у нас. Не позволяйте им предать его земле, — её глаза вновь наполнились слезами, и она тяжело сглотнула.

— Я прослежу за этим, — пообещал Ленуар.

— Его имя... — её голос дрогнул, и она вновь сглотнула. — Его звали Райен.

— Благодарю вас, — сказал Ленуар.

— Вы совершили правильный поступок, — добавил Коди.

Женщина кивнула. Она сказала что-то своей компаньонке на родном языке, и они, повернувшись, направились вверх по дороге к лагерю Азис. По пути младшая обхватила плечи сестры.

Волнение скрутило внутренности Коди. Кое-чего они уже достигли.

— Куда теперь, инспектор? Обрато в город?

— На станцию. Когда доберемся туда, разойдемся. Вам предстоит наведаться в трущобы, форт Холд — везде, где только собираются адали. Теперь, когда у нас в придачу к наброску есть имя, появилась возможность найти кого-нибудь, кто знает этого Райена.

Коди кивнул:

— А вы?

— Отправлюсь к писарям, поищу какие-нибудь упоминания о нем или о любых других членах клана Азис, живущих в Пяти Деревнях. Может быть Райен разыскал кого-то из родственников.

— Звучит разумно.

— Если повезет, может быть удастся найти кого-нибудь, кто сможет рассказать больше о кхекре. Мы всё еще не имеем понятия, каков был мотив, а это важнейший ключ к разгадке.

Они сели верхом и направились обратно к городу, стараясь двигаться как можно быстрее. Они едва достигли предместий Берривина, когда услышали стук копыт позади. Коди обернулся в седле и узнал констебля Креарса и двух его людей, скачущих прямо к ним.

Стоило им поравняться, как Креарс сказал:

— Рад, что смог отыскать вас так быстро. Нашли еще одно тело, сэр, убит где-то час или два назад, как нам кажется. Мужчина-адали, лет двадцати с лишним.

Ленуар и Коди обменялись взглядами.

— Отправляйтесь, сержант. Опросите людей в городе. Я останусь с Креарсом и займусь делами здесь. Встретимся завтра.

— Да, сэр, — Коди решительно кивнул Креарсу, развернул лошадь и ускакал, оставив Ленуара разбираться с трупом.

Пока Коди ехал, его разум усиленно работал. За последние двадцать минут он узнал о культуре адали больше, чем за прошедшие двадцать лет, и он не был уверен, что с этим делать.

Но в одном он был уверен: чтобы сейчас не происходило, это имело отношение к чему-то большему, чем судьба одного мальчишки — и всё происходящее вот-вот грозило выйти из-под контроля.

Последовав за Креарсом, Ленуар очутился на узкой аллее на восточной стороне города, где вокруг тела собралась группа констеблей.

Они негромко разговаривали друг с другом и даже немного смеялись, но при приближении Креарса замолкли. Констебль не должен был проявлять неуважительного отношения, независимо от того, кто был жертвой.

В положении тела не было ничего примечательного. Труп лежал на пересечении двух дорожек аллеи, под таким углом, будто жертва упала, пытаясь свернуть за угол с одной дорожки на другую.

Человек лежал на боку, одно колено притянуто к груди, оба локтя прижаты к телу, почти как жертва ножевого ранения. Но нигде не было ни крови, ни видимых ран.

Будто прочтя мысли Ленуара, Креарс сказал:

— Мы ещё не выяснили, от чего он умер. Я осмотрел его немного, но ничего не нашёл.

Ленуар хмыкнул и осмотрелся. Вокруг тела стояло пятеро караульных, включая двоих, что сопровождали Креарса, когда он пришёл за Ленуаром.

— Кто из вас его нашёл? — спросил Ленуар, и самый долговязый караульный поднял руку. — Остальные могут идти. Аллея слишком тесная для всех вас, вы затапываете место преступления.

Караульные переглянулись, но никто из них не сдвинулся с места, все смотрели на командира.

Креарс слегка повысил голос:

— Вы слышали инспектора! Идите! — Он смущённо повернулся к Ленуару. — Простите, сэр...

Ленуар махнул рукой:

— Не беспокойтесь. Вполне естественно, что ваши люди демонстрируют вам свою лояльность.

На самом деле Ленуар завидовал: он с трудом мог представить, чтобы Коди проигнорировал приказ вышестоящего начальника. Впрочем, Ленуар и не сделал ничего, чтобы завоевать его расположение.

В переулке находились только Ленуар, Креарс и стражи, нашедшие тело, и инспектор вдруг осознал мрачность и пустынность этого места.

От трёхэтажных зданий, стоящих вдоль переуллка, падала тень прямо на убитого, и его кожа казалась тёмно-серой, будто плоть давно уже начала разлагаться.

— Когда вы его нашли? — спросил Ленуар стража.

— Чуть больше часа назад. Она показала, — мужчина указал на дальний конец переуллка, где с корзиной цветов стояла молодая женщина, бледная и дрожащая на солнце. — Она была там всё время, — добавил страж, и понизил голос. — Думаю, она всё ещё в шоке.

— Вы уже опрашивали её?

— Я об этом позаботился, — ответил Креарс. — Она говорит, что ничего не видела. Просто проходила мимо и увидела его, лежащего тут. Заподозрила что-то неладное и позвала стражу.

Ленуар снова посмотрел вниз, на труп. Чувство страха расплзлось по его телу, словно желчь, вытекающая из желудка. Он не хотел осматривать тело, особенно перед Креарсом.

— Кто-нибудь еще вокруг видел что-нибудь? — спросил он, цепляясь за любую возможность потянуть время. — Вы опрашивали прохожих?

Креарс взглянул на него с любопытством:

— Часть моих людей занимается этим прямо сейчас. Вы, возможно, видели их на улице? Поручил им заняться этим еще до того, как отправился искать вас.

Разумеется, Креарс позаботился и об этом. Будь он проклят.

Возникла неловкая пауза. Креарс выглядел смущенным. Он начал было что-то говорить, затем взглянул на стража и замолк, почесывая бороду.

В конце концов, после того, как Ленуар так и не сдвинулся с места, Креарс предпочел долг приличиям и заметил:

— Инспектор, вы не собираетесь взглянуть на тело?

Ленуар машинально кивнул и присел. Нет смысла ходить вокруг да около.

Рубашка мужчины уже была расстегнута, по-видимому еще Креарсом при первичном осмотре. Не было заметно ни следов крови на одежде, ни синяков или порезов на теле.

Голова, похоже, была повреждена. Ленуар перекатил тело на спину. Труп еще не начал коченеть, но кожа с другой стороны тела была фиолетового оттенка, который отчетливо выделялся на фоне бледного тела.

Изменение цвета свидетельствовало, что тело пролежало в такой позе по меньшей мере час. Креарс правильно определил примерное время смерти.

— Самое большее — два часа, — отметил Ленуар.

— Он был еще теплым, когда мы нашли его, — вставил стражник, — и не было никаких трупных пятен. Не уверен, но большая часть тех двух часов включает то время, пока я ходил за констеблем.

— Но ничего подозрительного вы не видели?

Ленуару не было необходимости поднимать взгляд на стражника, чтобы понять, что тот был раздражен.

— Я бы сказал об этом, инспектор.

Это был глупый вопрос, но Ленуар просто болтал, пока его глаза скользили по трупу, а сам инспектор старался не обращать внимания на разорванную чуть ниже колена ткань брюк.

Но бледная плоть в прорехе между тканью уже зацепила его взгляд, плотно приковав к себе. Ленуар не мог заставить себя посмотреть прямо на неё, но и отвернуться тоже не получалось.

Как бы он хотел, чтобы Креарс и стражник ушли!

— Констебль! — закричал кто-то с улицы, словно по команде.

— Думаю, вам стоит пойти и узнать, в чём дело, — к облечению Ленуара, Креарс развернулся и направился вниз по переулку.

Решив не упускать момент, Ленуар взглянул на стража:

— Отправляйтесь за ним.

Стражник нахмурился и уже собрался было что-то возразить, но заметив выражения лица инспектора, передумал и повиновался.

Ленуар нагнулся над ногой трупа, но вдруг заколебался, руки начали дрожать и застыли над телом. Штанина была порвана в трёх местах в виде трёх полос, идущих от лодыжки к колену.

Пересилив себя, Ленуар откинул ткань в сторону, оголяя ногу.

На коже виднелись глубокие наклонные колотые раны, будто какой-то огромный зубастый зверь зажал в пасти конечность и пытался утащить жертву.

И вокруг не было крови, по крайней мере, свежей. Ссадины у краёв ран должны были быть багровыми или красными, но они были иссиня-чёрными на фоне серой кожи.

Были видны сосуды — тонкая тёмно-синяя сеть, сплетающаяся под кожей оголённой конечности. Казалось, будто кровь застыла в сосудах, и внезапно Ленуар тоже почувствовал неприятный холод.

Чувство страха, скрутившее прежде внутренности, завладело всем телом — Ленуар оцепенел.

Рука трупа перекинулась через грудь, когда Ленуар переворачивал тело на спину. Сейчас инспектор увидел, что кончики пальце разодраны и покрыты засохшей кровью, и он автоматически посмотрел на брусчатку у головы покойника.

Ленуар очень чётко представлял себе эту картину: человек цепляется пальцами за камни, пытаясь отползти от нападавшего, а его нога обвита плетью.

Что-то сжалось в груди инспектора, когда он представил ужас того человека, его неспособность понять, почему вдруг ноги перестали его слушаться. У Ленуара тоже налились свинцом руки, и он ощутил металлический привкус страха во рту.

Взгляд упал на глаза погибшего — широко открытые, смотрящие в небо. Ленуар видел в них своё отражение — бледное лицо в золотистом зеркале. Это зрелище заставило его замереть.

Казалось, инспектор смотрел на себя глазами погибшего. И выглядел он как человек, приговорённый к смерти.

«Так и есть. Смерть меня нашла. Она видит меня. И она меня, наконец, получит».

Всё было как во сне — медленно и нереально, и поэтому, когда Ленуар увидел пару жёлто-зелёных глаз, смотрящих на него из-за угла, он решил, что ему это показалось.

Но, когда мёртвая плоть на руке внезапно начала жечь, будто кровь впервые за десять лет потекла по венам, Ленуар осознал, что это не сон.

Человек с зелёными глазами был здесь.

Существо не двигалось. Оно молча рассматривало Ленуара, его бледное лицо было бесстрастным. Ленуар тоже не двигался, страх парализовал его сильнее, чем что-либо прежде.

Ленуар чувствовал себя кроликом, который надеется, что его не заметят, и даже не шевелится, боясь спровоцировать хищника.

«А вдруг существо меня не узнает? Может, прошло уже достаточно долго времени? А может среди всех людей, помеченных смертью, моё лицо затеряется?»

Прошла вечность; вокруг царила такая тишина, что время, казалось, замерло. Ленуар боялся вдохнуть, пока не почувствовал, что лёгкие сейчас лопнут. Когда инспектор понял, что больше не может без воздуха, он подскочил и попытался убежать.

Но он не успел и шагу сделать, когда взлетели в воздух кожаные языки плети, сбивая его с ног и заставляя растянуться на мостовой. Ленуар приготовился к последнему — смертельному — удару, но его не последовало.

Вместо этого существо взирало с любопытством, склонив голову на бок. Как кошка, играющая с добычей, он использовал ровно столько силы, чтобы усмирить жертву и изучить её внимательнее, не убивая.

Казалось, он не мог решить, нападать ли дальше, и на короткое, удивительное

мгновение Ленуар почувствовал надежду.

Но затем зелёные глаза сузились — слегка, практически неуловимо, но Ленуар это отчётливо увидел, и паника затопила его, будто река, прорвав плотину. Существо узнало инспектора.

Ленуар снова вскочил на ноги — единственной надеждой было добраться до залитой солнцем улицы впереди. Но существо это предвидело — щёлкнула плеть, нацеленная инспектору в голову.

Ленуар пригнулся, и проклятое орудие прошло настолько близко, что взъерошило волосы. Когда кнут врезался в стену, кругом полетели кирпичные осколки, как от пушечного выстрела.

Казалось невероятным, что камень уступил коже плети, но Ленуару некогда было размышлять на эту тему. Он оттолкнулся от земли и рванул в противоположном направлении — подальше от чертового орудия, но и дальше от спасительного солнечного света.

Часть разума, которая ещё могла размышлять здраво, говорила Ленуару, что это бесполезно, что ему никогда не сбежать от человека с зелёными глазами.

Прошло уже десять лет с тех пор, как он ускользнул от своего охотника, и за эти десять лет он только больше устал и прибавил в весе. А существо нисколько не изменилось, оставаясь таким же молодым. Это можно было объяснить только сверхъестественным происхождением.

Зеленоглазый человек никогда не собьётся с дыхания, его ноги никогда не устанут. Ленуар слышал, что тот продолжил преследование, и уже почти хотел сдаться, отдать себя в руки правосудию, которого он несомненно заслуживал.

Но инстинкт самосохранения был настолько силён, что инспектор продолжал бежать вперёд изо всех сил.

Он достиг конца аллеи и быстро огляделся. Он чуть не разрыдался от отчаяния, от того что обнаружил: другая аллея шла перпендикулярно нынешней и тонула в тени, отбрасываемой зданиями.

Оба направления вели к другим темным аллеям — не на улицы, не к свету. У Ленуара мелькнуло чувство, которое должно быть испытывает крыса в лабиринте, натываясь на одни тупики, но для него тупик означал смерть.

После недолгого колебания он бросился направо, так как этот путь казался немного короче. Он осознал, как близко подобрался к нему зеленоглазый человек, только услышав, как за его спиной стена развалилась на куски.

Камень ударил его по затылку. Его зрение помутилось и он качнулся вперед, но удержался на ногах и продолжил бег. Он должен добежать до солнечного света.

Он даже не был уверен, что этого хватит, чтобы спасти его, но всегда считал, что солнечный свет избавил его от зеленоглазого человека десять лет назад, так что это оставалось его единственной надеждой.

Призрак потратил время на удар плетью, но вновь приблизился. Ленуар не осмеливался посмотреть назад. Он продолжал нестись сломя голову, не обращая внимания на свои легкие, ноги, рассудок.

Он почти достиг следующего Т-образного перекрестка, когда кто-то вышел из-за угла перед ним, мужчина, который нес дрова на плече. Ленуар увидел его вовремя и смог его обогнуть, почти наткнувшись на стену перед ним, прежде чем свернуть влево на другую

улицу.

Звук столкновения позади него и последовавший за этим ряд ругательств, дал ему знать, что зеленоглазый мужчина столкнулся с крестьянином. Часть его разума отметила, что призрак в конце концов должен быть материальным.

Другая, более практичная часть его разума отметила, что столкновение стоило призраку нескольких драгоценных секунд. Возможно этого будет достаточно.

Улица была почти перед ним. Солнечный свет, который проникал сквозь каменные блоки, для Лемуара был подобен райским лучам.

Он не мог двигаться достаточно быстро: он чувствовал, что движется сквозь невидимый вязкий поток, который мешает его движению, делая его конечности невыносимо медленными. Он боролся с ним, двигаясь вперед, в то время как каждый сустав болел от усилий.

Если бы он не видел солнечный свет впереди, если бы не был так близко к нему, он бы никогда не стал сопротивляться, когда плеть сбила его с ног снова. Он бы подчинился неизбежному, позволил бы жизни вытечь с одним лишь мимолетным чувством сожаления.

Но залитая солнцем улица дала ему надежду, и, когда булыжник мостовой под его ногами взорвался, и он упал лицом вниз, он хотел только выжить.

Он пополз вперед на четвереньках, как какая-нибудь извивающаяся ящерица, спасающаяся от ястреба. Верхняя половина его туловища находилась на улице, когда он почувствовал вспышку боли в лодыжке.

Его потащило назад, но он схватился за угол ближайшего здания, как раз вовремя, чтобы его не утянуло обратно на аллею.

Он уперся локтями в стену здания, стараясь держать верхнюю половину своего туловища на улице. Он почувствовал, как зубцы дергают и разрывают его плоть, когда кнут потянули назад, словно подсекли удочку с уловом.

Он рванул вперед изо всех сил, но почувствовал, как его силы таят. Жгучий холод начал просачиваться из его лодыжки.

Его вены ошетились инеем, и волна тошноты захлестнула его, хотя он не мог сказать, был ли тому причиной чистый ужас или ощущение умирающей плоти.

Перед глазами мелькнула непрошенная картина: его труп лежал в переулке, голени стертые, пальцы сломаны и окровавлены из-за тщетных попыток перетащить себя вперед...

Над ним прозвучал сердитый окрик, и Лемуар посмотрел вверх и увидел, как к нему несется карета. На мгновение он подумал, что выторговал одну смерть вместо другой, но кучер успел направить лошадей в сторону вполне достаточно, чтобы не переехать Лемуара. Копыта ближайшего животного разминулись с черепом Лемуара буквально на ладонь.

Когда экипаж проносился мимо, его колеса оказались в пределах досягаемости и Лемуар ухватился за свисающую кожу, сначала одной рукой, потом другой.

Его потащило вперед. Боль была мгновенной и невыносимой; плоть на его лодыжке разорвало еще сильнее, и его руки будто вывернуло из суставов. Он был вынужден отпустить экипаж.

Но внезапного, неожиданного толчка было достаточно, чтобы вытащить духа на улицу. Лемуар почувствовал, как плеть ослабла. Он был свободен. Затем он услышал вопль и оглянулся.

Дух стоял на четвереньках на улице, блестящие черные волосы закрывали его лицо. Женщина на той стороне улицы указывала на него и вопила, привлекая взгляды других

прохожих.

Руки закрывали рты, люди чертыхались и кричали. Женщина первая бросилась бежать, за ней последовали другие.

Сначала Ленуар подумал, что вообразил это: дым пошел из тела призрака, его руки и лицо Ленуар не мог видеть. Затем он осознал, что это не было его воображением.

Плоть духа горела. Кожа на бледных руках сморщивалась как тонкая бумага в огне, глубокие дыры обнажили мышцы и кости. Дух поднялся на ноги и повернулся к Ленуару.

Когда он поднял голову, Ленуар увидел самое ужасное зрелище в своей жизни. Прекрасное, высеченное из мрамора лицо оплавилось. Плоть на одной щеке исчезла полностью, обнажив связки мускулов цвета сырого мяса.

Губы исчезли; зубы сверкали в ужасной пародии на усмешку. Веки с одной стороны также истончились, открыв единственное глазное яблоко с ядовито-зеленым зрачком. Этот зрачок сфокусировался на Ленуаре и нес одно простое безошибочное послание:

«Ничего не кончено».

Дух пристально смотрел на Ленуара одно долгое мгновение, очевидно забыв о криках и воплях, окруживших его. Затем он спокойно повернулся и направился назад на аллею.

Ленуар ничего не мог поделать с собой. Он поднялся на трясущихся ногах и направился к аллее. Улица фактически опустела и Ленуар стоял в ее центре, держась подальше от теней. Когда показалась аллея, Ленуар не был удивлен тем, что увидел там.

Зеленоглазый мужчина стоял во мраке рядом со входом на улицу. Его лицо было снова почти целым, не считая пятна на его щеке, которое постепенно исчезало под взглядом Ленуара. Его жгучий взгляд сверлил Николая, но он не сделал попытки вернуться на свет.

Всякие сомнения Ленуара на счет бессмертия этого существа рассеялись в этот момент вместе с надеждой, что сам он может прожить долго. Он смог трижды сбежать от зеленоглазого, только сейчас осознав, каким чудом были эти побеги.

Никто не заслуживал такого конца. Определенно не Ленуар.

Он пошел прочь из аллеи назад на улицу, чтобы найти Креарса и других. Его конечности ужасно тряслись, и край брюк на одной ноге был превращен в лохмотья.

Одежда была в полосах грязи с улицы. Ему было нужно придумать объяснение своего взъерошенного появления для Креарса, но у него было полно времени, чтобы придумать что-то правдоподобное. В конце концов, ему предстоит долгий путь назад.

Прошло довольно много времени с тех пор, как Коди посещал Форт Холд — главную тюрьму Кенниана. И понятно почему: эти визиты заставляют задуматься о правильности выбранной профессии.

Стоило сержанту войти в полумрак помещения, как он весь напрягся, словно каждая клеточка тела считала минуты до того, как он покинет тюрьму. В воздухе витало отчаяние, обострявшее чувства посетителя.

Эти звуки преследовали его: холодный стук цепей по камню, глухое бормотание сумасшедших и шуршащие в тени насекомые.

Его ноздри раздулись, едва почувствовав этот запах: железа, плесени, грязи и застарелой мочи. Его холодное, липкое прикосновение напоминало дуновение из затхлого подполья.

Этот запах вызывал горечь во рту. Но то, что Коди увидел, было ещё хуже.

Исхудавшие, смертельно бледные лица, выглядывавшие сквозь прутья решёток, не выражали никаких эмоций.

Мало кто заинтересовался появлением Коди, большинство даже не обратило на него внимания. Кто-то сидел неподвижно на полу с открытым ртом, уставившись в пустоту. Кто-то расхаживал по камере, волоча ноги, от одной стены к другой, насколько позволяли цепи.

И все они были больны: открытые раны, шумное дыхание, помутневшие глаза. У Коди появилось тревожное ощущение, будто его окружает армия оживших мертвецов.

Коди всегда считал нелепым, что тех, кто виновен в жестоких преступлениях, приговаривают к смерти, а осуждённых за мелкие проступки отправляют сюда.

Если бы Коди пришлось выбирать, он бы скорее согласился быть повешенным, чем провести хоть месяц в этой тюрьме проклятых.

И сержант ничего не мог поделать с собой, чувствуя помимо воли вину за то, что он отправляет людей гнить в таком месте.

Он встряхнул головой, избавляясь от таких мыслей, и попытался сосредоточиться на задании.

У него имелись причины считать, что этот визит пройдёт плодотворно.

Вместо того, чтобы ошиваться рядом с лагерем с изображением Райана в призрачной надежде, что кто-то его узнает, Коди решил последовать совету Лемуара и начать с известных членов клана Азис.

Ему сказали, что женщина, которую он пришёл сюда навестить, Марани, была изгнана, как и Райан.

Она почти наверняка знала погибшего мужчину, и Коди хотел с ней поговорить, когда приехал в город. Также он надеялся больше узнать о кхекра.

И если клан был известен своими колдунами-врачевателями, как сказал аптекарь, Марани должно быть известно об этих тёмных искусствах.

Коди нашёл её с трудом, поскольку женщины-заключённые, в большинстве своём, были адали (собственно, как и мужчины), и не каждая из них ещё помнила, как её зовут.

Наконец от толпы отделилась женщина средних лет и неохотно направилась к решётке. Она с подозрением глядела на Коди помутневшими глазами.

«Она скоро ослепнет», — догадался сержант, глядя в желтые глаза, подёрнутые мутной

плёнкой, как озеро льдом.

Женщина остановилась в нескольких шагах от решётки, будто опасаясь, что Коди приблизится и схватит её.

— Что вам надо? — требовательно спросила она хриплым от долгого молчания голосом.

— Мне нужно задать вам пару вопросов, — Коди протянул ей набросок. — Вы знаете этого человека?

Она глянула вскользь:

— Не-а.

— Да ну? — усмехнулся Коди. — Он член вашего клана.

Марани пожала плечами:

— И что? Я его не знаю.

— Давай я тебе помогу. Его зовут Райан.

Она нахмурилась, внимательнее взглянула на снимок:

— А! Точно! Я его не узнала. Последний раз, когда я его видела, он был ещё ребёнком.

— Ребёнком? — ошеломлённо спросил Коди. — А как давно вы уже не живёте с кланом?

— Уже пятнадцатый год, — произнесла женщина, будто гордилась этим.

— А как давно вы здесь?

— Пять лет или около того. Стоит сказать спасибо легавым, не так ли?

«Чёрт. Слишком долго для дальнейшего допроса. Марани была в тюрьме, когда Райан появился в городе. Вряд ли она знает что-либо о последних знакомых убитого.

Мне стоило об этом подумать раньше».

Коди даже в голову не пришло поинтересоваться её приговором. Ладно, перейдём к плану Б:

— Тогда может вы мне поможете в моём маленьком... исследовании?

— Исследовании? — подозрительно нахмурилась адали.

— Да. Об адали. О некоторых ваших... культурных традициях.

Она скептически хмыкнула:

— наших «культурных традициях»? И что, во имя Тёмного Пламени, это должно значить? Зачем ты мне надоедаешь, легавый? Кто тебя послал?

— Думаю, вы помните сержанта Изара?

«Конечно, помнит, это ведь он её сюда засадил».

— Этого предателя? — зло сплюнула Марани. — Чтоб он провалился! Он не истинный адали, он отвернулся от своего народа!

Коди ожидал подобную реакцию, но кровь всё равно прилила к щекам:

— Говорите уважительно! Изар отличный офицер.

— Что?! Да клан Заид — в большинстве своём лгуны и мошенники.

Женщина оглянулась на своих сокамерниц, будто ожидая, что кто-то не согласится.

— Может и так, — заметил Коди невозмутимо, — но его уважают больше, чем клан Азис, я не прав?

Марани холодно улыбнулась, но ничего не ответила.

— Я слышал, что у клана было много неприятностей?

— Что ты можешь об этом знать? Что может знать об адали ищейка из Департамента Полиции? Или этот болван Изар?

— Может и так, но я быстро учусь. Вы удивитесь, узнав, как много может найти ищейка, поставившая себе такую цель. Например, я знаю, что в клане Азис были колдуны.

Лицо Марани потемнело:

— Я больше не одна из них.

Она отошла на шаг от прутьев решётки:

— Что бы они не совершили, это больше не имеет ко мне никакого отношения.

— Я знаю. Они изгнали тебя, не так ли? Изар не сказал мне за что. Если подумать, он и не признался, за что ты находишься здесь.

— За убийство, — произнёс кто-то изнутри камеры. Марани обернулась, но из-за плохого зрения не могла разглядеть, кто это произнёс. Женщина снова сплонула на пол.

— Я невиновна, — с издёвкой сообщила она Коди.

Тот пожал плечами:

— Мне всё равно.

— Тогда что вам надо? — вскрикнула внезапно она, бросаясь на прутья. — Зачем ты здесь, легавый?

Коди на мгновение опешил от этого взрыва эмоций, рука инстинктивно дёрнулась к мечу на бедре. Марани уставилась на него широкими глазами, тяжело дыша.

«Да эта женщина безумна, — понял Коди. — Если я хочу получить от неё нужную информацию, надо спрашивать напрямую».

— Я хочу знать, какой тип кхекра практикуют ваши родственники и почему.

Марани снова отошла вглубь камеры, ужас явственно читался на её лице. Повисла гнетущая тишина. Упоминание кхекра было подобным выстрелу, заставившему всех замереть.

— Что вы знаете о кхекра? — прошептала Марани.

— Знаю, что она существует. Знаю, что в ритуалах используется кровь, и с помощью кхекра создаются лекарства.

У Марани вырвался напряжённый смешок:

— Это меньшее, о чём тебе следует волноваться, легавый.

«Наконец-то мы подходим к самому главному!» Коди пытался по-прежнему говорить спокойно:

— И о чём ещё мне стоит волноваться?

— Марани, — предостерегающе окликнула её другая женщина, — то дела адали.

Марани её проигнорировала:

— То, что используется для лечения, лишь небольшая доля. Несколько капель крови или локон волос. Никому не причиняют вреда, если речь идёт о медицине. Но с помощью кхекра можно не только исцелять.

— Проклятия? — Коди постарался, чтобы в его голосе не было слышно недоверия, но ему это плохо удалось, потому что Марани хмыкнула.

— Не верите в проклятия, сержант? Тогда зачем хотите узнать о кхекра?

— Потому что не важно, во что верю я. Важно, что верит кто-то ещё, и поэтому похищает детей.

— Похищает детей? — задумчиво пробормотала Марани. — И что заставляет вас думать, что это связано с кхекра?

Коди проигнорировал этот вопрос:

— Существуют ли обряды, в которых используются дети?

Она показала Коди неприличный жест:

— Откуда мне знать? Я ведь не шаман кхекра.

— А как насчёт других видов магии? — решил зайти Коди с другой стороны. — Может есть заклинания противоположные проклятиям?

Марани хитро прищурилась:

— Приносящие пользу? Меняющие внешность и делающие привлекательнее?

Женщина хихикнула, довольная собой.

Коди не проглотил наживку:

— Допустим, мне нужны такие заклинания — приносящие пользу. Шаман смог бы мне помочь?

— Возможно, если предложите что-то стоящее. Но сейчас никто из Азис не сделает вам одолжения, после того, чего они натерпелись от кхекра. Разве что, вы их действительно сможете заинтересовать.

— От денег ещё никто не отказывался, — с иронией произнёс Коди.

Марани фыркнула:

— За небольшую услугу, возможно. Но похищение ребёнка — услуга не маленькая. Даже если вы найдёте добровольца, он будет глупцом, если всё же согласится. Ведь его изгонят, или повесят, или кое-что похуже. Например, он станет причиной падения целого клана.

Она была права. Если поймают кого-то из адали, замешанного в похищении детей, весь народ поплатится за это. Толпы линчевателей выйдут на улицы от Кенниана до Брейкенсвейла, и первой их целью будет клан Азис.

Лагерь сожгут, а людей прогонят. А клану Азис больше некуда идти. И если и было что-то, что нравилось Коди в адали, так это их преданность родным: даже если Райан и не был желанным членом клана, всё равно его сестра уверяла, что не стал бы так необдуманно рисковать.

Кроме того, сестра и её подруга упоминали, что Райана изгнали за то, что он пытался помочь людям. Он знал, что старейшины и так следят за ним, пока закрывая глаза на врачевание, но он всё равно не побоялся вызвать их гнев, а постарался совладать с засухой.

Развернуться спиной к собственному народу и сознательно навлечь беду на клан... Что-то здесь не сходилось. Райан не пошёл бы на это без дополнительного стимула.

«На кону должно стоять что-то значимое, стоящее риска», — подумал Коди.

— А что могло бы вас заставить пойти на такое, Марани?

Женщина ухмыльнулась с издёвкой:

— Всё просто, легавый. Вытащи меня отсюда — и я твоя.

Коди не узнал ничего полезного из этого разговора, а никто из заключённых больше не заговорит с ним, уж точно не о кхекра. Это слово действует на всех как заклятие молчания. И тем не менее, общение прошло плодотворно.

Коди был уверен, что приближается к разгадке мотива, а Лемуар всегда говорил, что мотив — самое важное в раскрытии преступления.

— Не дай деталям отвлечь себя, — говорил ему Лемуар снова и снова. — Они важны, но надо ещё понять, как они соотносятся друг с другом, о чём тебе говорят. А если поймёшь, почему было совершено преступление, всё, что тебе останется — понять, как его совершили.

Коди обдумывал всё это по пути к работе.

«Думаю, сестра была права, и всё, что сделал Райан, было для пользы клана».

«Может, так он хотел заслужить прощение и снова быть на хорошем счету у старейшин? Но что мог от всего этого получить клан? Что им было надо?»

В голове постепенно оформлялась идея, но Коди надо было с кем-то её обсудить. К счастью, он знал подходящего собеседника.

— Изар! — позвал он, войдя внутрь и подойдя к нужному кабинету.

Сержант Изар склонился над столом, записывая что-то на листе бумаги. Выглядел он нелепо — сгорбленная спина и колени, упирающиеся в крышку стола; казалось, что мебель здесь детская.

Уже не в первый раз Коди подивился росту этого человека. Он и сам был шесть футов с лишним, но Изар почти дотягивал до семи.

Адали глянул на подошедшего Коди:

— Что случилось? У меня много работы.

Коди не отпугнула его резкость — таковы уж были манеры Изара.

— Я не отниму много времени. У меня пара вопросов к тебе.

Промычав что-то недовольное, Изар жестом предложил Коди присесть.

— У тебя пять минут.

Коди не стал терять ни минуты:

— Правда ли, что адали не используют деньги?

Лицо Изара мгновенно потемнело. Как и большинство адали, он с подозрением относился к вопросам о его народе.

— К чему ты клонишь, Коди?

Коди поднял руки в успокаивающем жесте:

— Изар, ты ведь знаешь, что я тебя уважаю. Просто ответь мне, ладно?

Изар помедлил секунду, вглядываясь в лицо Коди, пытаясь что-то найти в нём. Враждебность? Или пренебрежение? Коди задело, что Изар не смог отбросить все сомнения и сразу дать ответ. Конечно вопрос был личным, но ведь они знакомы уже много лет.

— Адали используют деньги, — произнёс наконец Изар. — Все народы используют деньги, ведь это отличает людей от зверей.

Коди заметил тонкую иронию в словах сержанта — многие в Пяти деревнях считают, что адали недалеко ушли от животных.

— Я имею в виду, что адали не используют в качестве валюты золото или бумажные деньги, — произнёс Коди.

— В традиционном понимании у нас нет валюты, хотя всё меняется. Богатство у адали измеряется поголовьем крупного рогатого скота, в меньшей степени — коз и овец.

— Так я и думал. То есть клан Азис — тот, что около Берривина — он абсолютно беден?

Изар не ответил. Он ждал, когда Коди объяснит, к чему он ведёт.

— Есть кое-что, чего я не понимаю. Богатство дает власть, так? Влияние. Но по мне, в том, что богатство клана оценивается по вкладу в котел, присутствует элемент удачи. Если у вас был неудачный год — бац! Вы на дне кучи. И наоборот, наверное.

Изар слабо улыбнулся:

— И что не так с этим? Полагаешь, общество, где статус зависит от случайности рождения, имеет больше смысла, чем система, где те, кто наиболее искусен в земледелии, или сельском хозяйстве, или промышленности, или неважно в чем — занимают привилегированное место?

— Я понятия не имел, что ты такой философ, — сказал Коди сухо.

— Ты сам об этом заговорил.

— Я только пытаюсь понять, чего стоит для клана, у которого наступила полоса неудач, как клан Азис — выпутаться из этого. Звучит так, будто это очень легко, в принципе. Может кто-то просто купить им стадо коров?

— Это может помочь. Может быть, Кеннианское женское благотворительное общество.

Коди закатил глаза:

— Очень смешно. Серьезно, этого хватит, чтобы изменить их судьбу?

— Сомневаюсь. Коровы — это валюта, так что их стоимость появляется, когда их предлагают, как дань для более могущественного клана, или как выкуп за невесту, и прочие подобные вещи. Клан, которому дали коров на один сезон, может немного продвинуться по социальной лестнице, но без способа сохранить размер стада, этого не хватит.

Это имело смысл: единственный дар никогда не заменит постоянного дохода.

— Так как поддерживают численность стада?

— Мастерством, но, преимущественно, доступом к воде и обильным пастбищам. И за этот доступ ожесточенно конкурируют.

— Клань сражаются за него?

— Временами, хотя не так часто, как раньше. Пару сотен лет назад каждый конфликт, который возникал между адали, был по поводу пастбищных земель. К счастью, старейшины в конечном счете пришли к более цивилизованному способу решения проблемы.

— Какому?

— Каждую весну проводится встреча главных кланов в Кигири. Она называется Ором. Пути сезонной миграции определяются там.

— Ором, — повторил Коди задумчиво. Аптекарь упомянул что-то об ежегодной встрече кланов. — Как это происходит?

— Это похоже на аукцион. Клань покупают право прохода по наилучшим пастбищным землям. Платят скотом, само собой.

— У кого они покупают права?

— У друг друга.

Коди нахмурился:

— Я не уловил.

— Это другая концепция собственности на землю, которая принята у нас в Брайленде. Земля коллективный товар, принадлежащий народу. Так что, в сущности, она не может быть предметом купли-продажи. Это больше похоже на аренду с правом, переходящим к покупателю с самой высокой ставкой. Теоретически, право сохраняется на один сезон. Но самый богатый и могущественный клан всегда покупает права на лучшие миграционные пути, те, где самая плодородная земля и много воды. Одни и те же клань покупают те же маршруты из года в год, потому что никто не может перебить их ставку. Иногда менее богатые клань имеют очень удачные года и выкупают маршруты. Это инвестиции, потому что доступ к плодородным землям увеличивает стада.

— Но если все владеют землями, кому они платят? Я хочу сказать, скажем, я дал тысячу коров за проход по земле. Кто получит коров?

— Народ. — Сказал Изар, так будто это было очевидно. — Платеж идет в общий резерв и в конце аукциона, он делится между беднейшими клань. Вот так мы можем быть уверены, что никто не будет в полной нищете. Он не будет слишком большим и делится

между горсткой кланов, но этого достаточно, чтобы люди не голодали.

— Так... коровы, которыми платят за доступ к плодородным землям, идут на благотворительность?

Изар пожал плечами:

— Можно рассматривать и так.

«Угу. Неплохая система, — подумал Коди. — Представляю, что было бы, если бы кеннианские богачи сбрасывались в общий котел для бедных каждый год. Жизнь была бы другой.»

— Адали заботятся о своих людях, Коди. Люди похожи на стадо, и стадо должно быть вместе, чтобы выжить.

— Тогда что случилось с кланом Азис?

Изар содрогнулся:

— Как я сказал, платеж, который они получают на Ороме небольшой и иногда этого недостаточно. Жизнь тяжела для Адали везде, особенно из-за засухи, которая была пару лет назад. Даже богатейшие кланы потеряли скот, что означало меньший платеж в общий котел и меньшее количество для распределения. Думаю, Азис решили остаться, даже если им не рады, чем испытывать удачу на севере.

— Но, если бы кто-нибудь дал Азис достаточно скота, они могли бы выторговать хорошее направление в следующем году.

— Может быть, но что тогда? Если они продадут большую часть скота за доступ к землям, то для чего им эта земля? Они останутся на прежнем месте на следующий год. Нужно много лет, чтобы восстановить численность стада.

— Может система не так уж хороша в конце концов, — сказал Коди кисло. — Выглядит так, будто она гарантирует, что богатейшие кланы останутся такими, а бедные останутся бедными.

Изар опять пожал плечами:

— Я не говорил, что это справедливо. Кроме того перемены случаются. Всегда есть шанс, что клан будет иметь исключительно удачный год. К тому же бедные кланы, иногда, создают союзы с более сильными через выкупы и свадьбы. Для них это мера защиты.

Коди обдумал это. Похоже, что пока есть такая ограниченная мобильность, самые могущественные и многочисленные кланы сохраняют один и тот же ранг на социальной лестнице из года в год.

Особенно клан вроде Азис, который, очевидно, не имел средств, чтобы купить поддержку более могущественного клана. Это был порочный круг: меньшая численность стада означала ограниченный доступ к плодородным землям, и это означало малочисленное стадо.

Бедный клан без альянса был легкой добычей, подвергался кражам скота, набегам за рабами или хуже. Несмотря на то, что Изар говорил о людях, как о стаде, адали не избежали основных инстинктов человеческой природы.

— Кланов вроде Азис не имеют шанса вернуть прошлое, — сказал он, скорее себе, чем Изару.

— Определенно. Сомневаюсь, что они когда-либо вернуться домой. Однако, хотя для адали трудно быть здесь, это лучше, чем рисковать своими детьми и стадами, возвращаясь домой. С течением времени клан, возможно, растворится среди народа Пяти деревень. Они не будут первыми.

Они посидели в тишине недолго. Коди пытался придумать другой вопрос, но не мог. Он в расстройстве постукивал по столу. Он был так близко, но здесь было что-то, чего Коди не видел.

— Я думаю, мои пять минут истекли. Спасибо, Изар.

Янтарные глаза Изара задержались на нем:

— Ты собираешься рассказать мне, в чем дело?

— Я думаю, несколько Азис затеяли что-то плохое. — Коди не стал уточнять, он не хотел испытывать терпение Изара, говоря о кхекра. — Но я убедился, что они просто исполнители. Мне нужно найти нанимателя, но, чтобы сделать это, мне нужно понять, как им платили.

Он остановился. Его сердце забилось быстрее:

— Стой.

Изар ухмыльнулся:

— Я знаю этот взгляд. Сделай глубокий вдох, Коди.

— У меня есть идея.

— Не расскажешь?

Коди резко остановился:

— Мне надо идти. Еще раз спасибо. — Он протиснулся между столами к выходу. — Эй, Хардин, — позвал он.

Полный офицер с румяным лицом посмотрел на него со своего места:

— Привет, Коди.

— Как на счет того, чтобы сходить со мной на допрос?

Хардин не был первоклассной ищейкой, но, по крайней мере, заслуживал доверия, и Коди не хотел идти без прикрытия.

Это распространенная ошибка любителей, позволить себя убить. Он бы предпочел взять Изара — адали был лучшей ищейкой — но это было нечестно, втягивать его в такое дело. Изар бросил за решетку достаточно своих людей.

— Где Ленуар? — спросил Хардин.

— Занят.

— Я не знаю... — Хардин посмотрел на стопку бумаги на своем столе. — У меня куча отчетов, которые нужно сделать...

Коди подавил нетерпеливое рычание:

— Слушай, ты всегда жалуешься, что застрял за этим столом. Вот твой шанс выбраться и запачкать ручки. Так, ты хочешь пойти или нет?

— Хорошо, — сказал Хардин без энтузиазма.

«Неблагодарный», — подумал Коди. Но даже этого было недостаточно, чтобы уменьшить его волнение.

— Подожди секунду. — Он побежал вверх по лестнице, перескакивая две ступеньки за раз, черкнул небрежную записку и оставил на столе Ленуара. Затем он захватил Хардина, мясной пирог из лавки через улицу и отправился на охоту за зацепкой.

Ленуар в оцепенении брёл по главной улице Кенниана, уставившись на темнеющее небо. Дым от тысяч костров затмевал заходящее солнце, придавая ему кроваво-красный оттенок.

Уже были включены уличные фонари — эти часовые с горящими глазами, охраняющие улицы от вторжения мрака.

А там, где не доставал свет фонарей, притаились тени, потихоньку ползущие к центру улицы, подобно хищнику, преследующему добычу.

Ленуар чувствовал, как подступающая тьма стягивалась вокруг него в кольцо. Каждый дюйм, отвоёванный тьмой у фонарей, приближал его к человеку с зелёными глазами.

И эта тьма не перестанет стягиваться, пока полностью не окружит Ленуара, отрезав все пути к отступлению, не давая шанса на спасение.

Он мог бы рассказать Креарсу о своём затруднительном положении, но зачем? Даже если Креарс и поверит такой неправдоподобной истории, Ленуар не хотел бы подвергать того опасности.

Стража Берривина тоже вряд ли поможет. А когда наступит ночь, инспектор нигде не сможет спрятаться.

Ленуар не знал, хватит ли света от фонарей, чтобы остановить призрака, но это и не имело значения — плеть всё равно достанет его и в кругу спасительного света.

Стены его не защитят, ведь плеть с лёгкостью крошит каменную кладку. И убегать смысла нет, ведь нет такого места, где бы не наступила ночь и придётся ждать солнечный свет долгие часы.

Улица была пуста несмотря на обеденный час. Закрытые магазины делали фасады домов пустыми. Ленуару они казались живыми, как и тени, наблюдавшие за его затруднительным положением, будто свидетели его ужасного жертвоприношения. Инспектор был один прямо среди огромного поля, ожидая, когда из одного из тоннелей, окружавших его, придёт его смерть.

Он услышал шаги справа от себя. Кто-то приближался из узкого переулочка, заполненного тьмой, скрывавшей источник звука.

Яркий свет от ближайшего фонаря ослепил Ленуара, давая рассмотреть ему только ближайшие предметы. Тень уже достигла дальней стороны улицы.

Сейчас, когда этот кто-то приблизился к нему, Ленуар почти ощущал его присутствие. Он вбежал в круг света от фонаря, хоть и знал, что это его не спасёт. Дыхание его участилось, а сердце готово было выскочить из груди.

Внезапно он почувствовал себя на удивление легко, голова слегка закружилась, и Ленуар осознал, что он не хочет убегать. На этот раз он не будет сражаться. Он просто позволит человеку с зелёными глазами решить его судьбу.

— О, Николая, рада вас видеть!

Сквозь рёв в ушах Ленуар не узнал голос, и, когда Зера вступила в круг света, инспектор снова смог вдохнуть. На мгновение голова стала кружиться сильнее, и он испугался, что сейчас упадёт в обморок.

А потом он почувствовал огромную усталость. Что это — облегчение или разочарование?

— Николая, всё в порядке? — Зера подошла ближе с обеспокоенным выражением лица. Она не стала дожидаться ответа. — Вы выглядите ужасно! Какой вы бледный... и губы просто белые! Пойдёмте, выпьем горячего чая!

Ленуар чувствовал онемение. С большим трудом ему удалось произнести:

— Не хочу вас беспокоить. Я в порядке.

— Не будьте глупцом, — произнесла решительно Зера, беря его под руку, — здесь недалеко. К тому же, мой салон сегодня закрыт, так что мы будем только вдвоём.

Ленуар позволил вести себя вперёд, но он не испытывал желания идти с Зерой. Он вообще ничего не испытывал.

— Со мной вы в опасности, — сказал он женщине. — Вам надо оставить меня одного.

Казалось, Зера решила, что он её дразнит:

— Боже, как драматично! Наверно, на этой неделе вы многих задержали?

— Я не шучу, Зера, — ответил Ленуар хмуро.

Женщина остановилась и тяжело взглянула на него.

— Вы пытаетесь меня напугать или впечатлить? — Прежде чем он ответил, она продолжила. — Если вам действительно угрожает опасность, то лучше сразу пойти со мной внутрь — это безопаснее, чем стоять посреди улицы.

Ленуар больше не пытался её разубеждать, а машинально пошёл следом за Зерой к её дому. Он позволил ей снять с себя пальто, проигнорировав вопрос, откуда грязь и почему порван правый рукав.

Женщина выглядела всё более и более обеспокоенной, по мере того, как суетилась вокруг инспектора; она приказала слуге немедленно заварить чай.

— И принесите бренди, — попросила она. — Боюсь, он может понадобится инспектору.

И повернувшись к Ленуару, произнесла:

— Присаживайтесь.

Он сделал, как было сказано. Они снова сидели в креслах возле камина. Ленуар осознал, что безучастно размышляет о том, хватит ли света камина, чтобы изгнать зеленоглазого мужчину.

— Это Фейн? — спросила его Зера.

— Кто? — глупо уставился на неё Ленуар. Это имя ему ничего не говорило.

— Лорд Фейн. Думаете, вы единственный, кто разобрался, что произошло с Арле? Его отношения с леди Фейн вряд ли были тайной, по крайней мере, в этих стенах.

Ленуар чуть не рассмеялся. Мысль о том, что ему может угрожать лорд Фейн казалась смехотворной. Какая опасность может исходить от Фейна или любого другого смертного, если за ним охотится нечто сверхъестественное, нечто, что может единственным прикосновением лишить его жизни?!

Вслух же он просто сказал:

— Нет. Фейн здесь ни при чём.

Зера странно взглянула на Ленуара:

— Это ведь никак не связано с тем похищенным мальчишкой?

Голос звучал напряжённо, будто она боялась ответа.

Ленуар потёр виски. Не было смысла рассказывать ей правду. Зера решит, что он сошёл с ума. Возможно, так оно и есть.

И опять же, она была адали. Может она и оставила в прошлом дела своего народа, но

выросла она среди рассказов о неизвестном и сверхъестественном.

Может она не разделяет скептицизм большей части общества по поводу существования привидений и демонов. Может она решит вполне естественным то, что правосудие пришло из другого мира.

Нет, он определённо решил ничего не говорить.

— За мной охотятся, Зера, — вот и всё, что он произнёс.

Она медленно кивнула, уставившись в камин, языки пламени отражались в её глазах:

— Кто?

— Ни «кто», Зера, а «что».

Она нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Дух. Мстительный дух из преисподней. Он преследует меня из Серле. Я думал, что сбежал от него, но это не так. Он здесь, и он хочет моей смерти.

Ленуар сам удивился, как спокойно звучал его голос.

Он наконец понял, почему настолько спокоен: дело было не в храбрости, он просто покорился судьбе.

Реакция Зеры была на удивление спокойной. Она слегка откинулась в кресле, будто неожиданно оказалась слишком близко к Ленуару, нахмурила лоб, сжала плотно губы, а взгляд стал тяжёлым.

Было видно, что она разрывается между страхом и злостью, не понимая до конца, дразнит ли её инспектор:

— Мстительный дух из преисподней.

В её голосе не было насмешки, казалось, она пытается разобраться, правильно ли поняла его.

— Я так и думал, что вы посчитаете меня сумасшедшим, — произнёс Ленуар печально. — Я и сам бы так решил на вашем месте. Но я клянусь, что всё, что я говорю, правда. Меня коснулась рука смерти. Дважды.

Он вытянул ногу и поднял свою рваную штанину.

Зера вскрикнула, прижав ко рту ладонь. Она на мгновение отвела глаза, но затем взгляд снова вернулся к покрытой пятнами серой коже голени Ленуара.

Она вся была расцарапана и пробита шипами, но на ней не было и следа крови.

Ленуар тоже задержал взгляд на шраме, похожем на тот, что был у него на руке. Дух уничтожает его тело кусок за куском.

— Кожа холодная на ощупь, — мягко произнёс он, проводя по ней пальцами, — ведь плоть уже мертва.

Зера снова отвернулась, спрятав лицо в ладони, и Ленуар опустил штанину. Она достаточно увидела. Теперь она не сможет не поверить ему.

— Что произошло? — прошептала Зера, её голос дрожал.

— Не знаю. Я не встречался с ним уже десять лет и думал, что сбежал. Но потом заметил характерный почерк в убийствах и понял, что дух вернулся.

Зера молча покачала головой.

«Она не понимает. Как ей объяснить?»

— В древнем Арёне существовал миф о карающих ангелах, называемых carnairs. Когда смертные сильно грешат, Бог посылает carnairs на землю наказать людей. Их гнева было невозможно избежать. Они бессмертны, от них не спрятаться. Ангелы мучили своих жертв,

сводя их с ума.

— У адали есть подобные предания. Но вы сами сказали, что это миф.

— Да, но дух, который охотится за мной — не миф. Он вполне реален. И как и carnairs, его отправили наказать меня.

— Но откуда вы?..

— Просто знаю. Когда я впервые увидел его, я это понял. Когда я взглянул ему в глаза, то осознал, что это — моя смерть. И я знаю, что заслуживаю её.

Ленуар рассказал ей о ночи в Серле, когда наступил рассвет, и первый луч солнца пронзил призрака, как копьё, посланное с Небес.

Он рассказал о переезде из города, в котором родился и вырос, о постоянном изгнании, о котором он жалеет больше, чем о чём-либо до, либо после него.

Ещё он рассказал о сегодняшнем происшествии в Берривине, когда плоть духа сгорела на солнце, а через минуту регенерировала.

Ленуар неустанно продолжал рассказывать, не упуская ни одной детали. Когда он закончил, Зера колотило так, что она пролила на себя бренди, пытаясь сделать глоток.

Ленуар, наоборот, чувствовал себя спокойнее после рассказа, будто, теперь эта история стала более ясной и реальной. Теперь инспектор знал, как к ней подойти, хорошо обдумав.

— Вся ирония в том, что, как мне кажется, призрак здесь не из-за меня, — задумчиво произнёс Ленуар. — Он явно как-то связан с похищением Зака.

Зера поперхнулась, делая глоток бренди:

— Что?

— Знаю, что подобное совпадение невероятно. А может, это судьба — я теперь не знаю, в чём разница. Но когда мы нашли того мальчика в сарае, мы нашли ещё и труп адали.

— Вы мне не рассказывали об этом.

— Нет. Я даже вспоминать об этом не хочу. Когда я увидел труп, я сразу понял, как он умер, я знал, что его убил дух. И он же убил сегодня ещё одного адали недалеко от Берривина. Он пришёл за ними. — Ленуар горько улыбнулся. — А то, что он встретил меня, было счастливой случайностью.

Наступила долгая тишина. Зера молча смотрела на огонь. Ленуар видел, что она потрясена до глубины души, и почувствовал вину за это. Не следовало взваливать на неё этот ужас. Её это никак не касалось.

— Что вы собираетесь делать? — спросила наконец Зера.

— Я не знаю.

— Вам надо сходить к прорицателю.

Это предложение его удивило. Зера была последней, от кого он мог ожидать совета обратиться к предсказателю.

— Зачем?

Зера посмотрела серьёзно:

— Вы знаете, как я отношусь к подобным вещам, Николая, но в некоторых случаях стоит отбросить все сомнения. Ваша жизнь в опасности. Это... существо, человек с зелёными глазами, не из этого мира. Если у вас есть хоть один шанс сбежать от него, стоит обратиться к человеку, который может заглянуть за грань миров.

— А если у меня нет такого шанса?

— Тогда подумайте хотя бы о мальчике! — Резко произнесла Зера. — Я не позволю вам просто сидеть и жалеть себя в ожидании смерти, когда есть шанс узнать что-то, что может

спасти вас, а может и мальчика! Возможно, у духа есть какое-то слабое место помимо солнечного света. Или существует способ задобрить его.

— И прорицатель сможет ответить на эти вопросы? — скептически поинтересовался Ленуар.

Зера разочарованно вздохнула и откинулась на спинку кресла:

— Конечно не любой уличный шарлатан, а настоящий прорицатель. Подобные часто встречаются среди адали, я и сама иногда вижу то, что не могу объяснить. Попытка не пытка.

Ленуар решил, что она права. Он почти лишился жизни, так что больше ему терять нечего.

— Я сделаю так, как мы решили. Я знаю сержанта, который уже давно ходит к прорицателю. Может, он поможет мне. Я поговорю с ним утром.

— Нет, сделайте это прямо сейчас. Если этот дух опасен, как вы говорите, времени в запасе у нас нет.

С этим Ленуар поспорить не мог.

* * *

— Прорицатель? — Сержант Кэйл прислонился к дверному косяку своей квартиры, насторожено глядя на Ленуара. — В это время ночи?

Жилье было не слишком изысканным. Сержант сильно удивился, обнаружив Ленуара у своей двери, и не сделал попытки пригласить его войти. За плечом Кэйла Ленуар разглядел плохо освещенную комнату более тесную и захламленную, чем его собственная.

— Прошу прощения, инспектор, но я никогда не замечал, что вы верите в такие вещи.

— Я не верю, — сказал Ленуар сухо — Но мое расследование требует, чтобы я поговорил с прорицателем. Адали.

— Их дюжины в городе, и почти все они адали. Уверен, что вам не нужна моя помощь, чтобы найти одного из них?

Это было почти на грани нарушения субординации, но Кэйл очевидно подозревал, что он забавляется за его счет.

Это был не первый раз; его периодическое покровительство прорицателям служило поводом для насмешек со стороны коллег-ищеек.

— Это правда, сержант, — Ленуар сказал, подпустив в голос холода, чтобы предостеречь младшего офицера от дальнейшего уклонения от ответа, — но мои требования особенные. Мне нужен прорицатель с солидной репутацией, и вот еще, мне нужен кто-то, кто также практикует черную магию.

Кэйл выглядел пораженным:

— Черная магия? Но, сэр...

— Я расследую серию похищений детей и у меня есть причины верить, что вовлечена магия адали. Мне нужно поговорить с кем-то, кто осведомлен о таких вещах. Вы известны тем, что часто посещаете прорицателей адали. Вы должны иметь представление, кто они и что делают. Теперь скажите мне то, что я хочу знать, сержант, или я заставлю вас написать рапорт.

Его нетерпение было только наполовину наигранным.

У него было мало доверия к идее психического давления и еще меньше к магии и заклинаниям, но инспектор был в тупике, не только он, но и Зак.

Он не собирался блуждать по улицам вслепую и разговаривать с первым попавшимся прорицателем. Если уж придется говорить с шарлатаном, то с лучшим из них.

— Мерден, — сказал Кэйл угрюмо. — Я бы пошел к Мердену.

— Где он?

— В районе рынка.

Ленуар нахмурился. Необычно, что тот кого он искал, находился в этой части города. Район рынка был оживленным местом, и из того, что говорил аптекарь, Ленуар предположил, что тот, кто практикует кхекра не захочет быть на виду.

Увидев выражение его лица, Кэйл понимающе ухмыльнулся:

— Вы думаете, что прорицатель не может позволить себе арендовать что-то в рыночном районе, так ведь? Но он имеет постоянную клиентуру. Говорят, он лучший. Он должен быть таким, учитывая его расценки.

Ленуар кивнул, этот Мерден казался подходящим. Когда он повернулся, чтобы уйти, Кэйл сказал:

— Коди искал вас в конторе.

— Увижусь с ним позже, — произнес Ленуар через плечо, и Кэйл закрыл дверь.

* * *

— Прошу прощения за визит в столь поздний час, — сказал Коди, — но я боюсь, что жизнь мальчика на кону, возможно, не одного.

— Это ужасно. Конечно, если я могу помочь... Присаживайтесь, офицеры.

— Благодарю. Сначала скажите, вы знаете клан адали, чей лагерь разбит недалеко от Берривина?

— Нет. Я редко выбираюсь куда-то.

— Ну да. Я недавно был там, и мне показалось, что они в стеснённых обстоятельствах.

— Адали всегда в стеснённых обстоятельствах, сержант, как вы несомненно уже заметили.

— Да, но этому клану, кажется, особенно тяжело. У них практически нет скота, и не все дети выглядят здоровыми.

— И?

— И у нас есть повод считать, что они связаны с похищением двоих детей.

— Понятно. Полагаю, за выкуп?

— Вряд ли. Думаю, у них на уме что-то большее.

— Да?

— Я объясню.

Коди начал рассказывать свою придуманную впопыхах теорию, пытаясь не обращать внимание на удивлённый взгляд сержанта Хардина, направленный на него.

— Это... всего лишь теория. Простите меня за прямоту, сержант, но в вашем рассказе есть несколько неувязок.

— Не отрицаю, но ведь всё сходится, не так ли?

— Сходится?

— Полагаю, всё зависит от точки зрения. Что вы увидите на небе — созвездие или просто отдельные звёзды — зависит от вас.

— А ваш инспектор видит это... созвездие?

— Я с ним ещё не говорил, но уверен, что он поймёт, когда я свяжу все факты.

— Очень хорошо. Это все, что мне нужно знать.

— Я... Простите?

— Коди!..

— Подожди, Хардин. Что вы имели в виду под словами «это все, что мне нужно знать»?

Это ведь я задаю...

— Коди!

Затылок взорвался от боли, такой резкой и пронзительной, что Коди чуть не свалился со стула. Он неловко потянулся за мечом, но движения были вялыми и замедленными. Хардин снова закричал, на этот раз без слов.

Коди часто заморгал, пытаясь избавиться от пятен, пляшущих перед глазами. Он не видел чётко нападающих, но мог сказать, что их было трое, и все вооружены.

Шансов у него не было.

Магазин притаился между лавками мясника и портного, так что Ленуар не узнал бы его, если бы Кэйл не сказал, где надо искать. Фасад магазина был чрезвычайно анонимным, дверь без надписей под таким же окном, закрытым занавеской. Никакой вывески, ничего, что могло указать на лавку. Если бы Ленуар не искал его специально, взгляд бы не задержался на этом магазине, полностью проигнорировав его наличие. Очевидно, Мерден не полагался на случайных прохожих в качестве клиентов.

Ленуар медлил перед дверью, испытывая странную смесь ужаса и смущения. Он на самом деле не верил, что этот человек сможет ему помочь. Есть ли ему что терять в конце концов, остатки гордости, которые он может потерять, сделав эту жалкую попытку? Он неуверенно потоптался там еще несколько долгих мгновений. То, что в конечном счете побудило его постучать, не было надеждой, для этого не было оснований, а несомненная жажда знаний.

— Открыто, — сказал глухой голос. Ленуар узнал ритмичный акцент адали даже сквозь дверь.

Лавка была удивительно светлой внутри, освещена десятками восковых свечей, расставленных в ряд на другой стороне комнаты. Первое впечатление Ленуара — это церковь. Затем его глаза привыкли к свету, и он обнаружил себя в жуткой пещере. Лавка была заполнена... товаром? Компонентами заклинаний? Ленуар мог только догадываться о назначении предметов вокруг него. Рога зверей всех форм свисали с потолка, как сталактиты. Сосуды, заполненные таинственными темными предметами, выстроились вдоль стен, как прожилки в руде, искривляясь и изгибаясь в свете свечей. Бушели высушенного вещества были сложены на стойке, за которой стоял высокий худощавый мужчина, который рассматривал Ленуара мерцающими глазами. Он ничего не сказал, по-видимому, ожидая, что посетитель объявит цель визита.

— Вы Мерден? — спросил Ленуар от двери. Он сделал только один шаг внутрь лавки.

— Определенно.

— Я — инспектор полиции кеннианского Департамента Полиции Николая Ленуар. — Представление прозвучало без нужды формально, даже для его собственных ушей.

Мерден ничего не сказал, ожидая, пока Ленуар продолжит. Его молчание было очень нервным.

— Вы прорицатель? — Ленуар все еще топтался в дверном проеме, как нервный ребенок.

Тень раздражения промелькнула на лице Мердена:

— Это ваше обыкновение задавать вопросы, на которые вам известен ответ?

— Да, вообще-то, — вздохнул Ленуар, входя в магазин и закрывая дверь. — Я приношу свои извинения, сэр, если я был невежлив. Оккультные дела... незнакомы... мне. Если быть откровенным, только огромная нужда толкнула меня прийти сюда.

Мерден посмотрел на него хладнокровно:

— И что это за нужда?

Ленуар поискал слова. Хотя он уже рассказывал эту историю, она все еще звучала странно, даже для него:

— На меня охотится некий злой дух, — сказал он, выбрав простоту. — Он хочет моей

смерти и почти преуспел. Мне нужно знать, что он такое, и как мне избавиться от него.

— Интересно. — Мерден говорил с невозмутимым любопытством ученого, изучающего интересный образец. Он указал на маленький стол. — Садитесь, инспектор, и расскажите мне больше.

Ленуар повторил большинство того, что он сказал Зере, хотя он не показал прорицателю свои раны. Странно, но он испытывал больше эмоций, чем когда говорил с Зерой, как если бы он исповедовался священнику. Могла ли это быть надежда, в конце концов, или облегчение, что он может поделиться с кем-то, кто действительно поймет?

Когда он закончил, Мерден молча рассматривал его. Золотистые глаза прорицателя были слегка сужены, губы сжаты за частоколом тонких пальцев. Острые скулы выделялись в свете свечей, черты его угловатого лица, казалось, застыли в абсолютном спокойствии. Было что-то странно уютное в этом лице, спокойном, экзотическом и глубоко мудром.

Мерден встал.

— Ваша история звучит знакомо, — сказал он, вернувшись к стойке и ища там что-то.

Ленуар почувствовал, как его рот открылся от удивления.

— Вам знакомо это существо? — Он в волнении поддался вперед, его скептицизм был временно забыт.

— Возможно. Существует множество духов, которые могут охотиться на нас из-за завесы, и месть — распространенный мотив для них. Нет сомнений, что человек вашей профессии имеет множество врагов в мире духов. Нерешенные дела, возможно, или не полученная справедливость.

Ленуар внутренне содрогнулся. Это было болезненно близко к истине.

— Я приготовлю вам чай. Это поможет нам увидеть правду.

— Чай?

— Вы будете спать, — объяснил прорицатель, — и видеть сны. Когда вы будете в нужном состоянии, я смогу направить ваше внутреннее зрение. Вместе мы сможем увидеть, кем или чем, на самом деле, является этот дух.

Мерден поставил горшок с водой на очаг, чтобы он закипел. Затем он сделал короткий обход лавки, снимая различные кувшины с полок и собирая крупички сушеных... вещей. Это напомнило Ленуару, что есть и другая цель визита — возможность отвлечься, за которую он был глубоко благодарен.

— Я слышал, что вы знаток кхекра, — произнёс Ленуар довольно бесцеремонно.

Движения Мердена слегка сбились, но менее внимательный человек, чем Ленуар, вряд ли бы это заметил.

— Я думал, вы не знакомы с оккультными науками.

— Как видите, мне пришлось быстро во всём разобраться.

— И что вы узнали, инспектор?

Мерден достал ступку и пестик и начал толочь что-то похожее на рог. Ленуар старался не смотреть, но куда бы он ни кинул взгляд, везде видел вещи, наводящие на неприятные мысли об их происхождении и предназначении. Вдруг он поймал себя на том, что смотрит на набитое чучело обезьяны. «Интересно, это отделка интерьера или ингредиент? Нет, пожалуй, я не хочу этого знать».

— Немногое, — признался Ленуар. — Я расследую серию преступлений, по моему мнению, связанных с кхекра, да и у меня есть ещё пару зацепок. Кто бы не стоял за этим, он использует детей, но я не представляю зачем.

— Каким образом они используют детей? — голос Мердена звучал сосредоточенно, как у врача, ставящего диагноз.

— Понятия не имею. Мы спасли одного из похищенных детей; он был цел, но немного не в себе.

Мерден остановился, наморщив лоб:

— Странно. И тревожно. Говорите, его похитили?

— Да.

— Почему вы считаете, что это связано с кхекра? Я никогда не слышал, чтобы она была связана с похищением. Зачем кому-то так рисковать? Изготовление лекарств отрицает причинение вреда. К тому же, детей всегда все любят. Я помогал своему отцу готовить лекарства, когда ещё был мальчишкой. Я гордился, что мог помочь своему клану.

— Сперва они использовали трупы. Но сейчас они дошли до похищения детей.

Мерден ещё больше нахмурился, высыпая истолчённый рог в растущую кучку ингредиентов:

— В этом нет смысла. Детей используют, потому что они чисты, трупы — потому что они не чисты. Никто не использует одновременно оба варианта — они друг друга исключают.

Это информация была полнее чем то, что они узнали от аптекаря. Ленуар чувствовал, что пока он не заявляет, что считает Мердена подозреваемым, и пока он напрямую не обвиняет того в практике тёмной магии, прорицатель будет отвечать на его вопросы.

— Может, у них ещё нет опыта? — предположил инспектор.

— Похоже на то, ведь использование трупов неразумно. Это влечёт за собой кару, каждый адали это знает. — Мерден покосился на Ленуара, будто хотел сказать ещё что-то, но промолчал и продолжил работать. Он сложил все ингредиенты на небольшой квадратный кусок марли и связал его в узел. Чай почти был готов.

— А с какой целью могут использовать мёртвых?

Мерден снял чайник с огня:

— Хоть мёртвая плоть и является очень мощным ингредиентом, немногие заклинания на её основе оправдывают риск, и все они довольно сложны. Мне кажется, ваши похитители испробовали одно заклинание и сейчас перешли к другому. Возможно, с первым у них ничего не вышло. Сумасшествие ребёнка, найденного вами, является серьёзной уликой, инспектор. Не уверен точно, куда она приведёт, но всё указывает на какой-то вид некромантии.

— Некромантии? Это ещё что такое?

— В общем, это способ общения с мёртвыми. — Мерден поставил чашку с горячим чаем перед Ленуаром и сел.

— Не ввязывайтесь в это, инспектор. Это затягивает. В большинстве своём некромантия безобидна — общение с духами и тому подобное. Например, это основа, почему я здесь, и может проводиться даже без магии, зависящей от дара. Но более сильные заклятия из тех, что по слухам существуют, могут на короткий период времени оживлять мёртвых и возвращать их к жизни. Я никогда не слышал, чтобы кто-то добился в этом успеха, но всегда существуют безрассудные люди, готовые пробовать снова и снова.

— Я не совсем понимаю. Если кто-то пытается вернуть к жизни мёртвого, зачем ему нужна жизнь ребёнка?

— Этого я не могу сказать, — ответил Мерден, жестом показывая Ленуару взять

кружку, — поэтому пора пить чай, инспектор.

Запах, исходящий из кружки, был настолько отвратительный, что Ленуар еле подавил рвотный позыв, но сделал, как было сказано. Он постарался не замечать песок на зубах, и был счастлив, что все ингредиенты были до этого процежены через марлю — если бы в чае остались частички трав, он бы не смог заставить себя это проглотить. Ленуар опустошил кружку и с благодарностью сделал глоток простой воды из протянутого стакана. Ему не очень удалось прополоскать нёбо, но, по крайней мере, песка во рту больше не было.

Пока инспектор ждал, когда начнёт действовать чай, он начал размышлять вслух:

— Давайте представим, что вам не удалось достигнуть своей цели и вернуть мёртвого ребёнка к жизни. Сейчас вам надо решить задачу другим способом, и новый план включает использование живого ребёнка.

— Вы упустили важную деталь, — проворчал Мерден. — Вы не сказали, что трупы были детскими. Разве не очевидно? Не справившись с возвращением ребёнка к жизни, похитители решили связать душу умершего с живым ребёнком. Это объясняет сумасшествие найденного мальчика. У бедного мальчика, скорей всего, появилась вторая душа или её часть, которая сражается сейчас с его собственной за контроль над телом.

Ленуар таращился, потеряв дар речи от ужаса. Достаточно легко было вообразить кого-то, пытающегося применять черную магию. Ленуар видел много религиозных фанатиков и верящих в сверхъестественное дураков в эти времена. Это другое дело — быть свидетелем того, как она действительно работает, пусть и не до конца. Могло быть, конечно, и другое объяснение состояния мальчика Мики — что-то бесконечно более правдоподобное — но Ленуар не мог отрицать, что предположения Мердена имеют смысл. Также он не мог отрицать очевидность собственных шрамов: что-то из мира сверхъестественного было ужасающе реальным.

— Предположительно, это не было их целью — столкнуть две души в одном теле, — сказал Мерден задумчиво. — Это не дало бы ничего. Одно приходит на ум — они пытались полностью воскресить душу мертвого ребенка и подавить душу хозяина тела. Я никогда не слышал о подобных вещах, но теоретически это возможно. Если бы они преуспели... — Он покачал головой. — Ужасающе и неэтично, но впечатляюще по-своему. Возможно, они не так уж неопытны в конце концов.

Ленуар содрогнулся:

— Это не имеет смысла. Как нам известно, похитители не знали детей. Они взяли три тела, все не связанные родственными связями, и родители ничего не знали об этом. Зачем воскрешать незнакомого ребенка?

— Это любопытно, — согласился Мерден. Его лицо расплылось и у него появилось две головы.

Комната наклонилась.

Пол исчез.

Ленуар спал.

* * *

Бархат. Дорогой, роскошный, с отблесками от огня из камина. Бархат и атлас, фарфор и чёрное дерево — всё вращалось вокруг, блестело. Зрение и слух не помогали разобраться в происходящем: блестели драгоценности, а откуда-то доносился звонкий смех. На стенах плясали тени — красивые, но смутно напоминающие об опасности. Видения мелькали перед

глазами слишком быстро, чтобы что-то понять. Они сливались в одно пятно, как краски в раковине.

«Где мы?»

Замешательство. Мысли Ленуара утекали сквозь пальцы. Он не мог удержать их.

«Я не знаю.»

«Да, ты знаешь». Голос густой и теплый, как мед. Он заполнил разум Ленуара. Он чувствовал его мягкое давление внутри черепа. «Концентрируйся», — скомандовал он.

Лучи света попали на грани хрустального бокала, и в появившейся радуге отразилось лицо. И эти глаза — золотистые, ясные.

Глаза леди Зеры.

Она протягивала ему что-то. Абсент. Он мерцал на дне стакана, ярко зеленый яд. Замешательство уступило место страху.

«Хорошо. Сфокусируйся на своем страхе. Что это?»

Зелёные глаза. Мраморная кожа. Чёрные волосы. Молодой человек стоит посреди улицы, тьма сгустилась за ним подобно армии. Он бесстрастен. Безжалостен. Уличные фонари отбрасывают тени на брусчатку, а те изгибаются, сворачиваются и змеей обвивают руку красивого юноши с зелёными глазами.

Где-то далеко, в бескрайних просторах, слышится крик.

* * *

Ленуар очнулся лежащим рядом с камином, дрожащим от холода. А может от страха? Он не был уверен. Во рту был гадкий привкус, а голова болезненно пульсировала.

Появился Мерден с чашкой в руках:

— Выпейте.

Ленуар заколебался, пытаясь мутным взором разглядеть, что было на дне.

— Это вода, — уверил его Мерден, и Ленуар взял кружку.

Мерден ушёл в другую комнату, пока Ленуар приходил в себя. Инспектор понятия не имел, сколько был без сознания, и получилось ли у Мердена прочитать его видения. Последнее, что он помнил, было обсуждение его текущего дела, но детали разговора он помнил смутно. Ленуар решил, что со временем память вернётся, но сейчас мысли были спутанными.

Когда Мерден вернулся в комнату, он продолжал заниматься своими делами, будто инспектора здесь не было. Возможно, Ленуар должен был быть благодарен ему за то, что тот дал время прийти в себя, но вместо этого его раздражало загадочное молчание прорицателя.

— Ну так что? — проворчал он. — У вас получилось?

— Да, — немногословно ответил Мерден.

«Ну вот опять!» — подумал недовольно Ленуар.

— Будьте так добры, расскажите же мне, что произошло.

Мерден невозмутимо взглянул на него:

— Слишком много сарказма. Это, знаете ли, не лучшая привычка.

— У меня много неприятных привычек, но больше всего меня сейчас волнует привычка быть преследуемым тем призраком.

Мерден так тяжело вздохнул, что Ленуар испугался:

— Всё так, как я и думал. Призрак, охотящийся на вас, знаком мне. Он встречается во многих преданиях адали. Это Посланник тьмы, защитник мертвых, и если он посчитал вас

своей целью, в живых вам оставаться недолго.

Ленуар придвинулся ближе к огню, прижавшись спиной к нагревшимся камням.

— Я и так знал, что отмечен смертью. Призрак дал мне это ясно понять.

— Вероятно, вы знаете и почему вы ею отмечены. — Это было не осуждение, а простая констатация факта. — Дух карает за преступления по отношению к мёртвым. Поэтому адали с таким уважением относятся к своим умершим, ведь осквернение их вызовет ярость призрака. Он известен среди моего народа столько, сколько существуют наши традиции.

— Что вы можете о нём рассказать? — Ленуар задавал вопросы скорее по привычке, чем обдуманно. В действительности он не ждал многого от похода сюда, но если уж пришёл, надо попробовать узнать всё.

— Немногое, кроме того, что вы и сами уже знаете. Он придерживается теней и может перемещаться в них практически мгновенно, если вокруг достаточно темно. Солнечный свет — его враг, но и он не может полностью уничтожить призрака. Он бессмертен, хоть и был когда-то человеком.

Эта фраза вырвала Ленуара из оцепенения, он удивлённо моргнул.

— Что? Он был обычным человеком?

— Да. Он умер молодым. Его звали Винсент. В легенде говорится только то, что бессмертие — это его проклятие, наказание за какой-то ужасный проступок при жизни. Он действительно должен быть ужасным, чтобы получить наказание в виде вечного рабства и мести тем, кто плохо поступил с мёртвыми. В легенде говорится, что у него нет больше собственной воли, во всяком случае, он не может её проявить. Он подчинён неизвестной силе, приказывающей идти, куда его направляют, и убивать тех, кто отмечен.

— Возможно, эта высшая сила — Бог, — произнёс Ленуар, устремив взгляд на огонь. Мысли сплетались, как языки пламени.

— А ваш Бог способен на подобную ярость? Интересно, каким грехом можно заслужить такую кару?

— Звучит, будто вы ему сочувствуете.

Мерден задумался:

— Наверное, да. Быть вечно рабом, единственной целью которого является убивать и вселять страх? Разве это не самая гнусная из всех мыслимых пыток?

Ленуар искоса глянул на него:

— Вы уж простите, сэр, но мне тяжело проявить к нему хоть каплю симпатии. То, что он делает, для меня слишком.

— Считаете, что вы заслуживаете симпатии? — прямо спросил Мерден.

Ленуар пережил краткую, но яркую вспышку памяти: блестящая от дождя улица, тело, подлый разговор шёпотом и золото. Ленуар чувствовал форму монет в руке, холодных, как смерть, тяжёлых, как вина. Он осторожно взвесил их, подумав: «Итак, это — цена молчания. Цена убийства без ответа, отказа от правосудия». Нет, он не заслуживал симпатии.

— Могу ли я от него избавиться?

Он уже знал ответ, но должен был задать этот вопрос.

Чувствуя, что он смирился, Мерден не потрудился дать ложное утешение:

— Я изумлён, что вы избегали его так долго.

— Я освободился, — пробормотал Ленуар. — Я сбежал от него.

«А затем дух снова пришёл за теми похитителями трупов, и те привели его прямо ко мне. От судьбы не уйдёшь».

— Возможно, но не надолго, вы с ним связаны. Посланник тьмы способен видеть глазами мёртвых. Их воспоминания — его воспоминания. Их глазами он смотрит на мир, как сквозь окно. Вот как он находит своих жертв — он наблюдает за ними. Я удивлён, что ему понадобилось так много времени, чтобы найти вас, инспектор, с вашей-то работой.

Ленуар встал на дрожащие ноги. Он больше ничего не хотел слышать. Ничего из сказанного ему уже не поможет. Ему вообще больше ничего не поможет.

Он отдал Мердену плату за помощь (кстати, огромную сумму) и пошатываясь вышел на улицу. Уже практически рассвело. Надо пережить ещё один день, последний шанс найти Зака и спасти его от тёмной магии, ожидающей его. Так или иначе, судьба Зака была почти решена.

Ленуар направился обратно к участку. Он был измотан, но не мог позволить себе заснуть. Кроме того, у него не было желания увидеть сны, которые ждали его. Ему было нужно выкинуть зеленоглазого мужчину из своего разума. Необходимо сфокусировать всю энергию на поисках Зака, Коди был ранней пташкой и мог быть вскоре в участке. Им нужно привлечь других — Изара, возможно, и других стоящих сержантов. Их было не так много, но Ленуар готов был принять любую помощь, которою мог раздобыть.

Улицы были тихие. Через несколько минут, лампы потухнут и район рынка оживет для дневной торговли. Ленуар сказал себе, что эти несколько минут будут безопасными, что зеленоглазый мужчина, скорее всего, не найдет его в это время.

Он ошибался.

Ленуар не видел, откуда пришла атака, но улица позади него взорвалась и разлетелась на осколки. Он прикрыл голову от града бульжников, сквозь пальцы он бросил мимолетный взгляд на духа. Он уловил проблеск движения и инстинктивно бросился в противоположную сторону. Воздух раскололся как от пистолетного выстрела, когда хлыст упустил свою цель. Ленуар вскочил на ноги.

Дух стоял прямо перед ним, готовясь к новому удару.

— Будь ты проклят, Винсент! — закричал Ленуар в бессильной ярости. Его гнев, что он будет обманут в последний день, моментально затмил даже его страх.

Дух застыл, рука остановилась на полпути, и впервые Ленуар увидел проблеск эмоции в этих бесстрастных глазах. Это было удивление.

Дух застыл только на мгновение, но этого хватило, чтобы Ленуар оторвался, вернувшись туда, откуда он пришел, в лабиринт темных аллей. Он знал эти улицы хорошо, и если он выберет дорогу с умом, у него будет шанс, что его преследователь затеряется в лабиринте изгибов и поворотов.

Вскоре стало, однако, ясно, что Посланник знает эти улицы, по крайней мере, также хорошо, как Ленуар. Как он мог не знать, если был старше самого города?

Глупец.

Дух легко предвидел его путь среди многих аллей, заканчивающихся тупиками. Ему хватало короткого взгляда на каждом перекрестке, чтобы следовать за своей жертвой. Все, что добился Ленуар, так это загнал себя в ряд темных колодцев, которые задерживали наступающий рассвет. Было уже недостаточно темно, чтобы дух мог выпрыгнуть перед ним, но высокие здания будут закрывать его от солнца довольно долго, слишком долго, чтобы Ленуар выдержал этот безумный темп бега. Дух не устанет, но Ленуар уже чувствовал, как его легкие горят. Это было безнадежно. Но, он продолжал бежать, ведомый инстинктом.

Вскоре инспектор обнаружил себя снова на площади, где была расположена лавка

Мердена, и он бросился на открытое пространство. Хотя рассвет наступил, солнечные лучи только коснулись верхушек зданий.

Мерден был снаружи, закрывая свой магазин. Бешеный топот Ленуара привлек его внимание, и, когда он взглянул вверх, он задохнулся и прижался к двери.

— Внутрь! — закричал Ленуар, бросившись на другую сторону площади.

Мерден замешкался, застыв от ужаса. Затем он развернулся и закрыл дверь, исчезнув внутри. Ленуар почувствовал облегчение, он не хотел иметь кровь прорицателя на своих руках. Они были уже достаточно запятнаны.

Он направляется на восток, подумал он мрачно. Если двигаться в этом направлении дальше, это только задержит его появление на солнечном свете. Но какой у него выбор? Он мог слышать тяжелые шаги духа за своей спиной, так близко. Он мог быть на расстоянии пяди до досягаемости хлыста.

— Винсент! — позвал холодный, чистый голос.

Удивление замедлило немного Ленуара. Он обернулся.

Так все таки это зеленоглазый человек. Очевидно тысячелетия бессмертия не достаточно, чтобы уничтожить инстинкт откликаться на свое имя.

Мерден стоял посередине площади с длинным деревянным посохом в руке, и, когда Винсент обернулся, прорицатель высоко поднял руку. Вершина посоха засияла таким ярким светом, что Ленуар прикрыл глаза.

Он не осмелился упустить возможность. Повернувшись спиной к площади, Ленуар продолжал бежать. Ему не хотелось оставлять Мердена, но прорицатель выглядел таким спокойным, таким уверенным, что хотелось верить, что он вне опасности. Может ли дух убить кого-то, кто не отмечен смертью? У Ленуара не было способа узнать это.

Он бежал, пока не смог сделать больше ни шагу. Его колени подогнулись, и он рухнул на улицу, хватая ртом воздух. Это случилось только тогда, когда он почувствовал теплоту солнечного света, в который погрузилась улица. Он выжил.

* * *

Ленуар нашел Мердена, вернувшегося в свою лавку и пившего чай. Прорицатель выглядел более взволнованным, чем он был на площади. Однако, он не удивился, увидев Ленуара.

— Лавандовый чай? Успокаивает нервы.

Ленуар едва заметил вопрос.

— Как вы сделали это? — прошептал он в благоговении. — Какой магией вы владеете, что можете призывать солнечный свет по своей воле?

Мерден смотрел на него мгновение, затем разразился смехом:

— Это то, что вы увидели?

Он поднялся и направился за стойку. Он вытащил посох, показал его Ленуару. На конце было изогнутое зеркало. Это не было магией, Мерден просто использовал зеркало, чтобы отразить солнечные лучи обратно на площадь.

— Я использую его, чтобы искать товары на полках, — объяснил Мерден, показывая. — Едва ли чародейская техника.

Ленуар рухнул на стул, качая головой в недоверии:

— Невероятно. Вы спасли мою жизнь, Мерден.

— Вы обладаете необыкновенным запасом удачи, инспектор, — сказал Мерден

рассудительно. — Мой народ верит, что подобные таланты не случайны.

Ленур скорчил кислую мину:

— А я все еще не чувствую себя таким удачливым.

— Это понятно.

— Возможно я выпью немного этого чая.

— Это так же понятно, — сказал Мерден и принес другую кружку.

В управлении было ещё относительно пусто, когда приехал Ленуар. Но всё равно наблюдалось непонятное оживление. Стражи стояли группами по двое и по трое, разговаривая вполголоса. Здесь находилось, по крайней мере, шесть сержантов, что было необычно для такого раннего времени, и все они были при оружии и в плащах, будто готовились все вместе идти обыскивать улицы. Молодая женщина из писарей, имя которой инспектор не помнил, присела у стола, заливаясь слезами.

Случилось явно что-то плохое.

Ленуар заметил шефа на другом конце комнаты, тот качал головой и хмурился, слушая доклад сержанта Иннеса. Шеф очень редко появлялся в управлении, предпочитая свой личный кабинет. И уж точно он никогда не появлялся здесь до завтрака.

Случилось что-то очень плохое.

— Шеф, — окликнул его Ленуар.

Начальник поднял глаза, и его губы сжались, когда заметил Ленуара. Он снова кивнул головой, разрешая Иннесу идти.

— Где ты шляется? — грубо спросил он у Ленуара, когда тот подошёл.

— Работал всю ночь, — ответил инспектор, чувствуя неловкость. — А что случилось?

Лэндон Рек, шеф Департамента Полиции, замолчал, посмотрев на Ленуара уставшими глазами. Лицо было покрыто морщинами, густые брови, сведённые в одну линию, были уже практически седыми. Наверное, шеф уже давно мог уйти на пенсию, но он считал, что никто в Кенниане не способен будет его заменить. В принципе, Ленуар был с этим согласен, но он не думал, что когда-нибудь увидит начальники таким уставшим.

— Что случилось? — тихо повторил свой вопрос Ленуар.

— Сержант Хардин мёртв, а Коди в коме. Врачи не думают, что он выкарабкается.

Ленуар застыл.

— Один из стражей нашёл их около двух часов назад. Иннес уже побывал на месте происшествия. Обоих проткнули мечами в живот.

— Попытка выдать всё за ограбление, — вставил Иннес, подойдя к ним, — хотя им это и не удалось, инспектор.

— В аллее нет крови, сказал шеф. — Очевидно, что тела двигали. Плюс, у Коди ужасная шишка на голове. Можно сказать, повезло — то, что он был без сознания, спасло его жизнь. Убийца, похоже, не понял, что меч не сделал свою работу. — Он снова замолк. — Мне жаль, Ленуар. Я знаю, что он из ваших лучших.

Ленуар сглотнул, наконец в состоянии говорить.

— Не просто один из них, шеф. Он лучшее, что у нас есть. И лучший человек, чем любой из нас, — добавил он тихо.

Иннес кивнул, ни один из сержантов не был несогласен.

— Когда мы найдем ублюдка, который это сделал, мы повесим его на собственных кишках.

Большой мужчина присоединился к остальным, захватив связку пистолетов со стола, мимо которого проходил.

Шеф вздохнул, наблюдая как сержанты покидают здание, целеустремленными рядами.

— Я думаю, они могут это сделать. У меня тут будет серьезная проблема с

дисциплиной. — Он взглянул на Ленуара. — Есть идеи, кто мог это сделать?

Ленуар тяжело сел на стол:

— Нет. Когда я оставил его вчера, мы вернулись из Берривина. Мы планировали опросить кого-нибудь из местного сообщества адали. Если бы я был Коди, я бы начал с Форта Холд.

— Не очень поможет, — сказал шеф, царапая щетину на подбородке. Очевидно его подняли из постели по делам управления. — Если бы они совершили это преступление в тюрьме, мы бы узнали об этом от охраны. Кроме того, я сам видел Коди вчера вечером, выходящим из вашего офиса. Если вы правы насчет тюрьмы, он уже должен был побывать там и вернуться.

— Но, если он напал на след...

Шеф кивнул:

— Сержант Кэйл сказал, что он видел Коди, говорящим с парой других сержантов. Затем он и Хардин ушли вместе. Держу пари, он нашел что-то и решил взять Хардина с собой для расследования. Мы сейчас ищем Изара. Надеюсь, у него будет какая-то информация.

Ленуар подумал, что Хардин был бы последним, кого он взял с собой, но вслух ничего не сказал — о мёртвых плохо не говорят.

Шеф ткнул пальцем в стражей:

— Эй, вы! Созывайте всех инспекторов! Они, скорей всего, ещё спят, ленивые ублюдки. Отправьте одного на место преступления, ещё двух в тюрьму. А я тем временем хочу пообщаться с каждым из вас, кто вчера видел Коди. Я хочу знать о каждом его шаге: что он ел на завтрак и когда пошёл в сортир, всем ясно?!

Ленуар потер глаза, чувствуя себя более измотанным, чем за многие последние месяцы.

— А я шеф?

Рэк посмотрел на него мрачно:

— Если бы я мог, Ленуар, я бы послал тебя домой. Ты выглядишь крайне паршиво, а пахнешь еще хуже. Бог знает, где ты проводишь ночи. Но я не могу отослать тебя, даже если ты выглядишь так, будто это твой последний день в этом мире.

Ленуар фыркнул. Если бы вы только знали шеф.

— Со мной все будет хорошо. Как бы я не хотел понять, что случилось с Коди и Хардином, тем не менее, другие жизни также в опасности.

— О?

— Дело, над которым работал Коди, касалось похищения детей. У меня есть основания бояться, что жизнь, по крайней мере, одного ребенка находится под страшной угрозой. Я должен продолжить мою работу. Если я найду ответственных за это, я верю, что мы найдем убийцу Хардина.

— Лучше бы нам сделать это. Никто не убивает одну из моих ищек и не остается жить и злорадствовать. — Он отступил назад и повысил голос для всех в конторе. — Вы слышите меня, люди? Я хочу, чтобы этот ублюдок был мертв завтра к этому времени, но от веревки, а не от меча. Это понятно? А теперь, пошевеливайтесь!

* * *

Ленуар направился в свой офис. Если Коди был здесь, возможно он оставил отчет о добытых вчера сведениях. Казалось маловероятным, что сержант мог найти что-то

конкретное, опрашивая случайных адали, но тот факт, что он и Хардин были атакованы, определенно говорил, что он нашел что-то достаточное, чтобы направить его на путь, приведший к убийству Хардина.

Конечно же Ленуар нашел на своем столе записку, нацарапанную неровным почерком Коди. Он не обратился к клерку и не подал полный рапорт. Коди был самым дисциплинированным офицером, с которым Ленуар когда-либо работал, что Ленуара обычно раздражало. Если сержант не составил рапорт, значит он спешил. Возможно его зацепка не терпела отлагательств. Или он мог быть просто возбужден. Сержант был в такой же степени педантичным, в какой беспокойным, еще одно качество, раздражающее Ленуара. Коди мог позволить своему энтузиазму заглушить голос рассудка.

Записка не пролила много света. Она подтверждала, что Коди на самом деле посещал тюрьму и нашел ценную зацепку. Вместе с тем, однако, деталей не было. «Я введу вас в курс дела, как только вернусь», говорилось в ней, но не было ни слова, куда он направился, или что вызвало его интерес. Ленуар прочитал ее дважды. Потом скатал ее в тугий комок и выкинул.

Он присел на мгновение, дрожа от ярости. Затем Ленуар вскочил на ноги и взмахнул рукой над столом, сбив на пол чернильницу. Его гнев все еще не утих, и он схватил стул и бросил его в стену. Потом прислонился к столу, чувствуя себя глупо и опустошенно.

Николя проклял сержанта за его нетерпение. В тот момент, когда это было действительно необходимо, когда его бюрократические инстинкты могли принести пользу, Коди действовал безрассудно. Вместо того, чтобы подождать Ленуара, он отправился на дело с неумехой-сержантом, который был бы совершенно бесполезен, если бы все пошло плохо. Его разгильдяйство привело к смерти Хардина, и, возможно, его собственной.

И теперь не было никого, кто мог помочь найти Зака. Впервые Ленуар нуждался в Коди, а сержанта здесь не было. Как и никого другого, все силы Департамента Полиции были брошены на поиски убийц Хардина. У Ленуара не было ни зацепок, ни поддержки. Ему никогда не убедить шефа выделить ресурсы, чтобы помочь ему, не было ничего более целеустремленного в целом мире, чем ищейка, ищущая убийц ищейки. Ничего кроме, возможно, зеленоглазого человека.

Ленуар остановился.

Идея поразила его с такой силой, что он не мог поверить, что это не пришло ему в голову раньше. Возможно, некая часть его разума, та часть, которая желала выжить любой ценой, заблокировала его. Независимо от причины, Ленуар видел путь сейчас ясно. Он не был легким, это могло привести к его смерти, даже в случае успеха. Но, он смотрел в лицо смерти в течение нескольких дней. Возможно, пришло время привыкнуть к этому. Коди, возможно, уже заплатил самую высокую цену за то, чтобы спасти Зака, и он никогда даже не встречал мальчика. Может Ленуар сделать меньше?

Он выпрямился на стуле и заменил чернильницу и перо на столе, заботясь, чтобы не наступить в брызги свежих чернил на полу. Потом закрыл дверь в свой кабинет и направился вниз по лестнице. Управление заполнялось стражниками и клерками, на их лицах отражались гнев или печаль. Некоторые окликали Ленуара, предлагая свои соболезнования и выражения надежды, которые он хотел услышать, как им представлялось. Он проигнорировал их и направился на улицу.

Николя был голоден. Получив свободное время, он решил заглянуть в «Придворный». Надеясь, что они начали готовку рано; инспектор был в настроении съесть стейк. Была

большая вероятность, что это его последнее блюдо, и он собирался насладиться им.

* * *

Зак дрожал от холода. В этой комнате было сыро, и она утопала в постоянной темноте. Воздух заполнял затхлый запах гниющих овощей, аромат, напомнивший ему кухню в приюте. Ассоциация была неприятной. Его движения звучали приглушенно по земляному полу, что означало тесное закрытое помещение. Мальчик находился в своего рода подвале. Он был здесь более одного дня, как ему казалось. Хотя, как можно узнать время, находясь в постоянной темноте?!

Зак лежал один в течение очень долгого времени. Он слышал, как его похитители приходят и уходят, их шаги звучали над головой, обрушивая каскады пыли ему в глаза. И даже не мог вытереть песок, так как его руки были по-прежнему связаны. По крайней мере, они сняли кляп. Судя по всему, похитители не возражали, чтобы он кричал, так что Зак не пытался. Мальчик был слишком храбрым для этого, в любом случае.

Он исследовал комнату как мог. Ее размер был около пяти шагов на десять, с лестницей, ведущей к двери. Он насчитал пятнадцать ступенек на ней, вот и все, что она ему дала. Была пара изогнутых полок на одной из стен, которые Зак исследовал подробно, ища гвоздь или что-нибудь еще, что он мог бы использовать, чтобы избавиться от пут. Не тут-то было: полки были пусты, и то, что крепило их к стене, он не смог найти.

Зак много спал. Больше нечего было делать. Когда он не спал, то проводил много времени, думая о Ленуаре.

Зак был уверен, что инспектор ищет его. Ленуар всегда говорил, что он ценен, и мальчик ему верил. Николя не допустит, чтобы что-нибудь случилось с ним. Еще Зак размышлял, почему его нет так долго. Ленуар был лучшим инспектором в Пяти деревнях — все подтвердят это. Он мог найти все, что и кого угодно. Так почему тот еще не пришел? Как могло быть, что похитители Зака еще здесь? Единственное объяснение, которое он мог придумать, — у Ленуара ушло больше времени, чтобы заметить пропажу. Это имело смысл, они не виделись каждый день.

Зак решил попробовать отправить Ленуару сообщение мысленно. Может быть, если бы он думал достаточно усердно, инспектор услышал бы его так или иначе, или если он не мог слышать четко, он мог бы как-то понять, инстинктивно. Зак закрыл глаза и подумал так усердно, что его лицо заболело.

Он услышал шум над головой, и сердце забило сильнее. Но это всего лишь вернулись его похитители. Он уже узнавал их голоса. Их было трое, все адали: двое мужчин и женщина. Раньше их было больше, но со временем другие голоса пропали и больше не возвращались. Иногда они говорили на брейлишском, иногда нет. Но даже в первом случае Зак всё равно ничего нового не узнавал. Эти трое много спорили, особенно женщина, и иногда обстановка очень накалялась. Сейчас они тоже ссорились.

— Четыре, Эни. Четыре. Или ты уже прекратила считать?

— Я прекрасно умею считать, — зло ответила женщина. — Ты здесь не единственный, у кого есть мозги.

— Правда? Тогда почему я единственный, кто понимает, что происходит? Все, кто хоть раз притрагивался к трупам — мертвы. Считаешь, что это совпадение, да, Эни?

— Возможно, — ответила Эни. — Мы до сих пор точно не знаем, что случилось с могильщиком. Он мог попросту уехать. Он был трусом, в конце концов.

— Ха! Ты глупа!

— Вы оба глупцы, — сказал третий. Его акцент отличался от остальных, был более явным. — Даже если ты прав, Керн, слишком поздно давать задний ход. Если мы провалимся, все сообщество будет под угрозой. Я бы предпочел испытать судьбу при встрече с линчевателями, нежели потерять все.

— Линчеватели, — недоверчиво повторил другой мужчина. — Это то, что, как ты думаешь, происходит? Они нашли Райена с около сотней ран от ножа в горле и следами удушения. Мы уже знакомы с самосудом. Вы видели такую жестокость?

— Вы преувеличиваете, — сказала Эни презрительно.

Голова Зака разрывалась, когда он слушал. Его похитители были напуганы, особенно их пугал человек по имени Керн. Это звучало так, будто один из них, а может и больше, умер. Зак не знал, что такое «дружинники», но он знал много о линчевателях. Каждый уличный мальчик знал о них. Они могли просто появиться, группа обычных прохожих, чтобы остановить вора или вандала. Более пугающие группы были основаны, чтобы ловить насильников или убийц, и убедится, что они разобрались. Самосуд не был редкостью в Пяти Деревнях, особенно в Кенниане, и, насколько Зак мог сказать, охотники не слишком беспокоятся об этом. Но он никогда не слышал о чем-то настолько отвратительном, как случай с Райеном.

Голоса стихли, когда к ним подошёл ещё кто-то. Послышались глухие приветствия, и затем незнакомый голос произнёс:

— Вот вы где. Я пришёл раньше, но дом был пуст. Где вы были?

У этого человека акцент был мягче, как у Эни и Керна, и похож на речь жителей Кенниана. Зак решил, что все его похитители местные, кроме одного. Ленуар бы гордился, что Зак сам пришёл к таким выводам.

— Мы уходили, чтобы узнать новости о Лэшни, — сказала Эни. — Они нашли его в переулке в Берривине. Ты тоже об этом слышал?

— Да, слышал. И что?

— Это сделали четверо, — сказал Керн снова.

— Мы подозреваем линчевателей.

— Ты подозреваешь линчевателей, — прошипел Керн.

— Вы слишком легко отвлекаетесь, — холодно сказал новенький. — Помните о цели. Если вам удастся это сделать, ваш клан будет могущественнее, чем большинство других. Сохраняйте это всегда в своих мыслях и не волнуйтесь. Лучшее для своего клана — это всё, что имеет значение.

— Это значит, что каждый из нас медлит, — сказал Керн.

— Конечно, мы медлим, — сказал мужчина с сильным акцентом. — Клан всегда превыше всего. Где твои ценности? Или ты так долго жил среди горожан, что забыл, кто ты?

— Я тут родился, — сказал Керн. — Что клан сделал для меня? Они даже не знают о моем существовании. Какое мне дело до того, что они могущественны?

— Дело не в силе, — сказал другой человек. — Наши люди страдают. Это небольшая цена за то, чтобы исцелить их.

— Для тебя, возможно.

— Ты можешь покинуть нас в любое время, Керн.

— И пойти куда? Мне нужны деньги.

По половым доскам над головой Зака слышались звуки шагов, будто кто-то начал

ходить. Когда Керн заговорил снова, его голос звучал спокойнее:

— Это просто... это выходит из-под контроля. Ты никогда не говорил о том, что нужно причинить кому-то вред. Они должны были быть уже мертвы. И теперь эти убийства...

— Достаточно, — сказал новоприбывший. — Сколько времени тебе еще нужно? Это уже и так заняло больше, чем ты говорил.

— Это сложнее, чем мы ожидали, — сказал мужчина с сильным акцентом. — Мы провалились дважды, но мы получили ценные уроки.

— Вы можете обойтись без другого целителя?

— Потеря Райена — неудача, но я думаю, у него была кишка тонка для этого. Он выполнил свою задачу; я узнал всё, что мне нужно от него. Мы близко сейчас. Мне нужно только сделать несколько изменений.

— Тогда сделай это! Охотники будут вынюхивать, и это только вопрос времени, когда они найдут нас. Спешите готовиться, и сообщите мне, когда будете пытаться снова. Я хочу быть здесь в это время.

— Как пожелаешь.

Новичок ушел, и троица вернулась к спору. Зак перестал слушать. Просто не хотел слышать больше об убийстве и линчевателях, не хотел думать о своих похитителях, о том, что они планировали для него. Вместо этого он цеплялся за те несколько слов, что сказал новичок.

Охотники шли. Ленуар шел. Зак закрыл глаза и ждал.

* * *

Ленуар никогда не ждал ночи с таким нетерпением. Его нога беспокойно двигалась под столом, а глаза косились на окно каждые несколько минут. Он не двигался с места весь день. Буфетчица дошла от любопытства до нервозности, а потом и до боязни. Она уже давно перестала приносить ему вино. Это было к лучшему; ему нужно было подумать о Винсенте. Наконец, когда Николая не мог терпеть больше, он схватил свое пальто и направился к двери, не обращая внимания на каменное лицо буфетчицы. Это еще не был закат, но уже близко. У него было достаточно времени, чтобы добраться к главной площади рынка. Ленуар не был уверен, почему он выбрал это место, но это казалось хорошей приметой, в любом случае.

Он сидел на скамейке в западной части площади. Его нога снова начала нервно дергаться от ожидания. Тени сгущались, вылезая из-под зданий и двигались через площадь. Уже осталось недолго. Он смотрел, как фонари зажигались, каждый из которых создавал небольшой круг света на камне под ними. Он смотрел, как продавцы закрывают свои магазины. Он высматривал Мердена, но провидец так и не появился. Возможно, ему нужно некоторое время, чтобы отделаться от волнений предыдущей ночи.

Тьма пришла, но площадь не опустела сразу. Тут всё еще были уличные музыканты, продавцы цветов и другие торговцы, чьи услуги были нужны вечером. Романтика была в моде этими днями, и молодые дворяне Кенниана часто могли находиться в районе рынка, где они были в бесконечных поисках преимуществ, которыми могли произвести впечатление на юных леди. Ленуар желал, чтобы они все ушли. Там, где есть столько легкомыслия, однажды появится цинизм, а они казались к нему положительно настроены.

Прошел час, возможно больше. Наконец, последний вечерний купец ушел. Ленуар был один на площади. Вздвогнув, он натянул шарф на своей шее плотнее. Он был благодарен за то, что шарф был из толстой шерсти. Зима уже почти пришла. Его сердце больно кольнуло,

когда он понял, что видел его прошлой весной.

Он мечтал о Серле, ее бульварах, украшенных гирляндами из новых зеленых листьев, когда произошло нападение.

Бич затянулся на его шее, сжимая. Лемуар был оттянут от скамейки. Он вцепился в кнут, но шипы разрывали его плоть, не давая ему засунуть пальцы вниз. Его сильно тянули сзади и протащили по верху скамейки. Инспектор упал на правое плечо, воздух уходил из его легких. Он не мог вдохнуть; в его глазах уже начало темнеть.

Нет! Еще рано! Так не должно быть! Лемуар отчаянно сопротивлялся, пытаясь ослабить бич достаточно, чтобы иметь возможность говорить. Он не думал, что дух устроит ему засаду. Ему никогда не приходило в голову, что не сможет сказать ни слова перед своей смертью. Как бы это ни было, Николя оставался жив только благодаря шарфу на его шее, который делал барьер между его плотью и убивающим прикосновением бича.

Шарф!

Лемуар дернул за свободный узел и начал стягивать шарф с шеи, используя шерсть, как рычаг, против витков бича. Шипы впились до конца, и на момент он подумал, что шарф порвется. Он тянул с силой родившегося отчаяния, и, наконец, кожа потеряла свою власть, и витки свободно упали. Воздух загудел, когда зеленоглазый мужчина дернул бич назад к себе, готовясь к следующему удару.

Лемуар судорожно вздохнул, наполняя свои легкие воздухом, которого было достаточно, чтобы сказать одно слово:

— Винсент!

Как и прежде, дух заколебался, пусть даже и на долю секунды.

Лемуар снова наполнил свои легкие воздухом.

— Подожди! — Он поднял руку в умоляющем жесте, но бич набросил на него, обернулся вокруг его предплечья. Лемуар расходовал драгоценный воздух на крик. Он искал рукой, но его левая рука была настолько слабой, а боль настолько сильной...

Забудь о боли. У тебя только один шанс.

— Я могу помочь тебе найти его! — Слова растворились в новом крике.

И тут случилось чудо. Боль остановилась. Бич отпустил его.

Это сработало.

— Я могу помочь тебе найти их, — сказал Лемуар, задыхаясь. — Всех их.

Бич остался на месте. Надежда затопила тело Лемуара, придала ему силы, и он упал на колени. Зеленоглазый мужчина стоял перед ним, склонив голову на бок, бич безвольно болтался на его спине. Его глаза загадочно сверкнули. Он ждал.

Вот он — единственный шанс Лемуара. Это было отчаяние в чистом виде. Даже хуже — как самоубийство. Но это была и единственная надежда Зака.

— Мы ищет тех же людей, — прохрипел он. — Похитители трупов. Ты видел некоторых из них глазами мёртвых, и ты убил их. Но тут есть и нечто большее — этого ты не видел. Я уверен в этом. И я могу помочь тебе найти их.

Дух не двигался. Он рассматривал Лемуара, прищурившись. Лемуар не знал, произвели ли его слова какое-то впечатление. Он не был уверен, что дух понял, что он хотел сказать.

— Винсент. — Он сказал это имя намеренно, с надеждой обратиться к остаткам этого прежнего существа. — Позволь помочь тебе найти их.

Это была долгая тишина, прерываемая только сумасшедшим ритмом биения сердца Лемуара.

— Почему? — Слово вырвалось вперед, будто ледяной ветер из глубин склепа. Ленуар вздрогнул. Он не думал, что дух может говорить, и он предпочел бы умереть, чем услышать этот голос.

Собравшись, он сказал:

— Потому что мне нужно найти их тоже. Они забрали мальчика, которого я знаю, и они могут нанести ему вред.

— Мне нет дела до живых, — сказал Винсент, и бесчеловечность его слов слышалась в ужасном холоде его голоса. Его лицо оставалось лишенным эмоций.

— Возможно, но если я прав, то похитители мальчика, это те же, кто воровал трупы. Ты отомстил людям, которые сделали это на самом деле, но как на счет тех, для кого они это сделали? Должны ли действительно виновные оставаться безнаказанными? — Он практиковал эту речь сто и больше раз, во время его беспокойных часов в «Придворном». В его голове это звучало более убедительно.

— Они не останутся безнаказанными. Я найду их.

— Только если ты видел их.

Ленуар молился, чтобы информация Мердена была верной. Поколения за поколениями, устная передача информации — не самая надежная:

— Те, кто отдает приказы, редко сами их выполняют.

Это тоже была авантюра. Ленуар не имел понятия, сколько виноватых было, и, не говоря уже о том, скольких видел Винсент.

Дух притих, его мраморные черты ничем не выдавали его мысли, если он вообще думал.

Ленуар облизнул губы, пытаясь думать ясно сквозь шум крови в ушах. Его страх делал его легкомысленным, но у него было много часов, чтобы подготовиться к этой встрече. Он благодарил Господа за это.

— Когда ты... видел... похитителя трупов, ты также видел и мальчика? Живым?

Дух ответил не сразу, и на момент Ленуару показалось, что разговор — и его жизнь — подошел к концу. Тогда Винсент сказал:

— Я не видел ни одного ребенка.

Сердце Ленуара упало, но это были хорошие новости:

— Ты видишь? Это подтверждает, что ты не видел всех похитителей трупов, некоторые из них до сих пор держат мальчика.

— Если верить тебе.

— Правда. — Он снова почувствовал головокружение. Это был момент, которого он боялся больше всего. Это было время, чтобы сделать свое предложение. — Но моя помощь не будет стоить тебе ничего. Моя жизнь потеряна, я знаю это. Но если я умру сегодня ночью, парень умрет тоже. Всё, что я прошу, это чтобы ты остановил свою руку на недолгое время, достаточно долгое для меня, чтобы найти его. В свою очередь, я найду похитителей трупов. Всех их. Когда я их найду, ты можете совершить свою месть, которая касается похитителей трупов и меня.

Глаза духа, что были цвета абсента, со скукой смотрели на Ленуара. Его юное лицо, такое пугающе красивое, оставалось неподвижным, будто высеченное в камне.

— А какое тебе дело до этого мальчика?

Вопрос застал Ленуара врасплох. Дух знал, что он из себя представляет. Он видел разложение в душе инспектора, то самое, которое в итоге отметило его печатью смерти. Почему подобного человека должно волновать, что случится с уличным мальчишкой,

подобно Заку?

Ленуар опустил взгляд:

— Я не знаю.

Это была ложь.

— Нет никакого искупления. — Наверное, это заявление пришло от Самого Бога.

Ленуар вздрогнул:

— Я знаю.

Когда он снова посмотрел вверх, происходило что-то странное. В глазах Винсента померк свет, будто бессмертная душа в ловушке забрала всё целиком где-то в другом месте. Ленуару не пришлось долго гадать; свет превратился в зеленое пламя, и он почувствовал, как дух тепло смотрит на него.

— Твое предложение принято, — как ни в чем не бывало сказал Винсент.

Ленуар моргнул:

— Кем?

Винсент проигнорировал вопрос:

— Отведи меня к грабителям трупов.

Ошеломленный Ленуар колебался. Это сработало.

Только сейчас он мог себе признаться, что он не ожидал успеха. Вот он здесь, на коленях на рыночной площади, зеленоглазый мужчина стоит прямо перед ним. Винсент сохранил ему жизнь. Пока.

«Очисти голову, дурак. Есть еще работа, которую нужно сделать».

— Я не могу просто взять тебя к ним. Я не знаю, где они, и мне нужна твоя помощь.

— Что тебе нужно от меня?

Ленуар стоял, отряхиваясь. Он старался не смотреть на свою руку; он не желал видеть то, что сделал бич. Не то, чтобы была какая-то разница — это была та же рука, которая была в шрамах уже однажды, и, в любом случае, какое имело значение, как выглядела его плоть, если его жизнь измерялась в часах?

— Ты должен рассказать, что ты видел, — сказал Ленуар, удивленный тем, каким высоким был его голос. Возможно, он действительно заключил мир со смертью. — Ты должен рассказать мне всё.

— Еще двое, — сказал Винсент, — и я покончу с ними.

Ленуар кивнул. Он сидел на скамейке, где ждал Винсента, когда тот напал. Было в этом что-то по-мрачному забавным — сидеть здесь и вести беседу с бессмертным духом, что был послан из другого мира, чтобы убить его. Прохожие заметили бы что-то неладное, если бы Винсент смотрел на них, и то, они бы удивились только цвету его глаз. Его природа не заметна на первый взгляд.

Он точно не был разговорчив. Он высказывался кратко, используя несколько слов, и до сих пор без эмоций. Он ответил на вопросы Ленуара, но почти без деталей. Ленуар не мог сказать, был ли он скрытным, или он просто не хотел разговаривать. Или, возможно, он был таким и в жизни. Ленуару было интересно, сколько времени прошло с тех пор, как дух говорил с кем-то.

— Сколько трупов они выкопали? — Спросил его Ленуар.

— Два.

— Тот, кто выкопал оба трупа — один и тот же человек?

— Нет.

Страх Ленуара потихоньку уступал место другим более обыденным эмоциям. Например, разочарованию. Казалось, дух делает всё возможное, чтобы инспектору было сложно выудить у него информацию. Винсент с ним играет? Если и так, в его действиях не было и намёка на иронию. Он сидел абсолютно прямо и в основном говорил без интонации. Он не ёрзал и не менял позу. Казалось, он почти не знает, что такое эмоции. Почти. Ленуар вспомнил, как дух отреагировал, когда инспектор впервые назвал его по имени — он определённо был потрясён. Может Винсент и не выражал эмоций, но чувствовать он был способен.

— Кто выкопал первый труп?

— Я не знаю его имени.

Ленуар вздохнул:

— Я не спрашиваю его имя. Что ты знаешь о нем?

— Он мертв. Я убил его.

— Это я понял, Винсент. Но кем он был до этого?

— Он был могильщиком. Из Брейкенсвейла.

Наконец, он сказал что-то нужное.

— Ты видел еще кого-то с могильщиком?

— Двое других. Мужчины адали. Я также убил их.

Ленуар задумчиво хмыкнул:

— Полагаю, могильщик передал труп мужчинам адали?

Винсент почти незаметно склонил голову. Приняв это за подтверждение, Ленуар продолжил:

— Ты видел, куда они отвезли тело?

Дух задумался:

— То, что я видел, тебе не поможет. Его доставили в какую-то хижину, но я не знаю, где она находится, потому что тело перевозили накрытым.

Это было самое длинное предложение Винсента за последнее время.

— Думаю, я знаю, о какой хижине ты говоришь. Мы нашли её спустя несколько дней, но она уже была пуста. Там остался только мальчишка, но он сошёл с ума.

Винсент склонил голову набок:

— Сошел с ума?

— Да, — Ленуар вздрогнул от воспоминания. — Мы нашли привязанного к стулу мальчика, и когда мы его выпустили, он напал на моего сержанта. Он кричал и кусался, будто в него вселился дьявол. Он был совершенно безумен.

— Я знаю этого парня, — сказал Винсент, что удивило Ленуара. — Он не сумасшедший.

— Извини?

— Душа ушла. Он одинок.

Ленуар начал:

— Я... не понимаю.

Глаза цвета абсента посмотрели на него, посылая вдоль спины Ленуара дрожь:

— Они вызвали душу, которую пытались заключить в парня. Она ушла. Им не удалось это сделать.

«Во имя всего святого, — выругался про себя Ленуар, — Мерден был прав. Похитители трупов пытались переселить душу из этого мальчика в другое тело».

— Отчасти им это удалось, — сказал Ленуар скорее себе, чем Винсенту. — У мальчика было две души, и, кажется, именно это и свело его с ума.

— Какое-то время, но заклинание долго не продлилось. Душа мертвого ребенка вернулась в мир духов.

— Откуда ты знаешь? — Ленуар был настолько болезненно увлечен, что забыл о своем страхе.

— Это в моей памяти. Души умерших помнят, и их воспоминания — мои.

Холод в голосе Винсента стал ледяным, а абсентовые глаза сузились до щелочек:

— Мертвым не нужны новые воспоминания. Они не должны быть оторваны от остальных. Это смертный грех.

Ленуар плотнее закутался в пальто, но ему стало ненамного теплее. Холод, пробиравший его, происходил не извне.

— Когда я спрашивал раньше, ты сказал, что не видел ребенка.

— Это так. Но в течение небольшого времени, я видел глазами ребенка. Я видел тебя, хотя и не узнавал в то время.

Ну конечно. Когда они нашли Мику на заброшенной ферме, у него были завязаны глаза. Он, скорей всего, не видел ни своих похитителей, ни кого-либо ещё, пока Коди не снял повязку. В то время душа мёртвого ребёнка была в теле Мики вместе с его собственной.

— Уже давно я не видел глазами живых, — рассеяно сказал Винсент. Неисчислимое количество лет, полных пустоты, эхом звучали в его голосе.

Ленуар вернулся к начальной линии задачи вопросов:

— Второй труп. Они увезли его в то же место?

— Да.

— Что они с ним делали?

— Некромантия.

— Они пытались воскресить мертвых детей, — предложил Ленуар, вспоминая теорию Мердена.

— Нет.

Ленуар был удивлен:

— Нет? Что тогда они делают?

— Души детей, чьи тела забрали, не были потревожены. Только их плоть была осквернена.

«О чём это он?»

Ленуар был в полном замешательстве:

— Но ведь они пытались вселить те души в тело Мики...

Казалось, Винсент обдумывал свой ответ перед тем, как сказать что-то:

— Некроманты не стремятся оживить детей, которых они забрали, — сказал он, и у Ленуара сложилось впечатление, что дух тщательно подбирает слова. — Они только хотели найти подходящее тело. Они хотят воскресить другую, давно мертвую душу. Они провалились с заключением этой души в мертвое тело, так что сейчас они пытаются использовать живое.

Ленуару стало дурно. В то же время, он не мог отрицать, что был очарован. Всего лишь неделю, он занимался расследованием (или, точнее, Коди занимался расследованием) нескольких странных, но, в конечном итоге, безвредных преступлений. Затем, когда Зака украли, Ленуар предположил, что они имели дело с заурядным маньяком — тревожным, конечно, но, к сожалению, вполне обычным явлением. Реальность же была непостижима. Даже Коди, видевший заговор, который отказался признать сам Ленуар, ни за что не вообразил бы себе что-то такое темное и сложное.

— Чью душу они пытаются воскресить?

— Я больше не назову его имени.

— Он был из Кенниана?

— Да.

— Как давно он умер?

Винсент задумался:

— Я давно потерял способность считать время мерками смертных. Но думаю, сейчас он был бы уже взрослым, лет двадцати-двадцати пяти.

Учитывая, что мальчик, скорее всего, умер в возрасте Зака, это должно было произойти более десяти лет назад.

— Он был убит.

Это не сильно удивило Ленуара:

— Кто его убил?

Винсент закрыл глаза, вспоминая:

— Его отец.

Что-то всколыхнулось в памяти Ленуара, мысль, слишком быстрая, чтобы её ухватить. Он не стал на ней останавливаться; мысль вернётся более оформленной, когда придёт время. А сейчас надо сосредоточиться на наиболее прямом пути к спасению Зака.

— Оставим пока этого мальчика. Ты говорил, что видел ещё двух могильщиков. Знаешь, где они?

— Конечно. Я чувствую, когда они рядом.

Ленуар не смог сдержаться:

— Тогда почему ты не смог найти меня за все эти годы?

Винсент повернулся и взглянул на Ленуара, тот сразу понял, что совершил ошибку. Снова

накатил ледяной ужас, скрутив внутренности.

Инспектор поднял дрожащую руку:

— Извини за вопрос. Это было глупым любопытством. Я не собираюсь сбегать.

Винсент ничего не ответил.

Ленуар поднялся, пошатываясь. Колени дрожали и он еле держался на ногах.

— Идём. Допросим твою следующую... метку.

Почему-то инспектору казалось, что Винсент не воспринимает похитителей трупов в качестве своих жертв.

Винсент медленно поплыл вперёд, Ленуар поспешил за ним. Он не знал, что Винсент понимал под «рядом», но надеялся, что дорога будет достаточно длинной, чтобы он смог прийти в себя. Иначе допрос не будет проходить по всей форме, если инспектора начнет трясти, когда они придут на место.

* * *

Дождик начал моросить, когда Ленуар и Винсент покинули район рынка, и к тому времени, как они достигли Лагеря, превратился в настоящий ливень. Он терзал жалкие лачуги, в которых жили люди, их конструкция могла едва выдержать ежедневное испытание гравитацией, не говоря уж о буре. Дождь громко стучал по полосам оловянной обшивки, пропитывал крыши из соломы или шкур животных, вымывал глиняные фундаменты. Он собирался в каждой впадине или углублении и ручейками сбегал с затопленных крыш. Дымное марево, которое обычно сдерживали узкие щели между палатками и лачугами начало распространяться, когда просочилась вода, принося с собой запах костров, на которых готовилась еда. Глиняные дорожки стремительно превращались в реки ила, несущие с собой отбросы и экскременты, и все, что не было привязано. За несколько коротких минут лагерь превратился из депрессивных трущоб в настоящий ад.

Вонь этого места была такой, что желудок Ленуара едва мог вынести, и тошнота подступила к горлу, когда он следовал за Винсентом между хижин, делая все возможное, чтобы его туфли не наступили на что-нибудь мерзкое. Он опустил голову из-за дождя, не замечая сцен, мимо которых проходил — перепачканные мужчины пытались заткнуть дыры в своих жилищах, костлявые собаки дрожали в углах, густая грязная вода собиралась в лужи, которые угрожали затопить соседние хижины. Даже в этот момент, он не мог не отметить, что почти каждое лицо, которое он видел, было адали. Лагерь являлся одним из самых больших кварталов Кенниана; Ленуар не догадывался, сколько поселенцев адали в Пяти Деревнях. Это заставило его понять, сколько времени прошло с тех пор, когда он посещал трущобы. Как большинство ищеек, инспектор избегал этого места любой ценой. Хотя лагерь был рассадником преступности, никого особо не волновало, если жители трущоб резали друг другу глотки.

Даже сквозь шум дождя, Ленуар слышал кашель, доносившийся изнутри многих хижин, из-за дыма или болезни, или того и другого. Но он мог также услышать смех. Дети шумели и визжали, их тонкие голоса звучали неуместно ярко, как цветы, тянущиеся ввысь сквозь грязь. Даже здесь, подумал он, жизнь продолжается. На что эти люди могут рассчитывать в будущем? И все же они смеются. У них есть дети. Они к чему — то стремятся. Они не лежат в отчаянии и ждут смерти. Почувствовав внезапной прилив ненависти к себе, он ускорил шаг, желая, чтобы это поручение закончилось.

А вот Винсенту было абсолютно наплевать на дождь, казалось, он не замечал

промокших брюк и обуви. Его иссиня-чёрные волосы прилипли к лицу, отливая серебром в лунном свете, но он не пытался убрать их назад. Он шагал к цели, ведомый только ему известными чувствами. Он даже не замечал окружающую его местность, не руководствуясь ни зрением, ни слухом. Ленуар подумал, что единственной причиной, почему Винсент идёт пешком, а не просто переходит из одной тени в другую, была необходимость вести за собой смертного.

Дух остановился перед невзрачной хибаркой, молча взглянул на Ленуара. Тот провёл рукой по волосам и постучал в дверь, гнилые доски которой еле держались на кое-как прибитых гвоздях и проволочных петлях. Винсент отступил в сторону и полностью растворился во мраке, так, что Ленуар подумал, что тот вообще ушёл.

Растрёпанный адали открыл дверь. Он подозрительно глянул на Ленуара и огляделся, есть ли с ним кто-то ещё.

— Что надо? — Буркнул он.

— Извините за беспокойство, сэр, но не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Какие вопросы? Кто вы?

У него были высокие скулы, широко расположенные глаза, его лоб был покрыт каплями влаги. Дождь или пот? Не было возможности узнать.

— Я инспектор Ленуар из Департамента Полиции, — Ленуар говорил тихим голосом едва слышным из-за ливня. Он сомневался, что соседи будут рады полицейским. — Я промок до нитки, так что, может, разрешите мне войти?

Выражение ужаса на лице адали было таким явным, что Ленуару стало интересно, как он умудрился выжить в этих тущобах. Мужчина не выглядел закоренелым преступником. Инспектор сомневался, что тот смог бы постоять за себя даже за игрой в карты.

— Что вам надо? — Снова спросил адали почти шёпотом.

— Вы отлично знаете, что мне надо. — Как правило, Ленуар не действовал так напористо, но с таким трусливым человеком запугивание было лучшей тактикой. — Давайте мы пройдем внутрь и поговорим, тогда мне не придётся звать своих людей.

— Я не вижу больше никого, — мужчина выглянул из-за плеча Ленуара снова.

— Конечно, — нетерпеливо сказал Ленуар. — Какой смысл показывать себя, если в этом нет нужды?

Мужчина заколебался, но потом посторонился, пропуская Ленуара внутрь и закрывая за ним дверь.

«Точно, не игрок», — подумал Ленуар.

В хижине не было очага, свет шёл только от маленькой масляной лампы, но его едва хватало, чтобы осмотреться. Впервые за многие годы Ленуар был рад темноте.

— Винсент, — сказал он спокойно, — покажись. Ты сэкономишь нам время.

Мужчина едва успел удивиться, когда в углу комнаты появился Винсент. Его ярко-зелёные глаза сверкнули в свете лампы. Адали закричал, но Ленуар был настороже, шагнул вперёд и закрыл тому рот рукой.

— Тихо! — Прошипел он. Мужчина был намного выше него, так что он приложил все свои силы, чтобы удержать извивающегося беднягу под контролем. — Делай то, что мы тебе говорим, и я сохраню тебе жизнь!

Винсент, наоборот, стоял неподвижно. Вот и хорошо. Само по себе присутствие духа было пугающим, а если бы он ещё и сделал что-то, мужчина вообще стал бы невменяемым. Ленуару нужно было, чтобы он мог вразумительно всё объяснить. Ничего хорошего не

получится, если он оцепенеет от страха.

Когда крики мужчины стихли и превратились в тихое поскуливание, Ленуар его отпустил.

— Сядь! — Приказал он, и адали подчинился, опустившись на соломенную циновку. Он уставился на Ленуара с ужасом. Инспектор знал этот взгляд — взгляд человека, отмеченного смертью. Ленуар и сам носил такую метку пару лет назад. Возможно, и всё ещё носит.

— Как тебя зовут?

— Керн.

Ленуар указал ему за спину:

— А это знаешь кто, Керн? Ты ведь слышал о нём истории, когда ещё был ребёнком, так?

Мужчина начал всхлипывать. Ленуар решил немного отступить, а то и так слишком надавил на беднягу:

— Я пощажу твою жизнь, если ты будешь с нами сотрудничать. Это понятно?

Керн рыдал взахлёб и, казалось, ничего не слышал. Ленуар наклонился и дал ему пощёчину.

— Понятно? — Мужчина кивнул, не переставая плакать. — Отлично. Теперь расскажи мне, где мальчишка?

Керн снова громко всхлипнул:

— Ничего не должно было случиться. Это не должно было касаться мальчика, по крайней мере, живого. Они сказали, что нужны только трупы. Никто не говорил, что придётся кому-то причинять вред!

— Где он?

— Я не знаю!

— Смешно. Ты со своими друзьями держали его у себя несколько дней.

— Да, это правда, но они уехали этим утром. Я не знаю куда, я клянусь вам!

Ленуар опустился на корточки и угрожающе склонился над адали. Он был могущественным с Винсентом, стоящим за спиной. Он чувствовал себя карающей дланью, и это опьяняло:

— Думаешь, я этому поверю?

Керн снова начал рыдать. Ленуар ждал, когда всхлипывания прекратятся.

— Ищейки были у нас на хвосте, — пробормотал Керн. — А все остальные мертвы.

Взгляд адали упал на Винсента, и его веки задрожали, будто он вот-вот упадёт в обморок.

Ленуар выругался сквозь зубы:

— Сосредоточься, Керн!

Мужчина кивнул с видимым усилием:

— Они сказали, что собираются в дорогу сегодня утром. Я должен был пойти с ними, но у меня лихорадка.

Ленуар глянул на лицо адали — оно было мокрым от пота. Он заметил это и раньше, но списал всё на страх. Инспектор протянул вперёд руку и дотронулся до лба Керна, лоб, определённо, был горячим на ощупь.

— Ты не знаешь, куда они собрались? — грозно спросил Ленуар. Керн покачал головой. — Кто стоит во главе всего, где мне его найти?

— Тут было двое, но один из них мертв.

— Райен.

Керн несчастно кивнул.

— А другой? Кто он?

— Его имя Лос. Он жил с остальным кланом, в лагере возле Берривина. Он останавливался в хижине недалеко отсюда, но он не возвращался туда несколько недель. Он готовился раньше, и теперь остается с мальчиком.

Ленуар задумался. Имя этого человека — не та информация, которая помогла бы ему отправить патруль на поиски. Ленуар не собирался заводить на Лоса дело. Всё, что ему было нужно — найти похитителя, и как можно скорее.

— С кем еще ты работаешь?

Возможно, ему больше повезет с другим членом команды Керна.

— Все мертвы, — захныкал Керн. — Остались только я и Эни.

— Эни?

Возле него заговорил холодным голос:

— Я знаю эту женщину. Я видел ее.

Ленуар стоял. Они получили от Керна всё, что могли на данный момент. Он был разочарован в своей удаче. Болезнь Керна была единственной вещью, из-за которой он не мог сказать место нахождения Зака. Но, возможно, Эни могла сказать больше. Им нужно спешить.

— Я никогда не хотел ранить мальчика, клянусь. Ничего из обещанного Райеном не получилось. Они обманули меня!

Ленуар не обратил внимание на эти жалкие оправдания:

— На сейчас всё. На твоём месте я бы оставался в этой хибаре и не выходил из неё, даже чтобы сходить в сортир. Понял меня?

Керн молча кивнул, и Ленуар уже повернулся к выходу.

Винсент шагнул вперед, и резко выкрутил запястье, оборачивая шипы бича вокруг шеи Керна.

— Подожди! — Воскликнул Ленуар. — Что ты делаешь?

Винсент проигнорировал его. Ленуар мог только беспомощно смотреть на то, как дух выдушивал жизнь из болезненного труса, которого звали Керн.

Когда всё было кончено, Ленуар развернулся и вышел из хижины, чтобы увидеть ждавшего его снаружи Винсента. Он развернулся к духу, и его гнев затмил страх:

— Почему ты это сделал? Я дал ему слово, что мы сохраним его жизнь!

— Ты не должен был.

— Он мог потребоваться нам позже!

Винсент не ответил. Он просто стоял, неумолимый, и дождь падал на него, отскакивая от кожи его куртки, и стремясь вниз по сторонам носа.

— Ты убил его, когда он мог быть единственным, кто мог привести нас к Заку!

— У меня не было выбора.

— Что ты имеешь в виду? Этот дурак был безвреден!

— Он был помечен. У меня не было выбора.

Ленуар вспомнил слова Мердена:

«В легенде говорится, что у него нет больше собственной воли, во всяком случае, он не может её проявить».

— Но ты пощадил меня, — сказал Ленуар, смутно осознавая, что это не звучало так

благодарно, как должно было.

— Ты не был пощажён.

Строго говоря, это было правдой — приговор Лёнуара не был отменён, просто перенесён.

— Но тебе придётся подождать, пока мы не найдём Зака.

— Возможно, — позволил дух. — Но сейчас всё кончено.

Он обернулся и ушёл туда, откуда они пришли.

Лёнуару оставалось только следовать за ним.

Эни была мертва.

Её тело лежало посреди комнаты, а под ним растекалось огромное пятно. По половицам ползали насекомые, привлечённые запахом крови. В резаной ране на шее копошились мухи.

Какая-то часть Ленуара ожидала подобного, но от этого отчаяние, которое вот-вот поглотит его, меньше не стало. Эта женщина была последней ниточкой, ведущей к Заку. К тому же она была последней целью Винсента, последней из похитителей трупов, кого Винсент видел их глазами. Имевшееся у Ленуара время подходило к концу, а у него ничего не было. Надо было спросить у Керна о мотивах, когда у него был ещё такой шанс, но инспектор так спешил найти Зака...

Винсент стоял в углу комнаты, аккуратно избегая лучей восходящего солнца, пробивавшихся через ставни. Он молча следил за Ленуаром, никак не комментируя произошедшее. Сколько он ещё подождёт, пока решит, что Ленуар уже бесполезен? Инспектор поймал себя на мысли, что с нетерпением ждёт дня, который даст шанс спастись. Это была мимолётная мысль, инстинкт самосохранения, но не думать об этом Ленуар не мог. Оставалось только надеяться, что эта мысль не отразилась на его лице.

— Ладно, — произнес он вслух, — придется идти сложным путем. То, что не удалось узнать от этой женщины, придется выяснять самим.

Он произнес это скорее для себя, чем для Винсента. Ленуар не мог позволить себе поддаться отчаянию. Когда-то он считался самым талантливым инспектором в лучшем департаменте полиции в мире. Настало время ему вспомнить почему.

Он взял себя в руки.

— Очевидно, женщину убили сообщники.

Несмотря на то, что рассказал Керн, Ленуар был уверен, что был кто-то ещё, кроме Лоса — приспешники, не входившие в круг доверенных лиц, как Керн и Эни.

— Они боялись разоблачения, поэтому и убили её, а это значит, что кто-то их напугал. Скорей всего, это был сержант Коди.

Инспектор замолчал. Не похоже, что Коди встретил в тюрьме кого-то, знающего об этом деле не понаслышке.

— Коди, вероятно, выяснил что-то, что помогло ему понять мотив, а тот, в свою очередь, настолько близко привёл его к преступникам, что они решили убить его и сержанта Хардина. Но что же это был за мотив?

Ленуар начал размышлять. Винсент говорил, что похитители трупов пытались воскресить душу давно умершего мальчика, мальчика, которого около десяти лет назад убил его же отец. Это и была подсказка о мотиве, но Ленуар отбросил её на время, когда сможет доказать эту догадку, допрашивая кого-нибудь. Что ж, пришло время пересмотреть улики.

Он обернулся к призраку, который по-прежнему находился в тени и представлял собой скрытую угрозу.

— Винсент, что ты можешь рассказать об убитом мальчике? Он адали?

Винсент наклонил голову, вспоминая:

— Нет.

— Все похитители трупов, за исключением могильщика, были из клана адали. Предполагая, что и остальные адали, мы можем быть уверены, что кто бы не пытался

воскресить мальчика, он не является членом семьи. Хотя, полагаю, он может работать на кого-нибудь из семьи.

Ленуар вспомнил слова Мердена о вмешательстве в дела мёртвых.

«Было безрассудством связываться с подобной магией, потому что это навлечёт кару того мира. Каждый адали это знает», — сказал тогда прорицатель.

— Если похитители пошли на такой риск ради воскрешения мальчика, им явно пообещали огромную плату.

В голове у Ленуара начала оформляться идея.

— Насколько богат отец мальчика?

Винсент нахмурился:

— Я об этом ничего не знаю.

— Подумай, — настоял Ленуар, слишком поглощённый своими мыслями, чтобы беспокоиться, разозлит ли он духа.

— Вспомни, что ты видел. Где мальчик жил? Какую одежду носил его отец?

Винсент некоторое время размышлял:

— Да, — наконец произнёс он, — возможно, он был богат. Одежда у него была дорогая, да и поместье огромное.

Всё встало на свои места, будто щёлкнули выключателем, — и Ленуар всё понял.

— Я знаю, куда нам дальше идти.

Винсент посмотрел на окно, где стекло слегка светилось в лучах восходящего солнца.

— Я не могу.

Ленуар выругался, а затем чуть не рассмеялся от абсурдности ситуации. Десять лет призрак был единственным, что вселяло в него страх. Он даже старался не спать, чтобы не видеть духа во снах. А сейчас он сожалеет, что Винсент не может пойти с ним. Никто не признается, что приложил руку к похищению ребёнка, если на него не надавить. Человек, которого собирался навестить Ленуар, был очень влиятельным, и его так просто не запугаешь. Присутствие Винсента давало инспектору преимущество, которого он не имел, направляясь туда в одиночку. Но Ленуар не мог ждать наступления ночи, ведь это даст похитителям целый день на осуществление своего плана.

— Тогда я иду один, — произнёс Ленуар.

— Мы не можем себе позволить терять время.

* * *

Ленуар осадил лошадь перед воротами, взирая на флаг на дальнем конце дороги, громко хлопающий на ветру. Теоретически, герцог Уоррик находился в своей резиденции. Но согласится ли он поговорить, это другой вопрос. До Ленуара с опозданием дошло, что он мало знает, что говорит брайлендское законодательство о подобных случаях, в частности, имеет ли инспектор право допрашивать человека подобного уровня без прямого дозволения короля. А если герцог не разрешит ему войти? У инспектора не было времени на бюрократическую возню.

Из сторожки вышел охранник:

— Чем я могу помочь?

— Я инспектор Ленуар из Департамента Полиции, — произнёс он, надеясь, что это прозвучало достаточно впечатляюще.

— Я хотел бы увидеть Его светлость по официальному делу.

Стражник нахмурился. Он оглядел Ленуара с ног до головы, до того как вернуться в сторожку к товарищам. Через несколько мгновений он вернулся в сопровождении ещё одного охранника.

— Ждите здесь, — велел он.

Мужчина запрыгнул на лошадь и галопом понёсся по дороге. Ленуара остался наедине со вторым стражником. Инспектор не стал спешиваться, это было лишней тратой сил, к тому же, абсолютно не за чем.

Он стал ждать; взгляд его блуждал по строгим линиям замка Уоррик. Он никогда не видел его с такого близкого расстояния, и близость не красила замок. Это было создание неправильной формы, с башнями, торчащими, словно рёбра, грубыми стенами и суженными в подозрении глазками-бойницами, едва вместимыми для лучника. Создание сидело на корточках за зловонным рвом, пережитком кровавой эпохи, когда резиденции дворян служили им крепостями от возможных врагов. Дорога будто убегала от замка, а не вела к нему; железные ворота оцетинились шипами. Ленуар никогда в жизни не видел столь негостеприимного здания. «До чего подходяще» — подумал он.

— Вы друг Его светлости? — спросил второй охранник, прерывая размышления Ленуара.

Ленуар покачал головой, и стражник усмехнулся. Ленуар понял, что вопрос прозвучал с сарказмом.

— Вам что-то показалось забавным? — холодно произнёс инспектор.

Стражник вновь ухмыльнулся:

— Если у Его светлости и есть друзья, о них никто не знает. Сюда никто не приезжал уже несколько недель, а последним посетителем был гонец от мэра города.

Охранник заговорил тише.

— Если вы вдруг не знаете, наш герцог не самый общительный парень.

— Удивлён, что вы так свободно об этом говорите, — одобрительно произнёс инспектор, поощряя продолжение разговора. Чем больше он узнает о человеке, с которым ему предстоит поговорить, тем лучше.

— А вы с ним встречались? — поинтересовался стражник, будто это всё объясняло.

— Однажды, на открытии нового Департамента Полиции. Мы не общались.

То единственное появление было весьма почётно для шефа полиции. Ленуар до сих пор с удивлением вспоминал, как напыщенно и чопорно вёл себя его начальник, излучая гордость и уважение. Почётный гость, тем не менее, никак не реагировал на знаки внимания со стороны шефа. Герцог безучастно стоял, пока мэр города и шеф полиции произносили речь, а затем ушёл, не попрощавшись. Его грубость заметили бы, если бы на него в принципе обратили внимание.

— В таком случае, — ответил стражник, — вы знаете его на столько же, на сколько и остальные.

— Думаю, вы преувеличиваете.

— Не очень. Я и сам его редко вижу. Герцог никуда не выходит.

Стражник ткнул пальцем куда-то в южном направлении.

— Я, бывало, работал в поместье Киррин. Знаете его?

Ленуар кивнул.

— Там не бывает тихо и спокойно. Балы, банкеты, званые ужины. Если не это, то они идут на балет, в оперу и ещё Бог знает куда. Ну вы знаете, как и должны жить знатные люди.

— Допустим. Но каждый человек, пусть и с дурным характером, имеет друзей или, по крайней мере, деловых партнёров. Наверняка кто-то приходил и уходил из замка.

«Может даже, это были адали?»

— Мало кто, — ответил стражник, понижая голос.

— Герцог был замешан в скандале, ну знаете, семейные дела и всё такое.

Ленуар действительно знал. Да все жители Пяти Деревень знали! Все верили, что герцог Уоррик в порыве ревности убил свою жену. Его ярость была настолько сильной, что он убил и своего сына, а затем гнев прошёл, и ему осталось только оплакивать уже убитого сына. Ничего не доказали, но герцог ничего не делал, чтобы разубедить народ. К тому же, его затворничество и холодность только закрепили за ним репутацию социопата, способного на что угодно. И именно эти слухи и привели Ленуара к воротам герцогского замка.

— Это всё сплетни, — пренебрежительно сказал он.

— Сомневаюсь, что Его светлость замешан в убийстве своей семьи.

Стражник снова пожал плечами:

— Скандал ведь был.

— Судя по моему опыту, такой богатый и влиятельный человек, как Герцог Уоррик, может замять любой скандал.

По крайней мере в этом замечании Ленуар был абсолютно честен. По его мнению, не тёмное прошлое герцога заслужило ему недобрую славу подлеца. Проницательные обитатели Пяти Деревень вполне могли не заметить убийства, но они не могли смириться с пренебрежением.

— Ну да, он богатей. — едко сказал привратник. — Знает, как на медяках сэкономить.

А, вот в чём дело. Болтливый язык привратника вдруг значительно прояснил ситуацию.

— Я так понимаю, вам не очень хорошо платят за вашу работу?

— Правильно понимаете, сэр. — Привратник сделал паузу и сделал вид, что его только что посетила мысль. — Вы ведь ищейка, верно? Как думаете, могу я устроиться детективом? Пригодится там мой опыт в охранным деле или нет?

Ленуар подавил улыбку. Неужели привратник не замечает, что выдаёт себя? Вслух же он сказал лишь: «Возможно»

От дальнейшей неловкости его избавил вернувшийся первый привратник, жестом пригласивший Ленуара пройти. Ленуар спешил, передал лошадь и последовал за привратником вверх по длинной дороге.

Его пригласили в рабочий кабинет герцога и сказали подождать. Он остановился в центре комнаты, методично изучая окружающую его обстановку. Лучшего места для разговора инспектор и пожелать не мог. Салоны и гостиные предназначены для гостей, они носят лживую маску, приготовленную для того, чтоб создавать нужное впечатление. Рабочие кабинеты же более интимное место, говорящее о хозяине гораздо больше. Эта комната была особенно красноречива. Несмотря на просторность, комната была скудно обставлена — всего несколько стульев, стол и сервант. Книги ровными рядами выстроены на полках у камина. Каминная полка не украшена и была типа тех, что встречаются в скромных гостиницах. И несмотря на то, что у комнаты были стеклянные окна вместо жалюзи, они были небольшие и практичные, без какой-либо тщательно проработанной вытравки, как предпочитают в богатых домах.

Фактически, единственным подтверждением статуса герцога был гигантский портрет, висевший над камином, изображавший мальчика семи-восьми лет. Тёмные оленьи глаза

смотрели на Лемуара и, казалось, следили за ним. У мальчика были круглые румяные щёки, но вид его был мрачен; ни тени улыбки не было на его губах. На нём сидел ярко-синий камзол с высоким воротником, по моде десятилетней давности. Сын герцога, решил Лемуар. Если он не ошибался, присутствие портрета говорило само за себя. Он скучал по мальчику. Значит все эти слухи всё-таки были правдой. Лемуар смотрел на холст, не в состоянии избавиться от жуткого впечатления, что мальчик тоже смотрит на него. Глядя через глаза покойника, подумал Лемуар, прямо как Винсент. Он содрогнулся.

Он позволил своему взгляду упасть на пару стульев с роскошной обивкой, что стояли у стола. Их мягкая замша насмешливо манила его. Он устал, на самом деле просто вымотался, но решил, что будет неуместно сесть без приглашения. Уже не в первый раз он проклял бессмысленные правила этикета благородного класса. Непрактичный и безнадежно сложный, бессмысленный и душный, как корсет, этикет элиты был жесткой клеткой, замаскированной в кружева. Опять же он полагал, что кретины из низов, такие как он, должны быть благодарны тому, что есть код поведения при встречах с влиятельными и амбициозными. Без этого игры знати практически всегда были бы кровавыми.

Вдруг открылась дверь, вырвав Лемуара из раздумий, и в комнату вошел герцог Уоррик. Лемуар был удивлен этим скромным появлением; он думал, что герцог заставит его ждать. Поведение его тоже было удивительным, так как вместо показных медлительных манер, типичных для его класса, Уоррик пересек кабинет целеустремленной поступью, и жестом, не терпящим возражений, указал ему на стул, усевшись за столом. Лемуар помедлил, гадая, стоит ли ему поклониться. Вместо этого, прежде чем сесть, он сделал короткий кивок головой.

— Чем могу вам помочь, инспектор? — спросил Уоррик без предисловий.

Лемуар никогда ранее не слышал голоса Уоррика и был поражен его звучанием, похожим на перекачивание гравия. Это полностью подходило к выражению его лица, будто вырезанному из камня — длинный нос, выточенный из гранита, глаза из кусочков сланца. Его угловатые черты были обрамлены черными волосами, едва касавшимися плеч, стиль скорее прагматичный, нежели модный. Он сидел прямо и гордо, хоть и казался напряженным, будто сидение не было у него в привычках. Встреть Лемуар его на улице, он ни за что не принял бы его за дворянина. Он держался скорее как генерал.

— Спасибо за то, что нашли время встретиться со мной, ваша светлость, — сказал Лемуар. — Вы должно быть заняты.

— Не думаю, что вы знаете, когда я занят, инспектор, но вы правы. Достаточно занят, чтобы опустить пустые формальности, так что переходите сразу к делу.

Лемуар заёрзал под пронзающим взглядом Уоррика:

— У меня есть некоторые вопросы, касающиеся смерти вашего сына. — Сказал он настолько нейтрально, насколько мог. Уоррик поднял бровь, но этим его реакция и ограничилась. Лемуар продолжил:

— Я понимаю, что прошло много времени, но некоторые... недавние события... вызвали мой интерес к этому делу.

Уоррик молча рассматривал Лемуара, ожидая, когда он продолжит.

— Я хотел бы особенно подчеркнуть, что я здесь не для того, чтоб открыть новое расследование или продолжить старое, как может показаться. События, окружавшие смерть вашего сына, меня не заботят.

Герцог нахмурился:

— Вы говорите загадками, инспектор.

— Простите, Ваша светлость, я не собирался, но вопросы, с которыми я пришёл, сложны, и мне не просто объяснить. Я попробую упростить. Был похищен мальчик, и у меня есть причины считать, что он предназначался в жертву магии адали.

Эти слова достигли цели. Уоррик скептически хмыкнул и саркастически ухмыльнулся:

— А я разочарован в вашем хвалёном Департаменте Полиции. Вероятно, инспектор должен осознавать, что не все преступления совершаются адали, несмотря на распространённое в народе мнение.

— Понимаю ваш скептицизм, Ваша светлость, но уверяю вас, что я пришёл к этим выводам, основываясь не просто на глупых предрассудках.

— Даже так?

Уоррик приподнял слегка брови:

— Значит, у вас есть неопровержимые доказательства?

— Неопровержимые? Нет. За двадцать лет работы в полиции я редко находил подобные доказательства. Но, скажем так, они довольно убедительны.

Ленуар снова сел на стул, надеясь,

что выглядит уверенным в себе человеком. Он вошёл в знакомый ему ритм разговора, что помогало ему справиться с неловкостью и войти в роль дознавателя.

— И какое это отношение имеет к моему сыну? — проворчал Уоррик.

Ленуар весь внутренне подобрался:

— Магия, которую они используют, позволяет воскресить мёртвого ребёнка, ребёнка, умершего около десяти лет назад. Это ведь совпадает со временем смерти вашего сына, не так ли?

Что-то промелькнуло в глазах герцога, но Ленуар не знал, что именно. Гнев? Ожидание? Шок?

— Вопросов, я так понимаю, много, инспектор.

Голос Уоррика похолодел на пару градусов.

— Я не уверен, что вы подразумеваете, но мне очень интересно, как вы пришли к таким интересным выводам.

— Думаю, это не имеет значения для нашего разговора. Важно лишь то, что мои источники абсолютно достоверны. Похитители пытаются использовать тело живого ребёнка для размещения в нём души мёртвого.

У Уоррика округлились глаза:

— Не тратьте моё время на эту сверхъестественную чепуху. Подведём итог: вы считаете, что похитители собираются навредить ребёнку, я правильно понял?

— Это действительно так. Ритуал предполагает, что душа мальчика будет вытеснена другой. Если им удастся его провести, мёртвец захватит контроль над телом живого мальчика.

Герцог издал смешок:

— Вы что, серьёзно верите в магию?

— А вы нет?

Глаза герцога опасно сузились. Он шумно втянул в себя воздух:

— А, вот оно что. Вы считаете, что кто-то совершил это по моему приказу, так?

Он холодно улыбнулся.

— А вы меня действительно поражаете, инспектор. Немногие ваши коллеги за эти годы

осмеливались обвинить меня в чём-то, и уж точно никто из них не подходил к вопросу так творчески. Но вы ведь должны были получить одобрение начальства прежде, чем идти сюда. А ваш шеф, Рек, если не ошибаюсь, всегда производил на меня впечатление здравомыслящего человека, по крайней мере настолько, чтобы не позволить вам приехать с такими смехотворными обвинениями.

В другое время предупреждение, подобное этому, от такого человека как Уоррик заставило бы Ленуара отступить. На самом деле весь его подход к полицейской работе был сформирован под влиянием беспринципных и могущественных людей. Их безнаказанность отравила его и превратила в то циничное, прагматичное существо, которым он стал. Их испорченность толкнула его в объятия зеленоглазого. Но все это осталось в прошлом. Он был неуязвим. Мертвый человек не может быть подкуплен, ему нельзя причинить боль. Когда нечего выигрывать и нечего бояться, он единственный здесь не мог быть наказан.

— Меня не волнует шеф, — небрежно бросил Ленуар, — также я не впечатлен вашим бахвальством. Откровенно говоря, Ваша светлость, я разочарован. Я считал, что вы отличаетесь от тех персон, с которыми я обычно имею дело. Завуалирование угроз являются оружием манипуляторов и притворщиков. Я думал, что вы более прямой человек.

Уоррик помрачнел и перегнулся через стол:

— Вы великолепно разбираетесь в характерах, инспектор. У меня нет нужды в завуалированных угрозах, когда я на самом деле могу говорить прямо. Тем не менее, я ожидаю, что вы очень тщательно подберете ваши следующие слова.

Ленуар невольно тяжело сглотнул. Но, когда он заговорил, его голос бы тверд:

— Расскажите мне, что вы знаете, и я уверяю вас, что вам нечего опасаться со стороны Департамента Полиции.

Винсент, конечно, другое дело, но это не проблема Ленуара.

— Продолжайте скрывать правду, и я найду мальчика, в любом случае, и все те, кто связан с этим преступлением, будут строго наказаны. Я не сомневаюсь, что все закончится казнью.

Нет никаких сомнений.

Уоррик тихо рассмеялся, казалось бы, искренне забавляясь:

— Вы действительно думаете, что можете меня запугать законом?

Ленуар смотрел непреклонно:

— Нет, Ваша милость, я не думаю. — Он впился взглядом в глаза Уоррика, пытаясь донести важность своих слов.

Улыбка герцога поблекла, но не исчезала окончательно. Он посмотрел на Ленуара новым, оценивающим взглядом.

— Вы тяжелый человек, Ленуар. Должны быть вы очень хороши в вашей работе.

— Был раньше.

Герцог нахмурился, но не ответил на это замечание:

— В любом случае, я ничего не знаю о том, что вы спрашиваете. Если мальчик был похищен, то не по моему приказу.

— В таком случае вы не нанимали адали воскресить вашего сына?

— К сожалению, не так много адали есть в моем окружении, — ответил Уоррик сухо. — И я не верю в магию адали или чью-либо еще. Какой цивилизованный человек верит? Я сомневаюсь, что это имеет какое-либо отношение к моему сыну. Есть смысл сосредоточиться на сообществах, где подобные верования обычны. Поищите случаи смертей

среди местных детей адали. Бог знает какое ужасное количество они теряют каждый год.

Ленуар внимательно посмотрел на герцога. Если он лгал, то делал это мастерски. Что не доказывало ничего, конечно.

— Я не думаю, что необходимо верить в магию, чтобы попробовать что-то отчаянное. Когда мы в отчаянии, то цепляемся за соломинку.

— Звучит так, как-будто вы основываетесь на собственном опыте, инспектор, — взгляд Уоррика впился в него.

Ленуар не проглотил наживку. Пора было подводить беседу к главному.

— Я абсолютно уверен, что тот, кто похитил мальчика, пытался воскресить вашего ребенка.

Это была ложь, разумеется, и возможно Уоррик разглядел это, но все еще стоило попытаться.

— Как я вам сказал, мой источник заслуживает доверия. Пока у вас на руках нет крови чьего-либо еще сына, я думаю, вы скажете мне, что вы знаете.

Инспектор понял, что зашёл слишком далеко, произнося это. В глазах Уоррика, будто одержимого демоном, полыхнул гнев, а сам он так резко вскочил на ноги, что, казалось, сейчас перепрыгнет через стол, разделявший их с Ленуаром. Но тем не менее у графа хватило самообладания, чтобы остаться неподвижно стоять на месте, трясаясь от ярости. Ленуар хотел подняться, но мог лишь съёжиться в кресле под взглядом Уоррика.

— Убирайтесь, — голос Уоррика был хриплым и дрожал от гнева. Ленуар попытался что-то ответить, но герцог прервал его:

— Клянусь Господом, инспектор, не заставляйте меня повторять, иначе за меня это сделает мой клинок.

Но эти слова не испугали Ленуара. Напротив, его разум затопила холодная ярость, не на герцога, а на себя самого, собственную глупость. Инспектор блефовал, но теперь он больше ничего не добьётся от Уоррика. Этот просчёт может стоить Заку жизни.

Ленуар сбежал вниз по дорожке, яростно ругаясь. Он так ничего и не узнал, ничего, что помогло бы ему отыскать Зака. Какой бы информацией не владел Уоррик, теперь он ни за что ей не поделится. Герцог назвал его жёстким, негибким человеком, и произнесено это было с невольным уважением. Но Ленуар переоценил собственные возможности.

Инспектор взглянул на небо. Было всё ещё раннее утро. Теперь у него осталось время только до захода солнца, чтобы придумать, как спасти Зака и выжить самому.

Впервые за последние несколько дней Зак знал, где он находится. Это должно было успокаивать, но нет, более того, сейчас мальчик чувствовал себя ещё более незначительным и покинутым, чем раньше. Вероятно из-за того, что похитители решили спрятать его в самом жутком месте Кенниана.

Зак всегда недолго любил церкви. Когда он был маленьким, монашки часто заставляли его посещать часовню при приюте, и то и дело тащили его — образно — на воскресную службу в одну из двух церквей в бедном квартале.

Однако больше монахини его никуда не тащили. Они давно устали от его выходок и проделок. Заку удалось доставить столько неприятностей, что спасение его бессмертной души начали считать делом, не стоящим свеч, и мальчика это вполне устраивало.

Дело было не в том, что в церкви ему было скучно, хотя так оно и было, и не в странных ритуалах. Нет, Заку не нравилось то, что церковь заставляла его чувствовать.

Ему не надо было объяснять, что нехорошо красть, лгать, обманывать и делать всё то, что он делал каждый день. Бог постоянно наказывал его за это, оставляя голодать или быть кем-то избитым.

Проблема была в том, что Божья кара заставляла мальчишку снова и снова совершать эти преступления, за что Господь, в свою очередь, наказывал его ещё сильнее. Однажды Зак спросил священника, как ему разорвать этот порочный круг, и ему ответили: «Молись».

Интересно, может стоит помолиться сейчас? Раньше это никогда не срабатывало: Зак по-прежнему голодал и его по-прежнему избивали. Но может Бог его услышит, если он будет молиться в церкви? В конце концов церковь ведь является Домом Господним, правда, не известно, касается ли это заброшенных церквей.

Мальчик уставился на обсыпанную фреску, задаваясь вопросом, наблюдает ли за ним Бог глазами этих ангелов. Или не Бог — сами ангелы — решая, оценивая все его праведные и неправедные поступки, чтобы быть готовыми вынести свой вердикт, когда он...

«Нет», — твёрдо сказал себе Зак, прогоняя прочь эту мысль. «Это все лишь здание. И долго меня здесь держать не будут».

Ему было нетяжело убедить себя в этом, ведь мальчик был уверен, что не собирается умирать вот так.

Он всегда полагал, что если и умрёт, то от рук какого-нибудь известного преступника, за которым бы он гонялся несколько месяцев. Ведь именно так уходят лучшие инспекторы полиции. Они не отдают концы просто так в заброшенных церквях.

Похитители притащили его сюда прошлой ночью, связанного, в мешке, как котёнка, ждущего, когда же его утопят. Мальчишка удивился, когда с приходом рассвета увидел, где находился.

Зак никогда не бывал здесь раньше, но каждый житель Кенниана знал эту церковь. Мальчик много раз проходил мимо, а однажды даже попытался влезть внутрь, чтобы удовлетворить своё любопытство, но безрезультатно. Здание было огромным, тёмным и заброшенным, что было бы понятно, если бы церковь не находилась в пределах городских стен.

Было невероятно смелым со стороны похитителей притащить Зака снова в город, когда все ищейки его ищут. А может они решили, что стены слишком толстые, и никто не услышит

его криков. Естественно, мальчишка сразу же проверил свою теорию.

Зак понятия не имел, почему его опять перевезли, но надеялся, что это оттого, что Лемуар всё ближе. Конечно, такие перемещения не помогут; инспектор поймаёт его похитителей, куда бы они не направились.

Зак представлял, как Лемуар пинком ноги раскрывает старые деревянные двери церкви, в каждой руке держа по пистолету, а его фигура освещается лучами солнца в дверном проёме. Голуби испуганно слетают со стропил, пока Лемуар идёт вдоль сгнивших скамей, глаза его горят праведным огнём.

Похитители попытаются бежать, но Лемуар собьёт их с ног выстрелом из кремниевого пистолета. Снова и снова мальчик прокручивал эту картинку в голове, немного приукрашая с каждым разом. А может инспектор будет с саблей, а не с пистолетами?..

Нет, инспектор ведь ни какой-то сорвиголова, Зак знал это. К тому же, пистолет гораздо удобнее, можно выстрелить в человека с другого конца комнаты, а значит у похитителей не будет шанса сбежать.

Естественно, когда Лемуар придёт, похитители должны быть рядом. Но Зак не видел ни одного из них с самого рассвета. Он знал только, что ушли они все вместе.

Похитители явно планируют в скором времени для него что-то грандиозное. Возможно, с ним они сделают то же, что и с другим мальчиком, тем, что кричал не переставая. Только на этот раз у них получится то, что не получилось тогда. Хотя никто этого и не говорил, но Зак чувствовал, что если и сейчас всё пойдёт не так, то многие умрут, а возможно, и он вместе с ними.

Поэтому Заку надо выбраться отсюда до того, как всё случится. Лемуар, конечно, его ищет, но ведь это не значит, что надо просто сидеть и ждать? Если больше он ничего не может, то хотя бы придумает план побега, чтобы знать, что делать, когда инспектор начнёт стрелять.

Зак решил как-то отметить своё местонахождение, как прежде в погребке и на ферме. Отталкиваясь связанными ногами, он пополз из капеллы к центру церкви.

Здесь было ещё страшнее. Сквозь заколоченные досками окна пробивались редкие лучи солнца, отбрасывая призрачные тени в неф. Сквозь невидимые трещины завывал ветер, отдаваясь жутким эхом под сводчатым потолком.

Заку были неприятны взгляды каменных статуй из мрака, как и всё это место, и он поёжился от неприятного чувства, ничего общего не имевшего с холодом.

Интересно, а в церквях могут водиться привидения? Зак слышал, что эта церквушка построена над целой сетью катакомб, в стенах которых замурованы трупы. Так что в этой церкви привидения просто обязаны были быть.

Он пополз вперёд, пока не добрался до своего рода помоста, который вёл к кафедре, огороженной деревянными перилами. Наверно, с этого места священник и читал всем проповеди о всеобщей греховности.

Церковь давно уже не видела хороших дней, но, казалось, она всё ещё излучала правосудие, разгоняя мрак вокруг, этакий остров добродетели в море греха. Зак остановился под лестницей, чтобы отдохнуть. Он не думал, что так устанет. В конце концов, случалось и дольше обходиться без еды. С другой стороны, он не привык быть связанным и не спать сутками напролёт.

Внимание Зака привлёк блеск металла на полу около лестницы в нескольких футах от его ботинка. Мальчишка подполз ближе. В пол был вмурован металлический цилиндр

размером с его кулак, верхняя его часть выступала над плиткой сантиметров на пять.

Его край был неровным, будто срубленным в спешке. Раньше здесь что-то лежало — возможно, Золотой меч — но его уже давно украли. Кто бы это не сделал, он не позаботился об аккуратности. Но сколько бы времени не прошло, край среза всё ещё был острым.

Желудок Зака сделал небольшое сальто. Развернувшись, он повернулся спиной к металлическому кольцу, пытаясь нащупать его руками. Наконец он устроился почти над ним и начал распиливать верёвки, связывающие его запястья.

Это не заняло много времени, и когда верёвки наконец упали, Зак вздёрнул руки в ликующем жесте. И сразу за это поплатился: боль была такой острой и неожиданной, что он чуть не заплакал. Запястья ныли от долгого нахождения в связанном состоянии, а плечи покалывали и горели. Зак осторожно начал разрабатывать суставы, пока не смог плавно поворачивать руки. И тогда принялся за верёвки, связывающие лодыжки.

Это было сложнее. Он не мог никак найти удачное положение, а пальцы рук были слабыми и дрожащими. И всё же, наконец, он разрезал узел и освободил ноги.

Осторожно, помня о недавней проблеме с руками, он поднялся на ноги. Они дрожали, и мальчик был рад, что рядом находились перила, на которые можно опереться. Но ноги были связаны удачнее, чем руки, и через несколько секунд он уже без труда мог ровно стоять.

— Может, мне и не придётся ждать Лёнуара, — прошептал мальчик, впервые за долгое время слыша свой собственный голос. А как горд будет Лёнуар, если Зак сможет выбраться отсюда сам!

Он направился к массивной двери в нижней части церкви. Чем дальше он отходил от окна, тем темнее становилось вокруг, и вскоре он уже ничего не мог разглядеть. Он продвигался наощупь, пока не наткнулся на металлическое кольцо в двери, и дёрнул за него изо всех сил. Но дверь даже не шелохнулась.

Зак простукивал и ощупывал дверь, но не мог понять, где же сходятся две створки и как они раскрываются. Он снова дёрнул за кольцо, но безрезультатно. Дверь оставалась закрытой.

Должен быть другой выход. Он попытался вспомнить последний раз, когда был в церкви, но это ничего не дало. Церковь в их захолустьи была гораздо меньше и построена по-другому, да и не исследовал он её в своё время. Зак понятия не имел, где искать другую дверь. Но в таком огромном здании она точно должна быть, мальчик был в этом уверен. Ему только надо её найти.

Он пошёл вдоль стен заглядывая в каждую арку и выемку в стене. Их было много, но каждая вела в тупик, и вскоре Зак начал отчаиваться. Сколько же тайных закоулков может быть в одном месте богослужения? Зак не знал, чем отличается часовня от ризницы, библиотека от рабочего кабинета, но в этой церкви были все эти помещения, и все без выхода.

Зак начинал паниковать. Он чувствовал, как минуты проносятся одна за другой. Это было незнакомое и пугающее чувство. Мальчишка всегда воспринимал время, как огромную пустыню, раскинувшуюся перед ним; сейчас же время уходило, как песок сквозь пальцы. Он начал представлять, что его похитители вернуться раньше, чем он сможет воспользоваться преимуществом своей свободы. Ему надо найти выход отсюда, и найти его надо прямо сейчас.

Наконец, в нижней части южного крыла Зак нашёл дверь. Она терялась в окружающем мраке, но была приоткрыта, судя по потоку свежего воздуха с её стороны.

Зак навалился на неё плечом, и дверь слегка вздрогнула. Собрал все силы, мальчик снова бросился на дверь, да так, что выбило дух. С громким скрипом дверь открылась, и Зак ввалился в короткий коридор. В его дальнем конце был виден солнечный свет. Зак почувствовал прилив сил и бросился вперёд.

Он выбежал на скрытый во внутреннем дворе садик, полностью заросший сорняками. Столбы и своды были увиты лозой, а меж каменных плит, запачканных голубиным помётом, рос мох.

С неба сыпал мелкий дождик, оставляя капли воды блестеть на паутине, как алмазы. Зак никогда раньше не видел этот дворик и со всей безысходностью осознал, что он находится внутри церковных стен.

Стоп! Зак закрыл глаза, вспоминая как можно лучше фасад церкви. Он давно не был в этой части города, а ещё дольше не обращал внимание на заброшенное там здание.

Но он мог поклясться, что помнит вторую, маленькую дверь справа от главных ворот на западной стороне стены. И она должна быть как раз в конце аллеи, в которой он сейчас стоит. Глубоко вдохнув и молясь всем известным богам, Зак побежал вперёд.

Он увидел впереди дверь, и сердце заколотилось, как бешенное. Пока он не заметил, что вокруг старого, заржавевшего замка обмотана цепь, а дверь с таким же успехом могла быть сделана из цельного камня.

Из груди Зака вырвались рыдания, и он упал на колени. Он сидел там — сторбившийся, побеждённый — пока с последним криком отчаяния не бросился на эту дверь, до боли сбивая кулаки о холодное, неподдатливое дерево.

Он бил в дверь, пока боль не стала нестерпимой. Но это не усмирило его ярость, и схватив свисающий сверху плющ, он дёрнул изо всех сил. Упрямое растение не поддалось, как и всё в этой тюрьме из дерева и камня.

Зак остановился. И внимательнее посмотрел на лозу. Схватил ветви двумя руками и повис на них всей тяжестью тела. Самые тонкие веточки порвались, но большая часть выдержала. Зак вышел из-под плюща на морозящий дождь и посмотрел на увитую растительностью галерею. Наверху она была гладкой и всего на несколько футов не доходила до наружной стены.

Если он сможет залезть наверх, то с лёгкостью заберётся на стену. Снова взглянув на лозу, Зак повторил эксперимент с самой толстой плетью, обвивающей столб, поддерживающий крышу арки.

Как и раньше, она не поддавалась, несмотря на все усилия Зака. За бесчисленные годы камень стал ломким и разрушившимся, а лоза осталась крепкой. Зак попробовал последний раз, вцепившись как можно выше и повиснув на стебле без опоры. Удивительно, но она выдержала.

Зак снял ботинки, стараясь не наступить на колючки чертополоха, росшего вдоль аллеи. Связал шнурки вместе и засунул внутрь уже промокшие носки.

Затем забросил обувь на обвитую крышу галереи. Выбрав самую толстую плеть лозы, мальчик подпрыгнул и вцепился пальцами в растение. Аккуратно поднял левую ногу, пытаясь пальцами ног обхватить плющ. Подтянулся.

Часть стеблей под ногой порвалась, и нога Зака соскочила, но он не упал. Следующую опору он выбирал тщательнее, остановившись на более толстом стебле, поставив туда и правую ногу и растопырив пальцы, распределяя вес равномернее. Снова подтянулся.

Ещё пару раз ветки обрывались, но Заку удавалось не упасть. Сердце билось где-то в

районе шеи, но Зак медленно карабкался вверх. Он не дёргался резко и не паниковал, когда снова соскальзывала нога, потому что знал, что лоза выдержит.

Потребовалось много времени, чтобы добраться до самого верха столба. Руки Зака горели огнём, и он еле нашёл в себе силы, чтобы перелезть через край. Но ему удалось. Он был так счастлив, что упал на спину и засмеялся, не обращая внимания на холодный дождь, пока не промок до нитки. Тогда он снова надел ботинки и взобрался на стену, окружавшую церковь.

Теперь перед ним встала новая проблема: земля была далеко внизу, слишком далеко, чтобы можно было прыгнуть. Лоза не перекидывалась на внешнюю стену, а в самой стене Зак не видел никаких опор для ног, чтобы спуститься. К тому же, все соседние здания были слишком далеки, чтобы до них допрыгнуть. Мальчику нужна была помощь.

Зак устроился на стене, осматривая улицу в поисках живых людей. Долгое время он никого не видел, что было неудивительно для этой части города, да ещё и в такую отвратительную погоду. Но к счастью, в конце концов, на дороге появился молодой человек.

— Эй! — голос Зака прервался, ведь он долго не разговаривал.

— Эй, ты!

Юноша остановился:

— Чего тебе?

— Мне нужна лестница!

Парень бросил на него скептический взгляд:

— Похоже, что у меня с собой лестница?

И ушёл.

— Чёрт! — выругался Зак. Он начинал дрожать от холода, вода стекала по мокрым волосам. Мальчишка ждал. Наконец появился кто-то ещё. На этот раз это была женщина с тележкой, полной соломы. Зак поднял глаза к небу и поблагодарил бога.

— Эй, мисс!

Женщина его не услышала, поэтому он крикнул ещё раз, отчаянно размахивая руками над головой:

— Мисс!

Женщина подняла глаза. Остановилась:

— Что ты там делаешь, бестолковый ребёнок? Хочешь сломать шею?

Зак заговорил самым жалостливым голосом:

— Я застрял! Пожалуйста, мисс, можно я прыгну в вашу тележку?

— Чёрта с два! Да ты себе точно шею сломаешь! К тому же, я только что чистила конюшню, и моя тележка полностью завалена конским дерьмом.

— Пожалуйста! — отчаянно завопил Зак. — Я клянусь, всё будет в порядке! Я должен выбраться отсюда прямо сейчас!

Женщина заколебалась, и на мгновение Заку показалось, что она откажет. Но она пожала плечами и подкатила тележку как можно ближе к стене.

— Глупый мальчишка, — сказала она, — за последствия я не отвечаю.

Зак закусил губу. Теперь, глядя вниз, тележка не выглядела достаточно мягкой. Конечно, куча мокрой соломы лучше, чем камень, но ей далеко до гусиного пуха. Да и пахло от неё отвратительно. Но выбора не было. Если Зак останется на месте, тут его найдут похитители, и тогда он точно умрёт. Сглотнув, слыша, как колотится сердце, Зак свесился со стены и прыгнул.

Он приземлился в кучу соломы и первое время даже не мог пошевелиться от боли. Правая нога ударилась об край тележки, и, когда он попытался ей подвигать, боль отдавала в голень и бедро. Скорей всего была сломана. Но могло быть и хуже. Зак сел и ощупал голову, с радостью осознав, что всё, кроме ноги, цело.

Он спрыгнул с тележки, стараясь не опираться на повреждённую ногу.

— Спасибо, — пробормотал он.

— А как ты вообще туда забрался?

Женщина взглянула на Зака, прищурив невымытый глаз.

— Долгая история.

Женщина ухмыльнулась:

— Что ж, полагаю, ты получил, что заслужил, потому что теперь от тебя несёт конским дерьмом.

С этими словами она развернула тележку и оставила Зака одного под проливным дождём.

Он ещё недолго постоял, чтобы сориентироваться, в какой стороне полицейский участок. Доберётся он туда нескоро, особенно со сломанной ногой, но там он скорее найдёт Лемуара. Он поковылял вниз по улице, уставший и ослабевший, но настроенный оптимистично, поэтому шаг его был твёрд и быстр.

На улицах было тихо, даже в нескольких кварталах от церкви. Погода заставила всех сидеть по домам. Зак так никого и не встретил, пока не завернул за угол и не врезался в человека, идущего навстречу. Он упал на землю, вскрикнув от боли в подвернутой ноге. Шёл дождь, вода заливала Заку глаза, и он очень смутно разглядел высокого человека, наклонившегося, чтобы помочь мальчику подняться.

Тот поднял Зака на ноги, и мальчишка увидел перед собой мужчину адали с тяжёлым взглядом. Он никогда прежде не видел этого человека, но всё равно его знал. Из груди мальчика вырвался тонкий вскрик, ноги подкосились, и он упал обратно на землю, будто кто-то убрал все кости из его тела.

— Идём, мальчик, — произнёс мужчина знакомым голосом, от которого у Зака побежали мурашки. — Вернём тебя туда, где ты должен быть.

Ленуар поднял ворот и глубже закутался в плащ. Небо висело низко, прямо над крышами домов, выливая на землю непрерывные потоки воды. Редеющие волосы Ленуара облепили лицо, и он уже в который раз проклял себя, что не надел шляпу.

«Вот что бывает, если ведёшь себя как нецивилизованная скотина», — скептически подумал он. Ему нужно место, где он сможет согреться и обсохнуть, место, где он сможет спокойно подумать. Инспектор развернул лошадь к ближайшему пристанищу, которое смог придумать.

— Бог мой, Николая! — воскликнула Зера, когда он поднялся по ступеням.

— Выглядишь как утопленник.

Она повернулась к слуге:

— Неси бренди! И полотенца! Шевелись!

Ленуар стал перед камином. От его пальто моментально повалил пар. Зера подошла ближе, её брови сошлись вместе, когда она увидела лужу, стекающую с обуви Ленуара.

— Извини, — пробормотал Ленуар.

— Если хочешь, я перейду на ковёр.

— Конечно, не хочу. С такой погодой я его никогда не высушу.

Она взяла у инспектора пальто, встряхнула его и передала слуге.

— И как ты вообще, во имя всего святого, смог так вымокнуть? Где ты был?

Решив, что второй вопрос важнее, чем первый, он ответил:

— В замке Уоррика.

Зера посмотрела на него так удивлённо, будто у него выросли рога:

— В замке Уоррика! Зачем? Думала, ты опасаясь за свою жизнь, Николая! А как же разговоры о том мстительном призраке? В конце концов, как насчёт мальчишки, которого ты обещал найти?

Она говорила таким неодобрительным тоном, будто Ленуар прохлаждался вместо того, чтобы делать свою работу. Но как бы Зера его не ругала, она принесла стул, чтобы Ленуар мог сесть. Она была истинной хозяйкой, этого у неё было не отнять.

— Спасибо, — выдохнул Ленуар, с благодарностью опускаясь с кресло. Он заметил, что оно было не такое шикарное, как все остальные, но не мог винить в этом Зеру.

— Именно поиски мальчика привели меня к герцогу, — пояснил он, протягивая ноги к огню.

Зера подозрительно на него взглянула, опускаясь в другое кресло, стоящее у камина:

— Не вижу в этом смысла.

Ленуар ухмыльнулся:

— Герцог того же мнения.

Он замолчал, забирая у слуги бренди. Затем сделал длинный глоток, почувствовал, как напиток обжигает язык, и продолжил:

— Слишком много объяснять. Достаточно сказать, что, я полагаю, трагедия герцога сыграла во всём этом главную роль. Думаю, кто-то пытается помочь Уоррику заменить ушедшего сына.

У Зеры вырвался безрадостный смешок:

— Заменить сына? Не говори чепухи! Мы же говорим о ребёнке, а не о домашнем

питомце. Никто не может взять и заменить погибшего мальчика.

— Знаю, как это звучит.

Инспектор сделал ещё один глоток бренди.

— Скажи, Зера, ты когда-нибудь слышала о некромантии?

Она напряглась, кровь отхлынула от лица. На мгновение в её глазах промелькнула ярость, но женщина справилась с собой.

— А ты бы задал мне этот вопрос, не будь я адали? — Холодно спросила она.

— Скорей всего нет. Я не хочу тебя обидеть. Просто решил, что так быстрее всего объяснить мою теорию.

— Твоя теория включает в себя тёмную магию? — усмехнулась она. Ленуар никогда не видел её такой язвительной, но в конце концов, он никогда прежде не затрагивал тему её народа. Он никогда не думал, что она так тревожится из-за этого. Будто она решила, что её положение в обществе — не больше, чем хрупкая иллюзия, волшебство, которое может разрушиться в любой момент.

— Моя теория включает людей, которые верят в тёмную магию. И возможно даже тех, кто не верит. Я и сам плохо понимаю, во что верить. И ещё, я разговаривал с призраком из того мира.

Казалось, лицо Зеры ещё больше побледнело, а губы затряслись:

— Разговаривал с ним? Господи, Николя! Забудь про герцога, что с зеленоглазым мужчиной?

Ленуар не знал, с чего начать:

— Я понимал, что мне от него не сбежать, поэтому я решил заключить с ним сделку.

Она в ужасе уставилась на него:

— Ты сошёл с ума? Заключил сделку с демоном?

— Демоном? — задумчиво произнёс Ленуар.

— Возможно. А может, он ангел мести. Это ведь не так уж и важно. Как бы то ни было, моя жизнь закончена.

Инспектор сам удивился, как спокойно это произнёс.

— Я ничего не теряю, предлагая себя зеленоглазому. Поэтому я так и поступил. Я предложил ему помощь в поимке тех, кого он хочет покарать, в обмен на помощь в поисках Зака. И представь себе, он согласился.

Зара вскочила с кресла, глаза были полны ужаса. Она начала ходить перед камином. Ленуар был тронут её заботой. Немногих в этом мире заботило, жив инспектор или мёртв.

— Ты предложил ему помощь в поимке тех, кого он хочет покарать, — медленно повторила она взглянула на Ленуара осуждающе.

— То есть ты предложил ему помощь в охоте на таких, как ты.

Ленуар моргнул. С такой стороны он на это не смотрел. Хотя в любом случае, это не изменило бы его решения.

— Возможно, такие, как я, заслужили свою судьбу.

— Как вовремя ты вспомнил о фатализме, — огрызнулась женщина. — Он прекрасно оправдывает как действие, так и бездействие. И позволяет винить других, погрязая в жалости к себе.

Она снова принялась ходить.

— Почему ты не сбежишь, Николя? Почему не уехал из этого городка, как раньше из Серле?

— Нет такого места, где я могу спрятаться, и он меня не найдёт, — пожал Ленуар плечами.

— Зера, я принял свою судьбу. Я смирился с этим. Всё, что я хочу, это найти Зака прежде, чем закончится моё время.

Женщина плотно обхватила себя за плечи, будто пытаюсь укрыться:

— И дух тебе в этом поможет?

— Он уже привёл меня к двоим похитителям. Мальчика у них не было, но мы подобрались уже близко.

«Близко, но мы, как и раньше, с пустыми руками». Ленуар уставился на янтарную жидкость в стакане, пытаюсь побороть внезапный приступ безысходности. Он приехал сюда, чтобы обдумать следующий шаг, но пока так и не придумал, что делать, когда наступит ночь.

— Куда отправишься дальше? — спросила Зера, будто прочитав его мысли.

Инспектор уныло качнул головой:

— Не знаю. Когда стемнеет, дух вернётся, и я должен буду ему рассказать, как съездил к герцогу. И если призрак не будет удовлетворён и решит, что я ничего не добился, думаю, нашей сделке придёт конец.

Он взглянул на Зеру. Она стояла рядом с ним и смотрела, нахмурившись:

— Всё равно не понимаю, как со всем этим связан Уоррик.

— Если слухи о нем правдивы, то он убил в порыве гнева свою семью, а теперь об этом очень жалеет. Что если кто-то предложил ему способ вернуть сына?

— Это только слухи. И это всё, что у тебя есть?

— Это просто догадки, — признался он.

— Но я привык доверять своему чутью. Любой хороший инспектор так поступает. Иногда, чтобы соединить какие-то события, нужна вера.

— Вера?

Зера саркастически изогнула бровь.

— Это не похоже на тебя, Николая.

— А я и сам больше не прохож на себя прежнего, я изменился. И Коди тоже, поэтому он раньше других связал похищение трупов и детей. Он оказался гораздо смышлённее, чем я предполагал. И нашёл закономерность, хоть и не понимал, что эта закономерность может означать.

Ленуар с опозданием понял, что говорит о Коди в прошедшем времени.

«Как же быстро ты сдался, Ленуар».

— А ты теперь знаешь, что значит эта закономерность?

Ленуар сделал последний глоток бренди. Он едва успел проглотить, прежде чем слуга забрал его стакан. Не в первый раз инспектор заметил, как вышколены у Зеры слуги. Они всегда находились где-то рядом, незаметные, готовые подойти по первому малейшему жесту.

— Как я уже и сказал, я уверен, что тут замешана некромантия. Сперва похитители пытались воскресить умершего ребёнка. Но у них ничего не вышло, и теперь они решились на нечто другое. Если я прав, они пытаются перенести душу мёртвого мальчика в тело живого. Вот чего они пытались добиться с Заком и тем другим мальчиком, который сошёл с ума.

Зера упала в кресло. Она смотрела на Ленуара, но тот не мог понять, что выражает её взгляд.

— Ты вообще себя слышишь? Воскресить мёртвого?

— Я уже перестал переживать, каким диким это всё кажется. Все улики неопровержимы, к тому же, у меня просто нет запасной теории.

— И это улики? — фыркнула Зера.

«Она права», — признал Ленуар в глубине души. То, что у него есть, нельзя назвать уликами. Слухи, домыслы — да, но даже то, что он получил их из нескольких источников, не может гарантировать их достоверность.

Он не сомневался, что если б сейчас разговаривал с начальником, а не с Зерой, тот бы был настроен еще скептически. Но тем не менее, в себе Ленуар не сомневался. Возможно потому что его теорию подтвердил Винсент. Может это было и неправильно, но инспектор ни капли не сомневался в словах сверхъестественного существа.

— Я уверен в своей теории, — просто ответил он.

Зера прищурилась:

— Полагаю, ты прав насчёт некромантии. Но почему ты считаешь, что в этом замешан Уоррик? Его сын умер уже лет десять назад.

— Это самая непрочная часть моей теории. Но она совпадает с тем, что рассказал Винсент.

— Кто?

— Зеленоглазый мужчина.

Зера резко, удивлённо выдохнула:

— Ты уже на «ты» с демоном?

Ленуар криво ухмыльнулся:

— Думаю, да, но не могу сказать, что мы подружились. В любом случае, он многое рассказал о том, что я не понимал, о том, до чего я бы никогда не дошёл сам.

Зера тряхнула головой, рот оставался удивлённо приоткрыт. Она была явно выбита из привычной колеи:

— Прости, Николя, мне всё ещё трудно с этим свыкнуться. Кажется, каждый раз при нашей встрече ты рассказываешь ещё более невероятную историю, чем в предыдущий. И как именно эта... сущность... помогает тебе?

— Он связан с мёртвыми. Ты должна была слышать предания о нём — мне говорили, он занимает значительное место в мифологии адали. Он снабдил меня довольно полезной информацией. Самое главное — мальчик, которого хотят воскресить похитители, мёртв уже долгое время. Он был убит собственным отцом, очень состоятельным человеком. Видишь, всё совпадает.

Зера задумчиво на него посмотрела:

— Хорошо, допустим, герцог действительно захотел с помощью тёмной магии вернуть сына к жизни, но как бы он нашёл исполнителей? Вряд ли он пришёл бы в поселение адали и начал об этом спрашивать. Даже если б у него был слуга, которому можно было бы довериться в таком жутком деле, адали бы просто вышвырнули его, как только тот начал бы расспрашивать о магии.

— Особенно клан Азис.

Зера легонько хмыкнула, губы скривились в усмешке.

— Боже мой, Николя. Я впечатлена. Ты действительно многое разузнал, не так ли?

В других обстоятельствах такое неприкрытое удивление оскорбило бы Ленуара. Но сегодня ему некогда было обращать внимание на свою гордость.

— Возможно, Уоррик и не разыскивал похитителей. Возможно, они сами его нашли.

— И как бы они смогли это сделать? Сомневаюсь, что герцог просто откроет ворота любому проходящему мимо адали.

Теперь настала очередь Ленуара усмехаться:

— Ты права, такое мы спокойно можем исключить. Может они написали ему письмо?

— Это тоже странно. Ты правда думаешь, что герцог ответит на любое не подписанное неожиданное сообщение о воскрешении его мёртвого сына с помощью тёмной магии?

Она была права. Ленаур задумчиво постукивал по колену.

— Тогда встаёт вопрос, зачем кому-то так рисковать, помогая герцогу, — продолжила Зера. — В подобных случаях, полагаю, дело всегда в деньгах, но запрет на тёмную магию крепко сдерживает людей. Сложно представить, о какой сумме может идти речь, чтобы люди пошли на такое. Особенно сейчас, когда, как ты без сомнения знаешь, монетами расплачиваются только при торговле с южанами. И как только клан двинется обратно на север, ценность монет заметно уменьшится.

Ленуар никогда не слышал, чтобы Зера раньше относилась к народу адали. Может, тут и не стоило удивляться, в конце концов, она выросла среди них. Тогда их образ жизни был её образом жизни, хоть теперь это и сложно представить.

— Обстоятельства смерти звучат похоже, но опять же, полагаю, Уоррик не единственный человек знатного происхождения, убивший собственного сына. Вообще-то, это было излюбленным политическим приёмом менее века назад.

— Все доводы, что ты приводишь, абсолютно резонны, — сказал Ленуар.

— Но?

Ленуар пожал плечами:

— Но человек моей профессии всегда скептически относится к совпадениям. Предположим, другой состоятельный человек в Пяти Деревнях много лет назад убил своего сына, но кому было удобней, чем Уоррику, вознаградить тех, кто решился бы на такой риск? Ты сама сказала, что оплата должна быть необычной. Уоррик — самый могущественный человек в Пяти Деревнях. Ему есть, что предложить и помимо золота.

Из глубины разума Ленуара начала всплывать какая-то мысль, медленно показываясь на свет.

Зера нетерпеливо прищёлкнула языком:

— Да ладно. Ты ведь знаешь, что его политическое влияние не распространяется на адали.

— Да.

Ленуар слушал краем уха. Его взгляд помутнел, направленный куда-то внутрь себя. Новая идея мягко ударила о заледеневшую поверхность его разума, почти позволяя себя рассмотреть.

«Так близко! Что же я упускаю?»

— Уоррику абсолютно нечего предложить толпе полуголодных кочевников слишком испуганных, даже чтобы вернуть домой, — заключила Зера.

Бам! Лёд треснул. Идея вынырнула на поверхность.

— Ты не права, — сказал Ленуар, его взгляд снова стал осмысленным.

Женщина холодно на него взглянула:

— Серьёзно?

— Земля.

— Прошу прощения?

«Как же он раньше этого не увидел?»

— Герцогство занимает сотни тысяч акров. Клан Азис борется за выживание, потому что у них нет доступа к пастбищам для выпаса скота. Они потеряли своё влияние среди других кланов. Если бы у них во владении была часть этих земель, или если бы у них хотя бы было его разрешение на выпас там домашних животных, это бы всё для них изменило.

Зера решительно покачала головой:

— Нет. Нет, адали ведут кочевой образ жизни, Николя. Ты это знаешь. Они не владеют землями, они даже не остаются долго на одном месте.

— Но не клан Азис. Они всегда находятся в нескольких милях от Берривина. Потому что у них нет приемлимых путей для переселения. Весь их привычный образ жизни нарушен. Но если бы у них была своя земля — это бы всё решило.

Зера закатила глаза и откинулась в кресле:

— Серьёзно, Ленуар, тут ты перегнул палку. Да, то, что ты говоришь, возможно, как возможны и десятки других, более вероятных объяснений. Ты так отчаялся найти того мальчишку, что выдаёшь желаемое за действительное.

Ленуар был обескуражен. Сейчас это было столь очевидно, что он не мог понять, как же не осознал этого раньше. А Зера решительно настроена разрушить его теорию.

— Как ты можешь игнорировать эту связь? — недоверчиво спросил он.

Зера пренебрежительно взмахнула рукой:

— Потому что она придумана тобой, результат твоего воображения. То, что мы видим — простая куча звёзд либо созвездие — зависит от того, кто смотрит.

Ленуар замолчал и молча посмотрел на Зеру. А упоминал ли он раньше при ней эту фразу? Он слишком часто напивался в этом доме, но вряд ли такое говорил. Он постоянно высмеивал Коди, когда тот произносил эти слова. Насколько Ленуар помнил, он сам никогда не использовал эту поговорку.

Он был уверен, что Зера не встречалась с Коди. Он рассказал ей о сержанте только несколько дней назад, и тогда она не знала, кто он.

— Интересная аналогия, — осторожно заметил он.

Зера удивлённо на него взглянула:

— Ты про звёзды? Это довольно распространённая фраза. Ты её никогда не слышал?

И она мягко улыбнулась, вновь превратившись в элегантную хозяйку дома.

Эта смена выражения лица, такая естественная, но такая неподходящая для подобного момента, и выдала её.

Всего несколько минут назад Ленуар говорил о Коди в прошедшем времени. Зера не заострила на этом внимания. А она всегда это делает.

Будто в ответ на его мысли её улыбка стала печальной:

— Мне очень жаль, Николя. Мы неплохо ладили.

Сзади на затылок Ленуара обрушился сильный удар. Боль разлилась по всей голове, и инспектор упал с кресла. Он оглянулся и увидел слугу, стоящего над ним с кочергой. Тот снова замахнулся, Ленуар откатился в сторону, и тяжёлое железо ударило о паркет как раз там, где только что была его голова.

Ленуар ударил слугу по лодыжке и сделал подсечку. Слуга свалился на пол. Ленуар выхватил у него кочергу, одновременно ударяя того коленом в пах. Ударил кочергой по лицу, и слуга перестал двигаться.

Зера попятилась к окну. Её глаза сверкали с вызовом, и она резко взмахнула рукой.

Ленуар понял, что неправильно истолковал этот жест ранее. Она не отрицала его аргументы, она звала на подмогу.

«Глупый дурак», — проклял себя в душе Ленуар.

Он оглядел комнату, пытаясь заметить какое-нибудь движение. Кому бы Зера не послала сигналы, они прячутся рядом. Инспектор держал кочергу наготове, а его ум пытался лихорадочно высчитать расстояние до лестницы.

— Ты их убила? — выкрикнул он, сам удивившись собственной злости.

— Кого? Твоих ищек? — Зера усмехнулась. — А тебе какое дело? Я думала, ты их презираешь.

— Хардин не заслуживал смерти. И Коди не заслуживал смерти.

— Не заслуживал? — горько рассмеялась Зера.

— Не ожидала улышать от тебя такие наивные речи, Николая.

Скрип половиц за спиной предупредил Ленуара от том, что кто-то там есть, и он резко повернулся, размахнувшись кочергой. Оружие врезалось в лицо второго слуги, раздробив тому скулу, и кремовая бархатная обивка соседнего кресла оказалась залита кровью. Мужчина упал на пол.

— Прошу прощения за кресло, — произнёс Ленуар. В ответ Зера издала гневный вопль и швырнула в Ленуара бокал. Тот отклонился в сторону, и тонкий хрусталь разлетелся за ним на тысячу мельчайших осколков.

Над головой и на лестнице загремели шаги. Ленуар понятия не имел, сколько человек могло находиться в этом доме; он даже не был уверен, сколько в нём этажей. Ему надо выбраться отсюда. Бросив на Зеру быстрый взгляд и удостоверившись, что она всё ещё остаётся на месте, он развернулся и бросился к лестнице.

По дороге к выходу он встретил только одного слугу, направлявшегося от лестницы к нему. Ленуар схватился обеими руками за перила, подпрыгнул и ударил ботинками мужчине в лицо. Тот потерял равновесие и скатился вниз по мраморной лестнице. Когда инспектор спустился вниз, слуга всё ещё шевелился, но уже явно не представлял никакой угрозы.

Ленуар обогнул тело и выскочил через дверь на главную улицу. Он с такой энергией заскочил на лошадь, будто ему до сих пор было двадцать лет. Затем он бросил последний взгляд на место, которое столько лет было для него приютом и убежищем, и поскакал прочь под дождём.

Ленуар не собирался ехать в больницу. Он просто направил свою лошадь вперёд, не осознавая куда. Ему нужно было увидеть хоть одно знакомое лицо, а Брэн Коди был единственным человеком в Пяти Деревнях, с которым Ленуар проводил практически всё своё время в последние несколько лет.

Звучит жалостливо, но тем не менее, это было правдой. Поэтому инспектор направился в больницу Миндейл, единственную клинику Кенниана, которой Департамент Полиции доверял лечение своих сотрудников.

Если Коди ещё жив, он будет там. Не стоило, конечно, надеяться, что он уже пришёл в себя, но для Ленуара это не проблема. Он всегда считал компанию Коди гораздо приятнее, когда тот молчал.

Ленуара отвели в тесную маленькую палату в конце длинного коридора, пропахшего запахами больницы. Инспектор увидел врача, проверявшего пульс Коди, склонившись над его кроватью. Ленуар ожидал в коридоре.

— Он жив, — произнёс врач, выйдя из палаты.

Ленуар ждал продолжения, но его не последовало.

— И как он? Поправится?

Врач пожал плечами:

— Мы можем только гадать. С ранением в животе мы справились, но вот травма головы — совсем другое дело. Он либо очнётся, либо нет.

И сказав это, он пошёл дальше, его шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Ленуар неуверенно вошёл в палату. В узком пространстве между стеной и кроватью, на которой лежал сержант, стоял единственный стул, и инспектор пристроился на краю, неловко сложив руки на коленях. Когда он взглянул на истощенное тело Коди, внутри зашевелилось что-то, похожее на вину.

Черты лица сержанта заострились, резко выделяясь на бледном, худом лице, а под глазами залегли тени. Всё это в сочетании с белой кожей придавало ему жуткий вид человека, находящегося на грани жизни и смерти. И как полагал Ленуар, именно так всё и было.

Коди был слишком высок и не вмещался на кровати, его ноги свисали, и если бы он был в сознании, ему бы точно не было удобно. Ленуар поднялся со стула и подставил его под свисающие стопы сержанта. Лишившись единственного стула, инспектор прислонился к стене.

«Каким же ты стал сентиментальным, Ленуар. Ещё неделю назад ты бы даже не пришёл проведать этого человека. А сейчас заботишься о его кровообращении».

Инспектор не был полностью уверен, зачем он сюда пришёл. Наверно, чтобы провести время до наступления темноты. Это было лучше, чем оставаться одному. Коди тоже был один: его родители больше не жили в Кенниане, а все приятели-легавые прочёсывали сейчас улицы в поисках нападавшего.

Ленуар мог бы указать им правильное направление, но Зера бы точно успела сбежать до их приезда. К тому же, он не мог рисковать и позволить толпе некомпетентных легавых затоптать место происшествия. Они только уничтожат все улики, которые там могли остаться. Лучше он дожждётся Винсента, который был гораздо полезнее в этом деле, чем

любое подкрепление, которое мог прислать Департамент Полиции.

Ему не придётся долго ждать. День был на исходе. Он становился всё короче, и темнота спускалась на землю моментально, как ястреб, пикирующий на добычу. Лемуар должен дожидаться ночи и прихода Винсента. У него, конечно, ничего не вышло с герцогом, но с остальным появился ощутимый прогресс, и надо было рассказать о нём Винсенту.

Он должен быть взволнован, что нашёл такие важные улики. Это было само провидение, спасательный круг в бушующем море, брошенный в руки тонущего человека. Но Лемуар не чувствовал себя счастливым. Теперь он чувствовал себя ещё более одиноким, чем раньше.

— И почему меня это заботит, Коди? — произнёс он вслух.

— Кем она была для меня, а я — для неё?

Мужчина на кровати не пошевелился.

— Я мало ей доверял, а она мне ещё меньше. Я был просто ещё одним клиентом в её заведении.

Они были родственными душами, если даже не друзьями, изучающими человеческую натуру и понимающими мир вокруг с необычайной ясностью.

Они видели все скрытые механизмы и рычаги, которыми можно руководить обществом. И что гораздо важнее, они понимали друг друга, два человека, связанные редкой связью, не привыкшие, что их сможет кто-то понять.

Но друзья или нет, Зера знала Лемуара лучше, чем кто-либо ещё в Пяти Деревнях. И то что она оказалась замешана в единственном преступлении, к которому не остался равнодушен инспектор за последние лет десять, было горькой насмешкой судьбы.

«Каким же я стал слепцом. Таким же, как любой бродяга из трущоб, неспособный логически мыслить и делать необходимые выводы. Вместо этого я полностью игнорировал факты, пока меня в них не ткнул носом сам подозреваемый».

Лемуар презрительно покачал головой.

«Конечно, у такого человека, как Уоррик, не может быть связей с сообществом адали.

Даже если это была его личная идея, как бы он смог найти того, кто признается, что практикует кхекра? Графу нужен был посредник, кто-то, связанный с тем миром».

Привлекательное лицо Коди даже сейчас выглядело непреклонно. Брови очерчивали верхнее веко, а уголки губ опустились книзу, придавая Коди не одобряющий вид.

— Да, — тихо произнёс Лемуар. — Я слепец. Каким бы ни был сценарий — они пришли к графу или он к ним — невозможно ничего проверить без доверенного лица. Того, с кем граф уже был знаком, того, кто имел высокое положение в кеннанском обществе. Кто же ещё это мог быть?

Зера была единственной, кто принадлежал к обоим мирам. В этом она была поистине уникальна. Если бы инспектор не был таким глупцом, он бы давно это понял.

По сути, чем больше он об том думал, тем больше он склонялся к выводу, что за всем стоит Зера. Леди долго занималась бизнесом, зная, чего люди хотят. Лемуар часто восхищался её почти сверхъестественной способностью узнавать о тайных желаниях своих клиентов и удовлетворять их.

Она знала, как свести нужных людей, как управлять ими, составляя их вместе, будто они были детской мозаикой. Зера знала, как сделать так, чтобы влиятельные люди оказались у неё в долгу. Влиятельные люди, как граф Уоррик.

— Конечно, она захотела, чтобы граф был у неё в кармане. Она — адали, пытавшаяся

выбиться в большой мир. Такая уязвимая. Одна сплетня — и все её старания рухнут. А герцог мог навсегда избавить её от такого неопределённого положения.

Ленуар достаточно неплохо знал беспощадный мир «приличного общества» и понимал, что всё делается не просто так. Это было единственным способом выживания.

Всё было так очевидно, но Ленуар не видел ничего, пока его, образно говоря, не ударили по голове доказательствами. Годы безразличия и бездействия притупили его чутьё. Он уже заплатил за все свои грехи, просто долг ещё не был собран. И Ленуар смирился с этим. Но он не мог принять то, что Заку придётся заплатить ту же цену.

Ленуар склонился над кроватью:

— Ты меня слышишь?

Если и так, Коди не подал знака. Даже глазные яблоки не двигались под веками. Наверно, это было к лучшему. Если бы Коди узнал, насколько некомпетентен его начальник, он мог бы решить, что это инспектор виноват в его состоянии. И был бы прав.

Тени растекались по паркетным доскам, как вода в трюме идущего ко дну корабля. Коридор погружался во тьму, поскольку лучи заходящего солнца приглушали ставни на окнах. Ленуар молча смотрел на Коди, и только равномерные движения его грудной клетки при дыхании указывали на то, что время не остановилось.

Ленуар мог бы поклясться, что почувствовал появление Винсента — прикосновение тьмы заставило подняться дыбом волоски на его руках.

За спиной прозвучал голос, ровный и холодный, как булыжник мостовой:

— Ты нашёл похитителей трупов?

Ленуар не обернулся:

— Нет. Но я нашел кое-что другое.

— Мне другое не нужно.

Ленуар тяжело вздохнул:

— Я знаю, что тебе нужно, и мы очень близки к этому. Сейчас, с наступлением темноты, мне понадобится твоя помощь.

Дух обогнул кровать и стал напротив Ленуара. Его ярко-зелёные глаза нетерпеливо мерцали в наступающей тьме:

— Говори.

Ленуар взял пальто и поднялся на ноги:

— Мы можем обсудить это по пути.

* * *

От уличных фонарей на брусчатке главной улицы оставались треугольные пятна света. Винсент всегда их обходил, из-за прихоти или из-за необходимости, Ленуар не знал. Они стояли перед фасадом из песчаника, принадлежавшего дому Зеры. Окна были тёмными.

— Скорей всего, она покинула это место сразу вслед за мной.

Ленуар смирился с этим с того самого момента, как убегал отсюда, но осознание этого заставляло внутренности сжиматься от ужаса. Потерять Зеру означало потерять Зака.

— Внутри есть люди, — сказал Винсент.

Ленуар медленно выдохнул, чувствуя облегчение:

— Откуда ты знаешь?

— Я чую их кровь.

Ленуар вздрогнул.

— У тебя много талантов, Винсент, — мрачно произнёс он, поднимаясь по лестнице. Двери оказались закрыты, но это не было проблемой. Винсент просто исчез, а спустя мгновение замок открылся и дверь распахнулась. Лёнуар ступил в темноту.

Вестибюль выглядел маленьким и узким, из тени проступали знакомые очертания. Не было слышно ни звука. Лёнуар осознал, что кто бы сейчас не находился в доме, он определённо ждал инспектора и предполагал, что тот венётся с подмогой.

— Следует ожидать сопротивления, — произнёс он, доставая из-под пальто пистолеты.

Дух перевёл свой жуткий взгляд на Лёнуара, и хотя его лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций, весь его вид непонятным образом излучал презрение. Винсента не волновало сопротивление.

Осторожно ступая, Лёнуар двинулся на второй этаж. Ступени скрипнули под его весом; он остановился, но всё было тихо. Инспектор пошёл дальше. Перед ним раскинулся второй этаж, освещённый лишь бледным светом уличных фонарей, падающим сквозь толстое стекло.

Шикарная мебель Зеры выглядела простыми сгустками мрака. Лёнуар всмотрелся в темноту, поводя пистолетами из стороны в сторону. Он сделал шаг вперёд, и под ногой хрустнуло стекло — остатки бокала, которым кинула в него Зера. Она не позаботилась всё убрать.

Она явно ушла уже давно. Кто бы не остался в доме, он остался здесь для того, чтобы разобраться с легавыми, которые обязательно появятся. Так даже лучше, по крайней мере, у Лёнуара будет, кого допросить.

— Ты можешь видеть в темноте? — прошептал Лёнуар.

— Конечно.

— Здесь кто-нибудь есть?

Винсент прошёл в комнату, он ступал по ковру совершенно бесшумно, а жуткий взгляд методично осматривал тёмные очертания предметов. Лёнуар не мог сдержать дрожи, наблюдая, как крадётсЯ Винсент.

Это было похоже на кошмар, в котором Лёнуар прятался за диваном, трясясь от страха, наблюдая со стороны, как за ним самим охотится дух. Ощущение преследования было таким реальным, что когда Винсент обернулся и встретился с Лёнуаром взглядом, инспектор почти потерял сознание.

— На ковре есть кровь, — тихо произнес Винсент, — но она давно засохла. Здесь никого нет.

— На этом этаже три комнаты, — прошептал Лёнуар в ответ.

Дух снова исчез. Лёнуар двинулся прочь от лестницы, двигаясь спиной к стене и направляя пистолеты то вперёд, то назад. Оружие дрожало, выдавая неуверенность и дрожь в руках. Надо было выпить стаканчик вина прежде, чем сюда идти. Лёнуар облизнул губы, выжидая.

Винсент появился вновь, вместо ответа дёрнув головой. Инспектор направил дуло пистолетов в сторону лестницы и кивнул призраку. Тот понял без слов и двинулся первым.

Лёнуар шёл в нескольких шагах позади, держа под прицелом лестницу на первый этаж. Его разум уверял, что Винсент тщательно проверил комнаты, но невозможно было перебороть инстинкт и оставить спину без прикрытия.

В тишине прозвучал выстрел ружья. Лёнуар не ожидал, потерял равновесие, и ему пришлось уронить один из пистолетов, чтобы схватиться за перила и удержаться на ногах.

Винсента отбросило к стене силой выстрела. На мгновение всё стихло. Затем дух выровнялся и продолжил подниматься по лестнице, двигаясь с такой же плавной грацией, как и прежде. Дойдя до верхних ступеней, он повернул налево и скрылся из вида.

Прозвучал ещё один выстрел из ружья, сразу за ним — шипящий выстрел из кремниевого пистолета. Перила разлетелись в щепки, со стены свалилась картина. Ленуар сгорбился, прикрывшись руками, большим пальцем взводя курок, хоть дуло и указывало бесцельно в потолок.

Наступила пауза, тишина. Ленуар поднял голову, но ничего не видел сквозь дым, который клубился и колыхался наверху лестницы, медленно и неспешно, как опиумное облако, придавая месту странную ауру спокойствия.

А потом кто-то закричал — придушенный, полный ужаса крик — и воздух загудел от звука разматываемого бича. Пол содрогнулся под тяжестью; скорей всего, решил инспектор, это упало тело.

Шаги как минимум одного человека застучали вверх по лестнице. Затем снова послышались крики, проклятия, и снова дикий вой ужаса. Ленуар сидел на лестнице и не мог пошевелиться, не желая стать свидетелем того кошмара, что происходил всего в нескольких футах от него. Казалось, его собственные шрамы зудят и болят, а на лбу выступил холодный пот. Он слышал, как прямо над ним кого-то снова и снова били кнутом, и его ботинки скребли по полу.

Винсент легко с ними расправится, убьёт одного за другим, руководствуясь не гневом или жаждой крови, а какой-то сверхъестественной силой, дарованной свыше, каким-то голосом, слышимым только ему. Он не остановится, пока в доме не останется никого живого, кроме Ленуара.

«Он их всех убьёт, и я никогда не найду Зака».

Внезапно инспектор понял это со всей ясностью, будто ржавые петли хорошо смазали маслом. Ноги больше не дрожали. Голова поднялась. Ленуар вдохнул, сначала медленно, неуверенно, пока не пришёл в себя полностью. И направился к лестнице.

Он больше не боялся выстрелов. Люди Зеры потратили первые выстрелы на Винсента, а перезаряжать оружие у них не было времени. Пистолет Ленуара был единственным рабочим, по крайней мере, на этом этаже. Он направил его в сторону того, что осталось от перил, и оглядел комнату.

В дальнем конце над телом стоял Винсент, раскручивая кольца своего кнута. Он коротко взглянул на инспектора, но казался не раненым. В него определённо попали не раз — его одежда превратилась в лохмотья, через прорехи в одежде просвечивала белая кожа, как Млечный Путь в безлунную ночь.

Если у него и были какие-то раны, он их уже явно залечил. Ленуар вспомнил, как быстро тело Винсента регенерировало в тот день на улице, когда солнечный свет прожёт его плоть до кости.

Ленуар снова как наяву услышал крики подручных Зеры, крики непередаваемого ужаса, когда они поняли, что пули не причиняют Винсенту никакого вреда. Интересно, а у духа есть кровь? Отбросив эту мысль, Ленуар окинул взглядом остальную часть комнаты.

Ещё одно тело откинулось на спинку кресла возле окна, рядом с обеими руками валялось по пистолету. Было слишком темно, но Ленуар решил, что его застрелили скорей всего кто-то из своих. Третий мужчина лежал рядом с Винсентом, наполовину скрытый за диваном. Рядом с ним лежало ружьё.

Это был стрелок, первый открывший огонь. По тому, где сейчас находился Винсент, инспектор предположил, что пуля попала ему в плечо, но дух, казалось, не почувствовал боли. Конечно, он и сейчас её не чувствовал, ни боль телесную, ни духовную, окидывая место происшествия своим жутким взглядом, наматывая на запястье проклятый бич.

— Осталось ещё пятеро, — произнёс Винсент.

— Они побежали наверх.

— Нужно оставить в живых хотя бы одного из них, — строго произнес Ленуар. — Как думаешь, ты сможешь себя контролировать?

В глазах духа промелькнуло что-то похожее на раздражение, и Ленуар сник.

— Я не могу сдерживать карающую руку в отношении тех, кто осквернял трупы. Но я могу отложить наказание на время. И ты это знаешь, иначе не стоял бы тут.

Только огромным усилием воли Ленуар заставил себя не показать страх от упоминания его неизбежной кары.

— Хорошо, — произнёс он как можно спокойнее, — потому что нам нужно оставить кого-то в живых и спросить его о тех, кто стоит во главе.

Сейчас он решил не упоминать Зака, вместо этого акцентируя внимание на том, что надо Винсенту. Инспектор надеялся, что этого хватит, чтобы уговорить Винсента проявить определённую сдержанность.

Ленуар поднял кремниевый пистолет, который уронил до этого, и они направились на третий этаж, Винсент по-прежнему шёл впереди. Теперь Ленуар ожидал выстрелов, поэтому, как только они прозвучали, присел на корточки. За это время один человек бросился по лестнице на четвёртый этаж.

«Трус», — подумал Ленуар, даже осознавая, что и сам поступил бы так же. И куда он денется? Единственный выход был в противоположной стороне. Или нет?

Инспектору пришло в голову, что мужчина сможет сбежать на крышу, а оттуда на соседнее здание. Дома в городе были построены довольно близко друг к другу, и даже Ленуар смог бы перепрыгнуть с одного на другой, при условии, что они были на одном уровне. От этой мысли инспектор запаниковал, ведь Винсент мог решить, что именно этого человека Ленуар попросил оставить в живых для допроса. И если этот выживший уйдёт, они снова окажутся в своём расследовании там, откуда начали.

Николя дождался, пока не смолкли последние выстрелы, и бросился вперёд. Дым застилал глаза, но инспектор услышал звук вытягиваемого из ножен меча. Он увидел движение в дымке, и кто-то бросился на него. Ленуар, не задумываясь, нажал на спусковой крючок.

Пистолет выстрелил, испустив облачко дыма, и мужчина захрипел, уронив меч и хватаясь за грудь. Он по инерции продолжал двигаться на Ленуара, хотя колени его уже не держали. Ленуар отбросил умирающего в сторону, и тот закувыркался вниз по лестнице.

Чертыхаясь, Ленуар направил дуло пистолетов в потолок. Последнее, что ему сейчас было надо, это собственноручно убить цель. Винсенту даже не придётся ничего делать.

Но если он здесь останется, ему останется только защищаться, а инспектор не настолько хорошо владел огнестрельным оружием, чтобы быть уверенным, что просто несмертельно ранит противника. Лучше пойти вслед за трусом, решил Ленуар. Он перепрыгнул через перила и двинулся вверх, оставляя Винсента разбираться со всем этим хаосом внизу.

Инспектор остановился на лестничной площадке, глядя в темноту. Здесь лестница заканчивалась, это был верхний этаж. Только сейчас Ленуар прижался спиной к

стене, осознав, что возможно он движется в очередную ловушку, или кто-то может за ним красться.

Он ничего не слышал из-за криков на третьем этаже и мало что видел из-за дыма, всё ещё висящего в воздухе над лестницей. Винсент был занят внизу. Здесь Ленуару придётся справиться самому.

«Ты всё равно почти мёртв», — твёрдо сказал себе Ленуар. «Это ради Зака».

Вооружённый пистолетами, он остановился на пороге комнаты.

Это была спальня, скорей всего, Зеры. Это была единственная комната на этаже, у неё были наклонные стены из-за скошенной крыши. Это было отлично. Тому трусу будет сложнее сбежать, особенно если и прилегающее здание с такой же крутой крышей.

Ленуар глянул в сторону двух окон, которые разделяли противоположную стену на три части. Через тёмные занавески нельзя было ничего разглядеть, поэтому нельзя было сказать, открыто окно или закрыто. В комнате не было прохладно, но это ничего не значило: окно могли открыть всего пару секунд назад.

На неподвижность штор также нельзя было положиться: флисовая ткань явно была тяжёлой. Логичней было предположить, что этот трус пока не убежал на крышу и всё ещё находится в комнате.

У дальней стены темнел камин. Между окнами стоял туалетный столик, напротив него — массивная кровать. Лучшим местом, чтобы спрятаться, было место за кроватью. Ленуар поднял пистолеты на уровень груди спрятавшегося человека и произнёс:

— Я не причиню тебе вреда.

Почти незаметное движение и предательский щелчок сообщили ему, что сейчас раздастся выстрел, и инспектор упал на пол. Сверху на него полетели щепки и пыль. Инстинктивно он выстрелил в ответ, но, к счастью, не попал. Противник снова спрятался за кроватью.

— Это глупо, друг мой, — крикнул Ленуар. — У тебя остался максимум один выстрел, и то, если у тебя двустволка, как и у меня. А я имею ещё два патрона. Даже если ты и убьёшь меня, здесь есть союзник, которого невозможно ранить. Но и сам это уже знаешь.

Ленуар ждал. Со стороны кровати не доносилось ни звука.

— Ты слышишь? На этаже под нами довольно тихо. Это может означать лишь одно: твои друзья мертвы. Ты единственный оставшийся в живых. Я бы с удовольствием и дальше не убивал тебя, но я не могу приказывать тому существу, с которым пришёл.

С противоположной стороны комнаты послышался сдавленный вскрик. Ленуар очень хорошо понимал его ужас. И он почти сочувствовал этому мужчине. Но постарался не подпускать в голос сожаление:

— Он скоро будет тут. Если он увидит, что ты со мной сотрудничаешь, он может остановить свою карающую руку. Иначе...

Слова повисли в воздухе, гнетущие и опасные.

— Держи его подальше от меня, — просьба, произнесенная шепотом, была едва слышна в другом конце комнаты.

— Я сделаю все, что смогу, — это была правда. Ленуар не мог обещать большего, и все же, его слова казались ложью. — Брось оружие на пол и пни в сторону окна так, чтобы я смог его видеть.

На мгновение повисла тишина. Затем на пол упало что-то тяжёлое, и из-за ножки кровати выехал кремниевый пистолет. Он остановился возле дальнего окна, медленно

крутясь вокруг своей оси. И он был одностольным. Лемуар был уверен, что видел у противника только один пистолет. И поблагодарил Бога за то, что был прав.

— А теперь встань и подними руки так, чтобы я мог их видеть.

Мужчина встал. Руки он вытянул в стороны, прямые, как доски, и Лемуар заметил, как они дрожали. На мужчине был поясной ремень для меча, но ножны были пусты. Лемуар кивком указал на них:

— Где твой клинок?

— Я... Я не знаю, — заикаясь произнёс мужчина.

— Не помню.

Может Лемуар и не поверил бы ему, но в этот момент на брюках у него растеклось тёмное пятно. Бедняга обмочился со страху.

— Кто ты? — спросил инспектор, решив начать с простого. Мужчина был молод, лет двадцати пяти, с длинными светлыми волосами и худыми руками. Лемуар уже где-то его встречал.

— Ты работаешь на Зеру.

Взгляд мужчины метнулся к пистолету, будто он уже пожалел о своей капитуляции. Лемуар сомневался, что он бросится за оружием, но всё же решил не опускать пока свои пистолеты.

— Да, — наконец ответил человек.

— Где она сейчас? Она с Лосом?

Глаза мужчины почти неуловимо расширились, прежде чем он отвёл взгляд и уставился на свои ботинки в жалкой попытке ничего не выдать.

— Скажи мне, где они? — потребовал Лемуар. Мужчина продолжал буравить взглядом носки своих ботинок. Лемуар тяжело вздохнул. — Мы уже прошли это, мой друг. В твоих же интересах отвечать на мои вопросы.

Все та же тишина в ответ.

— Моя очередь, — произнес знакомый голос и Винсент вышел из тени.

Мужчина закричал и прыгнул за пистолетом. Лемуар бросился к выходу на лестницу. Прозвучал выстрел. На мгновение всё стихло. А затем Лемуар услышал звук, который никогда не приходилось слышать прежде. Это был звук чистого отчаяния, от которого кровь стынет в жилах.

Лемуар выпрямился. Мужчина стоял на коленях, полностью смирившись с судьбой, и над ним навис Винсент.

— Не убивай его!

Дух обернулся, и Лемуару пришлось закусить губу, чтобы сдержать крик. Прямо над правым глазом у Винсента зияла дыра размером с вишню. Она уже начала затягиваться и через несколько секунд исчезла совсем.

— Я не глупец, смертный, — презрительно произнёс дух даже не заметив, казалось, этой раны. — Если бы я хотел его убить, он бы уже был мёртв.

Винсент снова повернулся к мужчине, который начал тихонько всхлипывать.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Если честно, я собирался подвесить его с балкона за лодыжки.

Вообще-то, Лемуар проделывал такое лишь однажды, и это принесло больше проблем, чем пользы. Но звучало неплохо.

— Но поскольку ты здесь, думаю, стоит поступить не так.

Он пересёк комнату и опустился перед мужчиной на колени. Схватил его за светлорусые волосы и запрокинул голову так, чтобы тот смотрел прямо инспектору в глаза.

— Хочу тебе кое-что показать.

Отпустив волосы, Лемуар закатал рукав и обнажил жуткий шрам на предплечье. Он ударил мужчину по щеке, чтобы тот снова посмотрел на инспектора.

— Видишь это? А знаешь, что это?

Мужчина отчаянно замотал головой.

— Нет? Ты когда-нибудь видел трупы, друг мой? Это мёртвая плоть. Некротическая ткань, как называют её врачи. Трупная ткань. И знаешь, откуда она у меня?

Лицо мужчины сморщилось, слёзы, сопли и слюна текли по лицу, будто кто-то выжимал мокрую тряпку.

— Она у меня от того существа, что стоит за моей спиной, духа мщения. Ты видел, что он сделал с твоими друзьями.

— Держи его подальше от меня, — снова попросил мужчина, глаза закрылись, будто он молился.

— Скажи мне, где они.

— Они сказали нам, не связываться с ней. Они предупреждали, что подобное случится!

— Кто?

— Остальные. Мне и моему кузену нужны были деньги. Но остальные, кого она хотела нанять, сказали нет. Они сказали, это дурно пахнет.

— Тебе следовало их послушать, — серьёзно ответил Лемуар. — А теперь расскажи мне то, что я хочу знать.

— Пощади меня! Пощади, и я все тебе расскажу!

Было бы так легко солгать. Лемуар делал это сотни и тысячи раз и при более спокойных обстоятельствах. А сейчас даже сам Господь не мог бы винить инспектора за ложь. Но Лемуар не мог этого сделать. Вместо этого он глянул на Винсента и сказал:

— Рука.

Лемуар отодвинулся назад, когда Винсент принялся разматывать свою плеть у пояса. Мужчина вскочил на ноги и попытался сбежать. Инспектор даже не попытался его остановить. Удар бича настиг мужчину на пути из комнаты, и тот издал такой вопль, что Лемуару пришлось закрыть глаза.

Лемуар досчитал до пяти. Может, получилось немного дольше, потому что он не мог сконцентрироваться из-за крика. Нервы были натянуты до предела, и инспектор боролся с почти непреодолимым желанием сбежать. Инстинкты сминали с его силу воли, будто бушующая река, угрожающая прорвать плотину, но Лемуар не дрогнул.

— Остановись.

Он заставил себя открыть глаза. К счастью, Винсент моментально подчинился, отточенным движением разматывая плеть с руки мужчины. Тот лежал на полу, поскуливая и дрожа всем телом. Его рука почернела. Кровь сочилась из тёмных и удивительно широких колотых ран. Мужчина закатил глаза, и на мгновение Лемуар испугался, что тот потеряет сознание. Вместо этого мужчина внезапно дёрнулся, и его вырвало.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — произнёс инспектор, но в его голосе не было ни капли сочувствия.

— Странное ощущение, правда? Тело не понимает, как с этим справиться, мозг — тем более. Шипы похожи на зубы ядовитой змеи, с той лишь разницей, что вместо впрыскивания

яда в твои вены, они высасывают твои жизненные силы. По крайней мере, мне так казалось; кто знает, что на самом деле делает это проклятое оружие? Думаю, лучше бы оно затянулось на шею. Тогда можно умереть раньше, чем увидишь, как разлагается собственная плоть, раньше, чем увидишь, как запекается твоя кровь. Лично я не хотел бы смаковать свою смерть. Когда она придёт, я бы хотел, чтобы она быстро атаковала меня, а не подкрадывалась, как жалкий воришка.

Произнося это, Ленуар не спускал глаз с Винсента, но тот, как и всегда, не высказал никаких эмоций.

Он переключил свое внимание на молодого человека, валяющегося у его ног:

— Что насчет тебя, мой друг? Как ты хочешь умереть?

Мужчина посмотрел на Ленуара с ужасом в глазах:

— Я хочу умереть в почтенном возрасте в собственной постели.

— Увы, это вряд ли. Но в конце концов, ты сможешь умереть с чистой душой.

Инспектор замолчал, почувствовав взгляд Винсента.

— С чистой душой, — эхом отозвался дух, его голос был холодным и пронизывающим, как зимний ветер. Казалось, его сверхъестественные глаза на мгновение вспыхнули.

— Скажи мне, где Лос, — повторил Ленуар, на этот раз более мягко.

Она всегда мог сказать, когда человек уже сломлен. Иногда это угадывалось по позе — сгорбленная спина, поникшие плечи. Иногда по голосу, в котором звучало смирение и отчаяние. Но чаще всего это выдавали глаза, и этот раз не стал исключением. Мужчина уныло смотрел на инспектора, вызов исчез из его взгляда. Всё, что осталось — это бледное лицо, в котором Ленуар ясно видел собственное отражение.

— Он в соборе, — сказал мужчина. — В заброшенном соборе на окраине города.

От навалившегося облегчения у инспектора закружилась голова:

— А мальчик? Он всё ещё там?

— Пока да, но завтра его уже не будет, так или иначе.

Ленуар нахмурился:

— Что значит «так или иначе»?

— Леди Зера сказала, что это произойдет сегодня ночью. Если все пройдет успешно, он больше никогда не будет собой, если нет...

Он не закончил, но этого и не требовалось. Ленуар уже направился к лестнице.

— Ты знаешь, где находится собор? — крикнул Винсент ему в спину.

— Да.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал с ним?

Ленуар остановился на ступенях:

— А у тебя есть выбор, Винсент?

Он произнёс это таким глухим голосом, что сам еле разобрал сказанное. Но точно знал, что дух его услышал.

— Нет.

— Тогда не спрашивай меня.

Ленуар поспешил вниз по ступенькам навстречу ночи, не дожидаясь Винсента. Он знал, что в этом нет нужды.

Дождь закончился. Сильный, порывистый ветер разогнал тучи в стороны, и теперь ярко светила луна среди рассеянных звёзд. Вдоль улицы стояли лужи воды, сверкая жидким серебром в свете луны. Собор, казалось, поднимался из воды, как огромный, мрачный, уродливый кракен.

Теперь это здание казалось Ленуару жутко зловещим. Раньше он его практически не замечал. Это было не очень большое здание, построенное во времена, когда больше ценился прагматизм, чем эстетика. Этим и объяснялось то, что здание уже боле века стояло забытое и брошенное, как в зимней спячке.

Инспектору показалось странным, что Лос выбрал это место в качестве убежища. Сложно было представить место более приметное для преступной деятельности и менее подходящее для проведения колдовских обрядов. Ленуар мало знал о религии адали, но почти все они считались верующими, проповедуя что-то вроде поклонения, в котором сочетались традиции их предков с хиррадической религией южных соседей.

Удивительно, что Лос с сообщниками решились навлечь на себя гнев божий, проводя языческие обряды прямо в его обители. Хотя адали и так уже рисковал многим. Возможно, занятие таким проклятым делом уже не многое меняло.

Ленуар тревожно оглядел мрачное здание, задаваясь вопросом, сколько же противников там прячется. Сможет ли он проникнуть внутрь, не привлекая внимания похитителей? Скрытность никогда не была его сильной стороной.

— У тебя есть план?

Голос за спиной заставил Ленуара подпрыгнуть. Чертыхаясь под нос, он повернулся к духу:

— Главная задача — спасти мальчика. Мы не знаем, что они могли с ним сделать, поэтому не убьём никого из похитителей, пока не удостоверимся, что Зак в порядке, как физически, так и психически.

— Это цель, а не план.

Ленуар нахмурился, хотя знал, что дух был прав:

— Было бы прекрасно обнаружить мальчишку до того, как нас заметят.

Винсент внимательно изучил собор:

— Он в склепе под землей.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел его.

Ленуар открыл было рот, чтобы потребовать объяснений, но решил, что он не хочет этого знать. Вместо этого он спросил:

— Он в порядке? Где похитители?

— Он жив. Похитители рядом с ним.

— Сколько их?

— Пять, не считая мальчишки.

Ленуар едва сдерживал свое нетерпение, наконец-то он смог найти Зака. Ему осталось лишь вытащить мальчишку из лап похитителей, и дело будет сделано.

— Учитывая то, что все похитители находятся в одном месте, мы можем спокойно войти через переднюю дверь.

Винсент исчез, и Ленуар направился к дверям. Несколько томительных минут ничего не происходило. Удары и скрежет звучали из-за двери, как сквозь значительное расстояние.

Двери явно были огромны и в высоту, и в ширину, и Винсент с трудом пытался её открыть. Наконец раздался громкий, глухой скрип, и одна створка двери отворилась внутрь. В темноте заблестели зелёные глаза.

— Неф пуст, — сказал Винсент. — Я не чувствую никого поблизости. Они все в склепе.

Ленуар вздрогнул. Возможно, место было не таким уж и неподходящим. На протяжении веков немыслимое число жителей Кенниана было погребено в сети катакомб под собором. В этом был некий особый мрачный смысл: Лос намеревался окружить себя мёртвыми, пока будет призывать одного из них.

— Вход в основании башни, — произнес Винсент. — Через ризницу.

Видя удивленное выражение лица Ленуара, он добавил:

— Я уже не раз был здесь.

— Что ж, тогда веди.

Следовать за духом оказалось не так просто, ведь кругом было темным-темно. Ленуар скорее чувствовал, чем видел, необъятное помещение вокруг себя, тянущееся во всех направлениях. Он только изредка замечал мерцание глаз Винсента, и только это выдавало его расположение, потому что одежда у духа была такая же чёрная, как и ночь вокруг них.

Ленуар старался держаться посередине прохода, пальцами пытаясь нащупать возможные препятствия. Последнее, что ему сейчас было нужно, это удариться коленом о какую-нибудь скамейку.

— Сюда, — тихо позвал Винсент, и Ленуар неуклюже повернулся направо. Дверь в ризницу была отперта, и он прошел внутрь, где на удивление оказалось еще темнее.

— Лестница здесь. Над нами башня, а под нами склеп.

Следуя за голосом Винсента, Ленуар заметил приоткрытую дверь. Он пнул её ногой. Откуда-то снизу пробивался свет, подсвечивающий ступени, ведущие вниз. Справа от Ленуара была ещё одна винтообразная лестница, ведущая вверх на башню.

Ленуар направился вниз, ступая как можно тише. Он чувствовал, что Винсент спускается за ним следом. Холодный, влажный воздух проникал сюда из недр собора, холодя кожу, как мокрая тряпка. В воздухе чувствовался слабый запах металла и керосина.

Лестница плавно изгибалась, спускаясь, и наконец Ленуар и Винсент оказались в хорошо освещённом помещении с грубой и старинной кладкой. Толстые каменные стены были разделены несколькими арками на два нефа, в каждом из которых было по сводчатому святилищу.

Когда-то в этих святилищах были своего рода украшения — фрески Дюрана, как полагал Ленуар, или Полководцы Божией рати — но с тех пор краска стёрлась, и остались лишь неопрятные обрывки. Нижняя часть стены была выстроена из ничем не примечательного серого камня, но арки выложены аккуратным красным кирпичом.

Это была постройка Касситерийского⁴ собора, решил Ленуар. Он мало знал об архитектуре, но склеп явно принадлежал к раннему классическому периоду.

«Скорей всего, он даже младше Винсента», — подумал Ленуар и не смог сдержать легкомысленного смешка.

Лестница закончилась выходом в длинный холл.

— Куда он ведёт? — прошептал Ленуар.

— Он ведёт к мёртвым, — ответил Винсент. — И он ведёт к живым.

В туннеле пахло керосином от факелов, висящих на стенах через неравные промежутки. От дыма у Ленуара зачесались глаза, когда он пытался рассмотреть, где тут можно спрятаться. Как оказалось негде. Если бы кто-то из похитителей появился, инспектор бы сразу увидел злоумышленников. Здесь даже было недостаточно теней для того, чтобы Винсент мог между ними переходить. Как и Ленуару, духу приходилось идти пешком.

Ленуар моргнул. Он резко обернулся, глядя на Винсента; тот бесстрастно глянул в ответ.

«Так вот в чём дело», — подумал Ленуар. Свет факелов не причинял Винсенту никакого вреда. Значит, его врагом было только солнце.

В полусотне шагов от них появились несколько ниш, утопленных в стену, и, когда инспектор приблизился, рассмотрел, что они были полностью забиты черепами. Ряд за рядом, сложенные ровными линиями, они полностью заполняли выемку в стене. Посмотрев дальше по коридору, Ленуар заметил ещё несколько таких ниш.

Он вспомнил о катакомбах под его любимым Серле, где черепа и бедренные кости миллионов арёнейцев составляли огромный некрополь под шумными улицами города. Как и раньше, в Серле, Ленуар вновь задался вопросом: кто эти люди, как они сюда попали? Быть там захороненным — это честь или наказание? И где же их остальные части тел?

Винсент остановился у первой ниши, его взгляд блуждал по черепам, иногда останавливаясь на каком-то из них, будто они были более значимыми. Он прошептал что-то на незнакомом Ленуару языке. Неужели за этими костями дух видел людей? Знал ли он их имена, знал ли, как они жили?

Недавно дух произнёс: «Я видел его». Теперь Ленуар понял. Винсент видел Зака и похитителей, когда они проходили здесь. Он видел их глазами этих черепов. Почувствовав внезапный озноб, инспектор поплотнее закутался в плащ и зашагал дальше.

Казалось, коридор никогда не закончится. Свет факелов мигал и дрожал, зловеще подчеркивая абсолютную, мёртвую тишину. Черепа наблюдали из ниш за движениями Ленуара, пустые глазницы, казалось, следили за ним, когда он походил мимо. Инспектор чувствовал присутствие Винсента за спиной. Со всех сторон навалилось ощущение, что за ним наблюдают. Коридор казался тесным и битком набитым. Ленуара прошиб пот, несмотря на холод вокруг.

Два факела впереди говорили, что коридор закончился. Они были замурованы в стену по обе стороны запертой двери. Ленуар взглянул на Винсента через плечо:

— Что мы найдём по ту сторону двери?

— Такую же комнату, как та, из которой мы пришли, только побольше.

— Там есть черепа?

Ленуар постепенно привыкал к преимуществам сверхъестественных способностей Винсента.

Дух покачал головой:

— Когда-то были, но сейчас нет. У меня нет глаз в той комнате.

Ленуар осторожно приблизился к двери, прислонился ухом, стараясь что-нибудь услышать. Но слышно было лишь, как потрескивают факелы у него над головой.

— А за этой комнатой есть другая? — прошептал он.

— Да, но я мало знаю об этих помещениях. Эти катакомбы для многого использовались.

Ленуар задумался:

— А ты можешь оказаться по ту сторону двери?

Винсент вновь покачал головой:

— Здесь недостаточно темно для этого.

— Ну, — вздохнул Ленуар, — тогда готовь оружие, Винсент.

Инспектор достал пистолеты, взвёл курки и схватился за холодную металлическую ручку на двери. Закрыв глаза и беззвучно прошептал молитву, он распахнул дверь.

Винсент пронёсся мимо, стремительный и бесшумный, как тень ястреба. Чертыхаясь, Ленуар бросился за ним с вскинутыми на изготовку пистолетами, бегло осматривая комнату. Ему хватило доли секунды, чтобы разобраться в ситуации. В дальнем углу он увидел группу людей, головы были повернуты к нему, а глаза широко раскрыты. Казалось, будто весь воздух ушёл из комнаты с одним общим вдохом. А затем они все начали кричать.

Хлыст Винсента уже нашёл чьё-то горло. Сила удара выдернула мужчину из толпы, крик почти прекратился от удушья плетью.

Остальные кинулись врассыпную. Ленуар замешкался, стараясь выделить в этой толкотне Зака. Похитители разбегались из помещения, как тараканы на свет, ныряли в арки, стараясь скрыться в тоннеле. А вот мальчика Ленуар нигде не видел.

Но он мельком заметил знакомое лицо, красивые, но свирепые глаза, выглядывающие из-под капюшона. Зера. Он наставил на неё пистолет, но она лишь презрительно усмехнулась и вышла из комнаты. Не раздумывая, Ленуар бросился за ней.

Свет из комнаты не мог осветить весь тоннель, и вскоре инспектору пришлось идти в темноте. Он яростно заморгал, стараясь поскорее приспособиться к мраку и не пропустить удаляющиеся шаги Зеры.

Она была на противоположном конце комнаты, и у неё было несколько секунд форы. А если она хорошо знает путь через тоннели, то преимущество на её стороне. Ленуар старался об этом не думать, пробираясь вслепую вперёд.

«Что же ты тут делаешь, Зера?»

И всё же, Ленуар не был удивлён, хоть в этом и было немного смысла. Какая-то его часть даже восхищалась этой женщиной.

«Какая упрямая. И какая глупая. Лучше бы ты покинула город».

«Но ведь ты не могла не появиться здесь, не так ли? Не могла лично не насладиться своим триумфом».

Ленуар видел этот взгляд раньше, в салоне, взгляд, горящий вызовом, взгляд женщины, которую не запугать, невзирая ни на какую опасность.

«Ты не боишься меня. Даже сейчас ты считаешь, что победила. Ты не успокоишься. Но и я тоже».

Стена появилась из темноты впереди внезапно, и Ленуар чуть в неё не врезался. Тоннель закончился тупиком. Наверно, он пробежал нужное ответвление.

Проклиная всё, он развернулся и бросился назад. Инспектор прошёл недалеко, когда его щеки коснулось дуновение холодного воздуха. Ленуар протянул руку и ухватился пальцами за край арки. В тишине до него донёсся слабый звук капающей воды. Инспектор нырнул в арку и пошёл дальше.

Через несколько минут начали вырисовываться очертания тоннеля. Ленуар попал в комнату, соединяющую два коридора. Свет факелов из дальнего коридора осветил несколько рядов чего-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось винными бочками. Их было по меньшей мере две дюжины, стоявших бок к боку, как стая зверей, притаившихся в темноте.

Ленуар двинулся через комнату. Внезапно он заметил движение слева от него, и повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как кто-то целится в него из арбалета. Инспектор пригнулся, стрела пролетела над ним и врезалась в каменную кладку в дальнем конце помещения.

Он услышал, как противник перезаряжает оружие, и притаился за бочками, но было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. На корточках Ленуар переполз за соседний ряд бочек, подальше от освещённого коридора. Он старался держаться как можно дальше от падающего света, что давало ему очевидное преимущество. Любое движение его противника будет подсвечено из коридора, а сам Ленуар останется в тени.

Он медленно втянул воздух, стараясь выровнять дыхание. Ему показалось, что это прозвучало слишком громко и непременно выдаст его местонахождение.

«Поделом тебе!» — с горечью подумал он. Инспектор позволил себе потерять форму, и теперь даже короткая пробежка заставляла гореть его лёгкие.

Он попробовал услышать малейшее движение соперника сквозь собственное шумное дыхание. Если тот человек его атакует, всё будет кончено. Выстрел из арбалета с близкого расстояния смертелен, в отличие от кремниевых ружей, и не предупреждает щелчком о предстоящем выстреле.

Ленуар достаточно знал о своём противнике, что быть уверенным, что это не Зера. Каждая секунда, проведённая в этой комнате, отдаляет его от неё. Он не мог видеть, как она выскользает из его рук, пока он сидит и ждёт следующего шага нападавшего. Засунув руку в карман, инспектор достал часы. Они были дорогие, последнее воспоминание о Серле. Он грустно провёл по ним большим пальцем, чувствуя знакомую гравировку. А потом, вскинув пистолеты на изготовку, бросил часы.

Они с грохотом приземлились у двери. Слева от Ленуара метнулась тень. Инспектор выстрелил. Тень зашаталась, опрокинувшись на бочки. Под прикрытием шума Ленуар перезарядил пистолет. Мужчина лежал ничком, вцепившись в упавший арбалет, когда из-за бочек вынырнул Ленуар и выстрелил в него второй раз.

Мужчина дёрнулся и затих. Ленуар бросил использованный пистолет в карман пальто и вынул второй. Осталось всего два патрона. Надо использовать их с умом. Бросив печальный взгляд на расколотые вдребезги часы, Ленуар прошёл через дверь у дальней стены комнаты в освещённый коридор.

Справа от него тоннель продолжался на несколько шагов и внезапно обрывался, как неоконченная мысль. А слева коридор исчезал в чаде от керосиновых факелов. Ленуар решил, что он идёт практически параллельно тому, из которого вышел сам и, возможно, ведёт в огромную комнату с множеством арочных проходов. Инспектор сорвался на бег, чувствуя себя увереннее, когда видел, куда направляется.

Он угадал правильно: тоннель закончился комнатой, где Ленуар впервые наткнулся на похитителей. Сейчас она была пуста, за исключением трупа человека, убитого Винсентом. Ленуар остановился. Он мог бы бесцельно обыскивать эти коридоры, но это займёт много времени, и к тому же, будет опасно.

Да и он сомневался, что человек, забравший Зака, будет здесь оставаться, особенно, когда рядом рыскает Винсент. Было бы логичнее сбежать из церкви со всеми остальными. Решив так, Ленуар направился обратно по коридору с черепами. Мёртвые наблюдали за ним, не выдавая своих секретов, по крайней мере, ему.

Когда инспектор приблизился к лестнице, ведущей в ризницу, он замаялся, подумывая,

не взять ли ему факел. Церковь была огромной мрачной пещерой со множеством тёмных закоулков, где можно было спрятаться. Ленуар не хотел совершить ошибку, блуждая вслепую. Но факел будет выдавать его расположение, как маяк, и он станет лёгкой мишенью для пистолета или лука.

Вдруг инспектор услышал тихий звук, который точно пропустил бы, если бы продолжал идти. Он был похож на топот ботинок и шёл откуда-то сверху.

Ленуар поднялся по лестнице так быстро, как только смог. Свет факелов мерк, пока не исчез совсем. Инспектор остановился наверху лестницы и прислушался. Шорох доносился сверху такой тихий, что Ленуару начало казаться, что он его выдумал.

Башня.

Ленуар притаился у основания винтовой лестницы. Он глубоко вдохнул, стараясь выровнять дыхание, и почувствовал в воздухе знакомый запах. Этот запах всколыхнул воспоминания, и несколько секунд Ленуар не мог вспомнить, откуда он его знает. Сирень? Или нет... Жасмин! И всё встало на свои места: от Зеры всегда еле уловимо пахло жасмином.

Ленуар взвёл курок и начал подниматься по лестнице.

Внезапно от стен отразился жуткий вопль, заставивший сердце Ленуара пуститься вскачь. Он прокатился вниз по узкой лестнице, как поток ледяной воды, окатив инспектора ужасом с ног до головы. Крик был диким и нечленораздельным, выдававшим страх сходящего с ума. Ленуар знал этот голос: как сейчас слышал его смех, его постоянные вопросы или рассказы о небылицах. Голос был тонким и высоким. Голос ребёнка.

Ленуар бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Крики продолжались, жутко усиливаясь в узком пролёте и отдаваясь звоном в ушах инспектора, пока тот не понял, что скоро сойдёт с ума. Он вновь начал карабкаться вверх по лестнице, обеими руками цепляясь за каменные стены, сбивая и сцарапывая пальцы до крови.

Только так можно было удержать равновесие, так как ступени были узкими и крутыми, а камень кладки истёрся до гладкого. Ленуар был благодарен темноте вокруг, которая спасала его от головокружения. Один неверный шаг — и он полетит вниз по ступеням и наверняка сломает себе шею.

Крик оборвался так же внезапно, как и начался. Ленуар не думал, что может быть что-то хуже этого крика, но тишина оказалась ещё более зловещей. Он постарался ускориться, но ноги горели огнём, а дыхание превратилось в прерывистый хрип. Лестница была бесконечна, поднимаясь вверх, она исчезала во мраке.

Инспектор никогда не обращал внимание на эту башню снаружи, но сейчас припоминал, что её было видно на расстоянии пары миль. Он понятия не имел, насколько высоко он забрался и сколько ступеней осталось пройти.

«Не имеет значения. Я должен идти вперёд».

Сверху донёлся звон разбитого стекла. Ленуар не обратил на это внимания и поднажал, надеясь, что это был знак, что Зак всё ещё сражается. Постепенно вновь появлялся сильный запах керосина, пока он поднимался на верх. Ленуар с опаской притормозил и пошёл тихо ступая.

Вдруг сверху вспыхнул ярко-рыжий свет. Ленуар отскочил назад. Вся лестница пылала, покрытая ковром чистого пламени, который с рёвом устремлялся вниз по ступеням. У инспектора загорелся ботинок. Пламя жадно глодало его, но мужчина смог с трудом сбить огонь.

Ленуар зло выругался, заслоняя глаза от жгучего дыма. Он смог увернуться и не поджариться, но придётся подождать, пока керосин выгорит сам по себе. Пламя было невысоким, но горячим, а инспектор не хотел рисковать и наступить на керосин, особенно теперь, оставшись в одном ботинке. Да, придётся быть осторожнее.

Он достал из кармана пальто пустой пистолет и засунул его в кобуру к заряженному товарищу. Распластавшись по стене и вытянув шею, инспектор постарался заглянуть как можно дальше. Оказалось, что огонь затронул не много ступеней. Придётся рискнуть. Сделав глубокий, успокаивающий вдох, он бросил пальто на горящую лестницу.

Пальто растянулось на три ступени, но этого было недостаточно, за ним всё ещё бушевал пожар. Ничего не поделаешь. Ленуар стиснул зубы и бросился сквозь языки пламени.

Эти несколько секунд показались вечностью. Левая стопа моментально загорелась от горячего, и мужчина не смог сдержать крик. Он перепрыгнул через последнюю горящую ступеньку и содрал пропитанный керосином носок, а вместе с ним и толстый лоскут своей обгоревшей кожи.

Инспектор закусил губу, чтобы снова не закричать и позволил себе на несколько секунд прислониться к лестнице. Его голова раскалывалась от боли. Ленуар оторвал рукав от рубашки, присел и обмотал стопу тканью. Конечно, он не сможет полностью на неё

опираться, но, по крайней мере, он способен передвигаться.

«Ты можешь меня задержать, но не можешь остановить, Зера. Я иду за мальчиком».

Нога жутко болела, но он почувствовал облегчение, будто вместе с кожей выгорело что-то ещё. Инспектор прошёл сквозь пламя и явился вновь — не очищенный, не освобождённый, но целостный, и его кровь кипела торжеством.

Ленуар осторожно поднялся на ноги. В свете факелов он заметил, что лестница заканчивается уже совсем скоро, и заставил себя пройти оставшийся пролёт.

Сквозь приоткрытую дверь светила ночь. Ленуар чувствовал запах дождя. Он остановился на пороге, доставая пистолет. Не было слышно ни звука.

— Все кончено, Зера, — крикнул Ленуар. Она и так знала, что он был там.

— Ты прав, Николая, — раздался её голос в темноте. — И все же ты продолжаешь преследовать меня, хотя уже должен был догадаться, что в конце концов ты умрешь. Почему ты вообще так заботишься об этом мальчишке?

— И сам не знаю, — ответил Ленуар, вглядываясь в приоткрытую дверь. Уже начинало светать, но света было недостаточно, чтобы что-то толком рассмотреть. Голос Зеры исходил откуда-то сверху, возможно, из маленькой колокольни на башне, но точно сказать инспектор не мог. Надо было разговорить её.

— Из всех мальчишек Пяти Деревень, — произнесла Зера, — мои идиоты компаньоны выбрали твоего любимца. И даже если и так... Кто он для тебя? Ещё одна дрессированная обезьянка. Но вот ты здесь, готов отдать за него свою жизнь. Не похоже на тебя, Николая. Ты всегда был прагматиком.

— Зак! — крикнул Ленуар. — Ты в порядке?

— Он не слышит тебя, — холодно отозвалась Зера. — Он успешно преодолел границу этого мира.

Крики Зака снова зазвучали у Ленуара в голове. Он толкнул дверь и бросился вперёд. Это было опрометчивым поступком, и инспектор за это поплатился. Кто-то сбил его с ног, выбив весь воздух из лёгких, и прижал своим весом к полу. Во время падения пистолет Ленуара случайно выстрелил. Противник скрутил инспектору запястье, стараясь вывернуть оружие, и перевернул его. Ленуар увидел прямо перед собой налитые кровью глаза, принадлежавшие самому громадному адали, которого он когда-либо встречал. Руки нападавшего сомкнулись на горле инспектора.

— Поторопись, Лос, — крикнула Зера. — Уже почти рассвело.

Ленуар поразился, насколько холодно звучал её голос. Ранее, в салоне, она по крайней мере казалась полной сожалений, что они должны сражаться друг против друга. А сейчас, ослеплённая своей целью, она не заботилась о нём, будто он был абсолютным незнакомцем.

«Как мало, в сущности, мы знаем друг о друге», — подумал Ленуар. Даже его, чьей профессией было чтение людских лиц и душ, полностью одурачили.

Сконцентрируйся, глупец!

Его мысли уже начали путаться из-за нехватки кислорода, но Ленуар изо всех сил старался остаться в сознании. Он глянул на мальчишку — он был его якорем, не дающим соскользнуть в пучину беспомощности. Инспектор нащупал в поясной кобуре еще один пистолет. В нём уже не было патронов, но Ленуар сомневался, что смог бы сейчас метко выстрелить, даже если бы они там были. У него на уме было нечто другое.

Лос не понял, что задумал Ленуар, пока не стало слишком поздно. Адали убрал руки от горла инспектора, чтобы схватить его за руку, что дало инспектору возможность глотнуть

драгоценный воздух, а затем крепко ударить Лоса по голове рукоятью пистолета. Адали зашатался, и Лемуар выполз из под него, кашляя и пытаясь отдышаться.

Он лихорадочно потянулся за вторым пистолетом. Лос тоже кинулся за ним. Лемуар схватил мужчину за отворот брюк, и они повалились на пол. Адали без сомнений был сильнее, но инспектор всё ещё держал в руке пустой пистолет. Ему удалось ещё раз сильно ударить противника по лицу рукояткой, а тем временем его пальцы коснулись второго, заряженного пистолета.

Он уже собирался его схватить, как Зера отбросила пистолет в сторону. Лемуар от расстройства зарычал и, схватив женщину за лодыжку, дёрнул вниз. Лос крепко приложил Лемуара кулаком в висок, и у инспектора потемнело в глазах. Ещё один такой удар — и он уже не боец. В отчаянии он постарался пнуть адали коленом в пах, и не промахнулся.

Сбросив с себя Лоса, инспектор на четвереньках устремился за заряженным пистолетом. Он добрался до него как раз вовремя, развернувшись и выстрелив, когда Лос снова бросился на него. Пуля попала адали в шею. Лос умер ещё до того, как тело коснулось пола, упав прямо перед Лемуаром бесформенной кучей. Лемуар несколько мгновений лежал на полу, стараясь выровнять дыхание.

Когда брызги крови адали попали на его одежду, инспектор осознал, что натворил. Лос был колдуном. Что бы он не сотворил с Заком, теперь не получится это изменить. Всё, что знал Лемуар, это то, что Лос был единственным, кто смог бы вернуть мальчика к изначальному состоянию.

Но нельзя было сейчас на этом заикливаться. Были дела и поважнее. Лемуар отбросил в сторону труп адали и неловко поднялся, шатаясь из-за раненой ноги. Зеры рядом не было; наверняка, она где-то на противоположной стороне колокольни.

Он обогнул деревянный каркас и замер, чуть опустив дуло пистолета.

— Ты не посмеешь, — с ужасом прошептал он.

Глаза Зеры сверкали безумием.

— Да неужели?

Зак лежал на краю парапета без сознания, ветер мягко трепал его волосы. Мальчик находился всего в нескольких дюймах от края. Зера сжала в кулаке воротник его рубашки; малейшее движение — и она спихнёт Зака с парапета. А высота здесь больше двухсот футов.

Лемуар поднял пистолет.

— Отпусти его.

— Не думаю, что ты действительно этого хочешь, — Зера плавно развернулась, её голос был издевательской пародией на тот, полный лести, которым она разговаривала с посетителями салона.

— Ты знаешь, о чем я. Отойди от него, иначе я выстрелю.

Зера лишь улыбнулась.

— Ты, должно быть, забыл, мой дорогой Николя, что у тебя закончились патроны.

Он действительно забыл. Он, конечно, мог бы начать блефовать, но отразившаяся на лице тревога выдала его с головой. Улыбка Зеры стала шире.

— Не беспокойся, Николя. Я знаю выход.

Она замолчала, давая ему время обдумать предложение. Позади неё начинало светать, над горизонтом разливался багрово-красный восход. Лемуар и не ожидал, что доживёт до этого рассвета, он абсолютно не был счастлив его встречать. Он даже был раздражён его наступлением, ведь этот рассвет лишил его единственного союзника. Теперь Винсент не

сможет прийти ему на помощь. Теперь Ленуар может надеяться только на себя.

— И что же ты предлагаешь? — прорычал Ленуар.

— Ты хочешь, чтобы мальчишка вернулся к тебе целым и невредимым? Я готова на это пойти, при условии, что ты дашь мне спокойно уехать из Кенниана. Сейчас ты развернёшься и спустишься вниз по ступеням. Покинешь церковь и пойдёшь на запад к центру города. А я буду отсюда за тобой наблюдать. Когда я решу, что ты отошёл достаточно далеко, я оставлю мальчика в этой башне и скроюсь. Ты больше никогда меня не увидишь. Согласен на такое?

Ленуар задумался. Его чутьё вопило против того, чтобы отпустить Зеру. Она должна сполна заплатить за всё, что совершила. Но разум говорил, что это единственный выход. Инспектор не сомневался, что Зера выполнит свою угрозу. Он видел это по её глазам, по взгляду загнанного в угол зверя, существа, готового на всё ради спасения собственной жизни.

— Если я позволю тебе уйти, откуда мне знать, что ты не убьешь мальчишку?

— Зачем мне это? Я не монстр, Николая, как ты мог бы подумать. Я готова принести жертвы, чтобы добиться желаемого, но это не значит, что я получаю от этого удовольствие. Я не имею ничего против мальчишки.

— А что насчет его состояния? Как я могу быть уверен, что он придет в себя?

Она пожала плечами.

— Без понятия. Я же не знахарка. Тебе придется выяснить это самостоятельно, отпустишь ты меня или нет.

Ленуар колебался еще пару мгновений, но в глубине души он знал, что уже принял решение. Зера была права, и они оба знали это. Кроме того, Винсент в конечном итоге все равно выследит ее. Как и он, Зера должна будет умереть.

— Хорошо, — сказал Ленуар. — Я согласен на твои условия. Я оставлю тебя с мальчишкой и направлюсь в сторону вокзала. Можешь наблюдать за мной, сколько захочешь. Я вернусь, через сорок пять минут, к этому времени ты должна будешь исчезнуть, оставив мальчика невредимым в башне.

— Что ж, это приемлемое предложение, — сказала Зера.

— Нет, — произнес другой голос. — Это не так.

Зера зашипела от ярости и с удивление смотрела на выходящего из-за колокольни Винсента. Ленуар потрясённо уставился на горизонт. Город уже был укрыт тонким покрывалом света всходящего солнца. Единственная тень была здесь, на крыше, за деревянным остовом колокольни.

Левая половина лица Винсента была открыта. Ленуар видел, как его кожа начинала краснеть, а вверх поднимались крошечные струйки дыма. Если дух и чувствовал боль, то никак это не показывал. Он смотрел на Зеру, и его ярко-зелёные, цвета полыни глаза, казалось, приковали её к месту, женщина замерла, как кролик перед удавом.

— Она не может уйти, — произнёс Винсент.

Страх сжал сердце Ленуара холодной рукой, когда он понял, что Винсент имеет в виду.

— Мы должны делать, как она говорит, — ответил инспектор, неосознанно поднимая руки в оберегающем жесте, — мальчик в опасности.

— Мальчик — не моя забота. Эта женщина совершила грех по отношению к мёртвым. Она должна понести наказание.

— Ее наказание может подождать! — голос Ленуара был пронизан отчаянием.

— Мне осталось еще несколько мгновений.

В подтверждение его слов кожа на левой руке треснула и начала гореть.

— А когда снова наступит ночь, она уже будет далеко.

— Она не сможет сбежать от тебя!

Винсент обратил свой сверкающий взгляд на Лёнуара.

— Но ты же смог.

Со своего места Лёнуар слышал испуганное дыхание Зеры, и с каждым последующим вдохом в нём всё больше слышались истерические нотки. В любую секунду она сорвётся. И Винсенту придётся её остановить. Но будет уже поздно. Она толкнёт Зака вниз перед тем, как броситься бежать, пытаясь этим выиграть хоть несколько мгновений форы. Лёнуар понимал это так ясно, будто смотрел уже не раз виденную пьесу.

— Пожалуйста, — произнес он так тихо, что сам едва мог расслышать свои слова. — Позволь мне спасти мальчишку.

На пару секунд лёд в глазах Винсента треснул. За ним Лёнуар увидел человека, несчастного, день за днём подвергавшегося пытке, выглянувшего наружу, как заключённый жаждущий свободы.

— У меня нет собственной воли, — прошептал дух. Казалось, этот голос пришёл не из холодной пустоты внутри него, а откуда-то глубже, откуда показалась та новая сущность.

А затем все перемены исчезли, так же внезапно, как и появились, и к Винсенту вернулось прежнее спокойное, невозмутимое выражение. Он развернулся, полностью выступая под солнечные лучи.

Его плоть ссохлась и начала испаряться тонкими струйками дыма. Под ней проглянули голые мышцы, но и те сразу почернели и обуглились, открывая белую кость. Лёнуар почувствовал подступившую тошноту, но не мог заставить себя отвести взгляд. Как и Зера, он не мог сдвинуться с места.

Зера пошатнулась, будто собиралась упасть в обморок, но ей хватило силы духа дёрнуть рукой, угрожая свалить Зака. Лёнуар видел, как Винсент сделал шаг, пошатнулся, продолжая двигаться вперёд. Лёнуар никак не мог его остановить, и не мог помешать Зере сделать то, что, он уверен, она собиралась сделать. Но он попытался, бросился к ней, но ноги стали тяжёлыми и чужими, а время будто остановилось.

С криком, полным ненависти, Зера столкнула Зака с парапета. Это произошло так быстро, что Лёнуар успел увидеть лишь трепетание одежды, исчезающей за краем стены. Он бросился к Зере и, рыча от ярости, опрокинул её на пол. Его не заботило то, что он мог оказаться у Винсента на пути. Его не заботило, что дух мог убить их обоих. Он со всей злости ударил Зеру по лицу, и ещё раз, и ещё...

Громкий крик отрезвил его. Кричал Зак, и голос шёл со стороны парапета. Лёнуар вскочил на ноги, ошеломлённый открывшимся ему зрелищем.

Обгоревший и окровавленный Винсент тянул что-то через парапет, обмотав своей плетью, как рыбак, тянущий на берег рыбу. Его почерневшая плоть продолжала гореть, выжигая всё то, что осталось от мышц. Ещё несколько секунд — и он не сможет удерживать свою ношу.

Лёнуар перегнулся через парапет. Зак висел, обмотанный плетью вокруг запястья. Плоть на руке мальчика плавилась от прикосновения этого проклятого духа, заставляя мальчика кричать. Наклонившись как можно ниже, инспектор схватил Зака за предплечье и дёрнул вверх.

Они вместе перевалились через край парапета на пол. Лёнуар услышал, как загудел воздух от взметнувшегося к новой цели кнута. И в этот момент Зера страшно закричала.

Инспектор повернул голову и увидел, как то, что осталось от Винсента, упало на колени, и кости трескались от удара о каменный пол.

Теперь только кое-где с конечностей свисали ошмётки плоти, но Винсенту они больше не были нужны. Плеть выполняла свою работу без его участия, выдавливая из Зеры жизнь за считанные секунды. А потом Винсент распался кучкой пепла. Плеть исчезла во вспышке изумрудного пламени, оставив после себя почерневший след на шее Зеры. А через пару мгновений и пепел пропал, развеянный ветром бог знает куда.

Ленуар аккуратно перевернул Зака на спину. Мальчик был мертвенно-бледный, но веки подрагивали. Внезапно его тело выгнулось дугой, и мальчик начал задыхаться. Ленуар едва успел перевернуть Зака на бок, как того вырвало. Инстинктивно рука мальчика дёрнулась к животу, будто пытаясь защититься от той боли, которую он помнил, или от отвратительного ощущения, сменившего боль. Он открыл глаза и судорожно вздохнул.

— Все в порядке, Зак, — мягко произнес Ленуар. — Теперь ты в безопасности.

Мальчик устремил на него взгляд. В нём не было узнавания, лишь недавно пережитый ужас. Сердце Ленуара ушло в пятки. Он и прежде видел такой взгляд, у мальчика по имени Мика, чья душа была насильно разрушена и покинула своё вместилище.

— Ты в безопасности, Зак, — твердо повторил он.

Взгляд Зака постепенно стал осмысленным. Страх сменился растерянностью, а затем облегчением. Он попытался что-то сказать, но смог лишь захрипеть и закашляться. Ленуар помог мальчику сесть и подождал, пока кашель не пройдёт.

— Где он? — спросил Зак, жадно хватая ртом воздух.

Ленуар замялся.

— Кто?

Инспектор надеялся, что Зак не вспомнит о Винсенте. Мальчик и так достаточно пережил, не хватало ещё, чтобы вид сгоравшего Винсента преследовал его всю жизнь.

— Другой мальчик.

Ленуар вздрогнул.

— Ты видел его?

Зак замолчал, в глазах снова промелькнуло смятение.

— Видел, точно. Он был здесь. То есть...

Он неуверенно умолк.

— Это не имеет значения. Важно лишь то, что ты в порядке, и мы можем вернуться домой.

— Домой, — рассеянно повторил мальчик-сирота, будто пробуя на вкус незнакомое слово. Ленуар мысленно обругал себя за такое легкомыслие. Но Зака заботило кое-что другое: он смотрел на свою руку, неловко держа её, будто она принадлежала не ему.

— Странное ощущение в запястье, — мальчик изучал свою потемневшую плоть с удивительным хладнокровием. Возможно, на сегодня он уже исчерпал свой лимит страха.

Ленуар тяжело вздохнул.

— Да уж. Боюсь, это никогда не пройдет, но ты привыкнешь к этому. У тебя всего лишь небольшая, едва заметная рана. Это не изменит твою жизнь.

Зак кивнул, никак не прокомментировав слова Ленуара. Он огляделся вокруг, словно видел все в первый раз, пока его взгляд не остановился на Зере.

— Кто это?

Ленуар обернулся. Зера лежала на животе, повернув голову к ним, и её глаза

устремились куда-то вдаль. Интересно, может она видит Винсента? Или Винсент наблюдает за ними сквозь её глаза? Ленуар снова вздрогнул.

— Это леди Зера, — ответил он, и сам удивился прозвучавшему в его голосе сожалению.

— Она мертва.

— Да.

— Думаю, теперь мне больше не придётся на неё работать, да?

Зак смотрел на Ленуара, и впервые за последние пару минут инспектор заметил в его глазах привычное мальчишеское любопытство. Мужчина не смог сдержать улыбку.

— Нет, полагаю, теперь не придётся.

— Я голоден.

Ленуар поднялся на ноги, протягивая руку мальчику, чтобы помочь.

— Что ж, кажется, пора чем-нибудь подкрепиться. Но для начала, я думаю, нужно найти где бы помыться.

Они направились к лестнице. Ленуар хромал из-за раненой ноги, а Зак покачивался на дрожащих ногах.

— Еще слишком рано для стейка? — спросил Зак.

— Я так не думаю.

Ленуар придержал дверь. Зак на секунду остановился, проходя под рукой Ленуара, и серьёзно заглянул ему в глаза.

— Знаешь, а ты сильно задержался.

— Я знаю, — мягко произнес Ленуар. — Мне жаль, Зак.

Мальчик пожал плечами.

— Но ты ведь мог и совсем опоздать.

Ленуар выдавил улыбку. Он мог бы никогда не заглаживать свою вину перед Заком, будь у него в запасе сотня лет или всего один-единственный день. Но всё же последние несколько часов он чертовски постарается это сделать. И не было лучше способа провести свой последний день, чем с Заком.

— Тут мало места, — Зак с лёгким удивлением осматривал квартиру Лёнуара.

— Мало, — согласился Лёнуар, — но здесь всё же лучше, чем в твоей комнате в приюте.

— Не намного, — ответил Зак с убийственной прямоотой, свойственной молодым.

— Ты и правда здесь живёшь?

— А ты думал, здесь будет что-то грандиозное?

Мальчик пожал плечами:

— Ну да, наверное. То есть, ты же инспектор, — он произнёс эти слова почти с благоговейным трепетом.

— Инспектор, и увы, бедный слуга народа, — Лёнуар отвесил шутливый поклон.

— Не хочу отговаривать тебя, Зак. Но быть ищейкой не так уж и прекрасно. Правда в том, что мы занимаем одну из самых нижних ступенек в социальной лестнице. Я подозреваю, что некоторые талантливые проститутки зарабатывают больше, чем я.

— Из того, что я видел, хорошие проститутки действительно неплохо зарабатывают.

Лёнуар посмотрел на него с печальной нежностью. Вот он обычный ребёнок, а через секунду — опытный, взрослый человек. Возможно, именно это и привлекало его в мальчике — неповторимое сочетание невинности и опыта. Зак — живое доказательство того, что можно жить в этом отравленном мире и не заболеть ненавистью, по прежнему видеть мир таким, какой он есть, и стараться сделать его лучше.

— Ты предпочтёшь вернуться в приют? — поинтересовался инспектор.

Зак покачал головой:

— Я там не засну. Сёстры будут задавать кучу вопросов, да и другие дети не отстанут.

— И я так подумал. Тогда отдохни здесь. А позже ты пойдёшь в участок и дашь показания.

Зак взглянул на мужчину:

— Что значит, я пойду? Ты ведь пойдёшь со мной, правда?

Лёнуар нацепил улыбку на лицо:

— Разумеется, а теперь отдыхай.

Мальчик крепко заснул уже через пару минут. Он был истощён, но в остальном, казалось, это испытание на нём никак не отразилось. Кроме, естественно, шрама на запястье. Лёнуар осознал, что до сих пор не объяснил мальчику происхождение этой раны и её характер. Мужчина так и не говорил об этом с тех пор, как они спустились с башни, а Зак не спрашивал.

Мальчик воспринял этот шрам, как меньшее из всех зол после его приключений, и учитывая то, что с ним могло произойти, Лёнуар не мог с этим не согласиться.

Он оставил спящего Зака в комнате и отправился в участок. Надо послать кого-нибудь из стражи в приют сообщить монахиням, что Зак в порядке. Он мог бы и сам туда сходить, но у него осталось всего несколько часов, а ему надо составить рапорт, ведь другой возможности уже не будет, а Лёнуар не хотел, чтобы подробности дела ушли вместе с ним в могилу.

Правда, теперь Департаменту Полиции осталось мало работы — арестовывать заказчика, по крайней мере, основываясь на имеющихся доказательствах, а те, чьё участие в

заговоре они могли бы подтвердить уликами, уже понесли наказание. Но родители Коди и Хардина имеют право знать, что случилось с их сыновьями.

Участок был практически пуст. Ищейки всё ещё шныряли по улицам в поисках убийцы Хардина. Ленуар нашёл начальника в кабинете. Тот сидел над кипой недавно написанных отчётов и сердито хмурил лоб.

— Где, во имя всех глубин ада, ты был? — спросил Рек, выглядывая из-за бумаг. — Я уже решил, что ты закончил, как Хардин.

Ленуар присел. Его, конечно, никто не приглашал, но он вряд ли смог бы ещё хоть чуть-чуть продержаться на ногах и не свалиться. Он никогда ещё не был так вымотан за всю свою жизнь.

— Я говорил вам, что выслеживал похитителей.

— Это было два дня назад!

Ленуар скептически фыркнул:

— Два дня, — прошептал он удивленно.

— Вы находите это забавным, инспектор?

Ленуар потёр глаза, казалось, в них насыпали песка:

— Нет, шеф. Просто я не могу поверить, что прошло всего два дня. Столько всего произошло за это время.

Начальник смягчился и откинулся в кресле, скрестив руки на груди:

— Что ж, давай слушаем.

— Я знаю, кто напал на Коди и Хардина, — начал Ленуар без предисловий. — По крайней мере, я знаю, кто отдал такой приказ, и где это произошло.

Рек хмыкнул:

— Рад это слышать, потому что мы так и не сдвинулись с места.

Он ткнул пальцем в кипу бумаг на столе.

— Пятьдесят рапортов, а самое интересное в них то, что Коди купил мясной пирог в лавке через дорогу. А всё остальное мы и так знаем. Перед уходом Коди разговаривал с Изаром, но не сказал, куда и зачем не уходит. Сам понимаешь, в каком сейчас Изар состоянии, говорит, что мог всё предвидеть, и прочую чушь, будто это его вина.

— Смешно. Было практически нереально воссоздать умозаключения Коди, основанные на том, что он узнал в тюрьме, даже при условии, что заключённые легко шли на контакт.

— А они этого явно не делали. Стедман, полный идиот, начал опрос заключённой с того, что сообщил ей о смерти Хардина. Догадываешься, как она после этого горела желанием с нами разговаривать.

Рек с отвращением потряс головой.

— Если бы я был уверен, что мне хватит и трёх инспекторов, я уже давно бы его уволил и покончил со всем этим.

«Лучше бы тебе не торопиться», — мысленно усмехнулся Ленуар. А вслух произнёс:

— Полагаю, в тюрьме Коди узнал что-то, что вполне могло быть мотивом, а потом он собрал всю информацию воедино с учётом того, что мы выяснили в Берривине.

— Ну? — начальник нетерпеливо потёр руки.

— Не тяни. Кого мне надо арестовать?

— Никого. Убийца Хардина уже мёртв. Это Зера, также известная среди своего окружения как леди Зера.

Рек удивлённо вскинул брови:

— Леди Зера? Что ж, это многое объясняет, например, почему нас вчера вечером вызвали на место перестрелки в её дом. Я так понимаю, за эту бойню надо благодарить тебя?

Ленуар замялся:

— Я был там, но убил собственноручно лишь одного.

— Двое были убиты выстрелом из ружья. Остальные задушены чем-то вроде толстой верёвки с шипами. И похоже, шипы тоже были отравлены.

Начальник сузил глаза, пристально глядя на Ленуара.

— У Зеры серьёзные враги, — произнёс Ленуар, тщательно подбирая слова.

— Я закрывал на них глаза, пока они не переходили мне дорогу. Не переходили нам дорогу.

Шеф нахмурился:

— Подожди минутку. А не хочешь мне объяснить, почему мы узнали о случившемся от соседки, а не от тебя? Почему не дождался подкрепления, прежде чем идти к Зере? Ты слишком опытный офицер, чтобы вести себя, как новичок, Ленуар.

«У меня было подкрепление, шеф. С которым ни одна из ваших ищеек не сравнится».

— Я торопился. Жизнь мальчика была под угрозой.

Казалось, Река этот ответ удовлетворил:

— А ты ведь знал эту Зеру, не так ли? По-моему, тебя видели пару раз в её салоне?

Он многозначительно замолчал. Ленуар задался вопросом, сколько же шефу не терпелось это высказать.

— Я хорошо ее знал, — сказал Ленуар. Не было смысла скрывать это.

— Почему она хотела, чтобы Коди и Хардин оказались мертвы?

— Не знаю всю историю целиком, но полагаю, она считала, что они знают нечто, что может связать её с похитителями детей. И решила от них избавиться.

Рек задумчиво потёр подбородок.

— Интересно, как Коди всё выяснил...

— Не уверен, что он всё выяснил. Он скорее всего просто нашёл в Зере источник информации об адали. Но точно мы этого никогда не узнаем.

— Да это просто какой-то пинок под зад, — печально произнёс Рек. — Смерть в результате случайного стечения обстоятельств.

— Так Коди уже умер?

— Он по-прежнему в коме. Я говорил о Хардине.

Ленуар кивнул:

— Я действительно удивлюсь, если узнаю, что Коди выяснил всю информацию о похитителях.

— Какую именно? И как во всём этом замешана леди Зера?

— Я считаю, что небольшая группка адали находилась в процессе оказания услуги одному очень влиятельному лицу в обмен на определённые уступки с приобретением земли для клана. Зера была у них посредником.

Начальник недоуменно покачал головой:

— Не понимаю. И что они собирались делать с похищенными детьми?

Ленуар вздохнул и снова потёр глаза:

— Я вам всё объясню, обещаю. Я пришёл специально, чтобы составить полный отчёт. Лучше вам прочитать его. История довольно... запутанная.

К его огромному облегчению, Рек только хмыкнул:

— Похоже на то.

— Что ж, пора начинать, — сказал Ленуар, поднимаясь. — Вы уже поговорили с семьей Коди?

Рек печально склонил голову:

— Они приехали на дилижансе прошлым вечером. Мать до сих пор не может это осознать.

— И ещё долго не сможет.

Ленуар направился к двери, но на пороге остановился:

— Работать с вами, шеф, было огромной честью.

Рек с подозрением наблюдал за ним:

— Куда-то направляетесь, инспектор?

Ленуар выдавил улыбку:

— Просто подумал, что это были очень длинные пару дней.

— Так и есть, — тихо ответил Рек.

— Так и есть.

* * *

Ленуар просмотрел ещё раз плотные строки своего отчёта, перечитывая его в последний раз. Он решил не привлекать к этому делу писца. Он уверял себя, что это из-за того, что ему надо было время, чтобы разобраться с мыслями, но правда была в том, что он хотел побыть один, пока записывал удручающую историю собственного расследования.

Как же легко сейчас было связать между собой улики, соединить россыпь звёзд в единое созвездие! Ленуар ничего не утаил о себе в отчёте и был уверен, что шеф будет презрительно качать головой из-за некомпетентности Ленуара.

«Постоянные вопросы леди Зеры о ходе расследования выдавали её чрезвычайную заинтересованность в этом деле», — прочитал Ленуар.

«Я должен был заметить это, но мой разум был затуманен личным отношением с обвиняемой».

Обмакнув перо в чернила, инспектор добавил надпись на полях: «И я слишком быстро проигнорировал совпадение, на которое указывал сержант Коди». Если Коди не выкарабкается, Ленуар хотел, чтобы начальник знал, что сержант был не настолько же слеп, как и он.

В остальном он постарался не вдаваться в детали. Поскольку он не мог упоминать о кхекра и намерениях Лоса и его приспешников использовать Зака в их магических ритуалах, пришлось обойтись без подробностей. Пусть его коллеги вытягивают информацию из Мердена, если захотят.

Если он решит об этом упомянуть в отчёте, его посчитают свихнувшимся, или по крайней мере, отсталым и суеверным. Это лишит правдоподобия остальные факты, а Ленуар не желал, чтобы это стало оправданием для «незакрытия» дела. Он был в слишком большом долгу перед Коди и Хардином.

Касаясь вопроса о кхекра, он ограничился лишь парой фраз: «Существует распространённое среди адали поверье, что с помощью магии можно наложить проклятие, либо наоборот, привлечь неожиданную удачу. Подобные заклинания расходятся по невероятно высоким ценам. Я полагаю, что Лос и его единомышленники использовали

данную магию, чтобы предложить нечто, представляющее огромную цену, герцогу Уоррику, в обмен на получение права на выпас скота на землях Его светлости».

Взгляд Ленуара задержался на последней строке.

«Если мотив и ясен, нет никаких весомых доказательств связи похитителей с герцогом Уорриком».

Ленуар произнёс вслух эту фразу, и слова застряли у него в горле.

— Ты ведь был в курсе, ублюдок? — прошептал Ленуар.

Он и сам не знал, чему верить. Возможно, похитители решили не обращаться к Уоррику с предложением, пока у них всё не получится. А возможно, Уоррик знал о всём происходящем с самого начала.

«В конце концов, разве это важно?»

У Ленуара не было никаких доказательств. А неосторожное и беспочвенное обвинение графа вызовет волну недовольства Департаментом Полиции. И ради чего? Даже если он и виновен, шансы привлечь герцога к ответственности остаются нулевыми.

Снова обмакнув перо, Ленуар жирно подчеркнул слова «весомых доказательств». Он надеялся, что шеф Лендон Рек прекрасно поймёт, что он хотел сказать.

Но никакие изменения, однако, не могли исправить тот вопиющий изъян, что в отчёте не упоминался Винсент. Это было не простое упущение. Учитывая, что придётся объяснять перестрелку в доме у Зеры, Ленуару пришлось что-то придумывать. В его отчёте говорилось о неизвестном адали, предположительно члене клана Азис, который преследовал похитителей и убрал их по одному.

«Если моя информация верна, — гласил рапорт, — мужчина по имени Райен был изгнан из клана Азис за использование кхекра, которая в этом клане запрещена. Считаю, что действия Райена были своего рода искуплением, способом восстановления своего статуса внутри клана.

Он связался со своим родственником и товарищем колдуном Лосом, который помогал ему осуществлять задуманное. Но поскольку их действия не были одобрены советом старейшин, клан мог взять правосудие в свои руки, как, мы знаем, они часто поступают, и предпочесть собственное традиционное внутриклановое наказание обычным формальным исправительным учреждениям Пяти Деревень».

Если повезёт, все смерти в доме Зеры и в соборе будут объяснены самосудом. Конечно, Департамент Полиции приложит некоторые усилия, чтобы найти виновника, но клан Азис будет отрицать, что знает, кто он.

И между прочим, не соврут. К этому всё неизбежно и идёт, но Ленуар был почти уверен, что этого не хватит, чтобы предотвратить закрытие дела.

Он некоторое время смотрел на завершённый рапорт. Как бы абсурдно это не звучало, ему казалось, что на этих двух листах пергамента уместилась вся его жизнь. Это будет последний рапорт, который он оставит после себя.

Незадолго до наступления сумерек Ленуар покинул полицейский участок. По какой-то причине он направился в сторону рыночной площади, где он впервые говорил с Винсентом. Это казалось подходящим местом для новой, последней встречей с духом.

Ленуар присел на скамейку и начал наблюдать за вечерней городской рутинной. Он чувствовал себя намного спокойнее, чем два дня назад, когда сидел здесь же, ожидая появления Винсента.

Больше бояться было нечего. Конечно, Ленуар не приветствовал смерть (он бы с

огромной радостью отложил её на неопределенный срок), но теперь он мог спокойно принять её, зная, что Зак в безопасности. Ленуар сделал всё, что собирался.

«Не может быть никакого искупления», — сказал как-то Винсент, но был не прав. В эти последние часы жизни Ленуар восстановил частичку себя. Он больше не был полон ненависти к себе. Апатия ушла, сменившись, пусть и не миром, но принятием собственной сущности.

Наверно, он не надолго задремал, потому что тьма в мгновение ока накрыла площадь. Ленуар почувствовал чей-то взгляд, обернулся, и увидел Винсента, наблюдающего за ним из тени. Несмотря на кажущееся смирение с судьбой, ноги инспектора свело судорогой от страха. Интересно, Винсент с ним заговорит или просто атакует без предупреждения?

С опозданием Ленуар подумал, что, наверно, рыночная площадь — не лучшее место для подобной встречи.

«Ну, моя смерть хоть будет зрелищной, — с сарказмом подумал он. — Приятно, если тебя за что-то помнят».

Винсент присел на скамью рядом с Ленуаром. Он молчал, осматривая площадь своим жутким взглядом. Он наблюдал за цветочницами и уличными музыкантами, за молодыми парочками и бездомными собаками с абсолютно непроницаемым видом. Ленуар отдал бы все, чтобы узнать, о чем он думал в тот момент.

— Мальчик жив? — наконец спросил Винсент.

— Да, благодаря тебе.

— Я раньше никогда не использовал своё оружие на ребёнке. Я даже не был уверен, выживет ли он после этого.

Снова повисла тишина. Ленуар произнёс:

— Ты бросился за Заком, а не за Зерой. Я был... удивлён.

Винсент взглянул на него:

— Как и я.

— О? — Ленуар склонил голову. — Ты был удивлен тому, что... он... приказал тебе спасти мальчика?

— Он не приказывал.

Ленуар решительно посмотрел на него:

— Я не понимаю.

— Он приказал мне убить женщину. Спасти мальчика — моё собственное решение.

Если Ленуар и не совсем понял эти слова, то одного взгляда в глаза Винсента хватило, чтобы всё встало на свои места. Во взгляде духа бушевали эмоции — подлинные, человеческие эмоции. Сильные, глубокие и совершенно неожиданные. Смятение, волнение и даже немного страх. И что-то ещё, что было нелегко узнать. Может, гордость?

— Твой выбор? — эхом откликнулся Ленуар, не веря своим ушам.

— Да.

Голос Винсента был низкий и тихий, будто он доверял инспектору огромную тайну.

— Ты бросил вызов ему?

— Не совсем. Но я сделал свой выбор.

— Мне казалось, ты сказал, что действовал не по своей воле.

— Я сделал выбор, — повторил Винсент, словно самому себе. — Я решил действовать, и у меня получилось, хотя это никогда не срабатывало раньше. И я уже давно перестал пытаться.

— Ясно, — сказал Ленуар, не находя, что ответить.

Винсент снова окинул взглядом площадь. Ленуар ждал. Через несколько минут тишины инспектор произнёс:

— Может, отойдём куда-нибудь? И можешь сделать всё быстро?

На последней фразе голос предал его и сорвался. Больше всего Ленуар хотел наконец покончить со всем.

Винсент покачал головой, и на мгновение Ленуару показалось, что это было ответом на его вопрос, после чего Винсент сказал:

— Он больше не жаждет твоей смерти.

Ленуар уставился на него, он был уверен, что ослышался:

— Что ты сказал?

— Ты больше не отмечен, — не стал вдаваться в подробности Винсент.

Его выражение снова стало непроницаемым, в глазах отражалась площадь без единого намёка на что-то человеческое внутри них.

Ленуар взглянул на лицо, которое на протяжении десятилетия преследовало его в ночных кошмарах, и впервые не нашел причин для страха. Как и причин для радости. Он был слишком ошеломлен, вымотан для того чтобы радоваться. Все, что он мог сделать, это кивнуть, давая понять, что он понял слова Винсента. Этого, казалось, было достаточно. Винсент поднялся на ноги.

— Мы еще увидимся? — неожиданно для самого себя спросил Ленуар.

Губы Винсента изогнулись, образовав нечто наподобие улыбки:

— Будем надеяться, что нет.

Ленуар открыл рот, чтобы поблагодарить его, но дух уже исчез. Мгновение Ленуар сидел ошеломлённый. А потом его начало трясти. Он почувствовал слабость, будто из тела достали все кости и осталась только плоть. Он упал на бок на скамейку, в ушах слышало собственное дыхание, будто он находился под водой. Он закрыл глаза, чтобы не видеть яркий свет уличных фонарей.

И проспал до утра.

Коди, идиот, пытался встать.

— Не переживайте, сержант, — сказал обеспокоенно врач, протягивая руку и хватая Коди за рукав. — Вы пролежали в кровати неделю. Ваши мышцы ещё не готовы...

Колени Коди подогнулись, заставив Изара броситься вперёд и подхватить его. Ленуар не пытался помочь — возле кровати и так была куча народу.

— Не глупи, — раздражённо произнёс он.

— Семья Хардина поймёт.

— Я пойду, — твёрдо сказал Коди, прислонившись к стене и стараясь не шататься. — Мне просто надо пару минут.

— Вам нужен отдых, — ответил врач. — И много.

Коди хмуро на него посмотрел:

— Не вы ли только что сказали, что я уже провалялся в постели неделю?

— Это пустая трата времени, — проговорил Изар в своей привычной резкой манере.

— Если Коди сказал, что идёт, значит он идёт, и давайте уже с этим покончим.

— Я не пропущу похороны коллеги и товарища, — сказал Коди.

— Этого не будет. Даже мои родители идут. Они сейчас с родными Хардина.

Ленуар закатил глаза, но Изар был прав — спорить не было смысла. Подобные настроения были довольно распространены у служителей закона. Братья по оружию и прочая чепуха.

— Но после этого вы вернётесь в больницу, ясно? — врач наградил Коди суровым взглядом.

— Это еще зачем?

— Для наблюдения. У вас может быть повреждение мозга. Или рана в животе может инфицироваться.

Коди нетерпеливо махнул рукой:

— Я знаю, как справиться с гангреной.

— Да, повреждение мозга будет тяжело заметить, — криво усмехнулся Ленуар.

— Но даю вам слово, сэр, что буду за ним присматривать.

Ленуар кивнул головой, показывая, что им пора идти.

Когда карета остановилась перед церковью, Ленуар понял, что Коди был прав: здесь был весь Департамент Полиции. Даже Креарс и пара констеблей из близлежащих деревень. Вместе со всеми родственниками и друзьями пришедших оказалось гораздо больше, чем могла вместить церковь, и многие стояли группами во внутреннем дворике, ожидая погребения.

Оглядывая толпу, Ленуар не мог не задаться вопросом, сколько бы из этих коллег пришли на его похороны. Даже учитывая легендарную цеховую солидарность, вряд ли бы удалось собрать многих.

Хардин может и не был грамотным специалистом, но его все любили. А у Ленуара, напротив, было мало друзей и не было семьи. Ему приходилось признать, что немногие бы оплакивали его смерть, которую он только чудом избежал.

Он неловко топтался перед церковью. Для него было выделено место в первом ряду, вместе с шефом и другими инспекторами, но он не хотел сидеть рядом с родными и

близкими Хардина. Он не принадлежал тому миру, он едва знал этого человека. Вместе этого инспектор расположился у входных дверей, наблюдая за происходящим издалека.

Священник монотонно читал молитву (как и все священники). Мысли Ленуара блуждали где-то далеко, и он только к середине церемонии осознал, что рядом с ним стоит Коди. Сержант держался прямо, мрачно глядя перед собой. Вряд ли он слышал, что говорит священник. Его мысли тоже были далеко.

— Почему ты не сел с остальными? — спросил Ленуар, когда церемония закончилась, и они вышли во внутренний двор.

Коди взглянул на него краем глаза:

— Просто так.

Ленуар хмыкнул:

— В твоём состоянии, наверно, тяжело выстоять всю службу на ногах. Ты бы не стал такое вытворять «просто так».

— Что ты хочешь от меня услышать? — прорычал Коди. — Что я чувствую себя виноватым? Ну да, чувствую. Доволен?

Ленуар остановился:

— Отнюдь, сержант, и твоё самобичевание глупо. Ты не виноват в том, что произошло с Хардином.

— Виноват, — жарким шёпотом произнёс Коди.

— Это я втянул его во всё это, не обеспечив должного прикрытия.

— Это он должен был прикрывать тебя.

Но Коди его не слышал:

— Я привёл его прямо в логово зверя. Он даже не знал, во что впутался.

— Сержант, если кто и виновен в смерти Хардина, так это я.

В отличие от Коди, Ленуар не потрудился понизить голос. Ну и пусть кто-нибудь услышит! Это правда, выведенная несмываемыми чернилами на пачке пергамента у Река в кабинете.

— Аптекарь рассказал нам всё, что нам было нужно. Я должен был связать это воедино. И я связал бы это, если бы действительно постарался. Поэтому, если хочешь на кого-то злиться, злись на меня.

Коди сжал губы в тонкую линию, и Ленуар расслышал его мысли так ясно, будто тот произнёс их вслух. Коди был зол. И расстроен. Но как и всегда, выучка одержала верх, и он ничего не высказал.

Инспектор кивнул:

— Отлично. И чтобы сразу расставить всё на свои места: если ты ещё хоть раз куда-нибудь сорвёшься, не поставив в известность инспектора, считай, что твоя карьера в отделе закончена.

Ленуар замолчал и добавил уже мягче:

— Я не хочу слушать, как священник отпевает ещё и тебя.

Коди опешил. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом снова закрыл. Вместо того, чтобы дожидаться, как сержант придумает какой-нибудь сентиментальный ответ, Ленуар двинулся дальше на поиски шефа.

Люди стояли во дворе группами по два-три человека, рассказывая истории о покойном. Те, кто с ним не был знаком, обсуждали состояние преступности в городе.

Особенно к этому были склонны легавые, приходя к общему мнению, что Кенниан

катится ко всем чертям.

«Ну и пусть, — сухо подумал Ленуар. — Иначе вам, разгильдяем, придётся искать настоящую работу».

Он заметил Изара, одиноко стоящего в задумчивости у стены, и подошёл ближе.

— Почему ты не общаешься с другими? — поинтересовался Ленуар.

— Вы знаете почему, инспектор, — ответил Изар, и Николая не стал спорить.

— Никто не будет тебя винить.

Изар пожал плечами:

— Может, кто-то и будет, но мне на них наплевать.

Он взглянул на Ленуара, во взгляде читалась обида.

— И я виню не их.

Ленуар понял, что тот имел в виду:

— Не все виновные в этом деле — адали.

— Но большая часть.

— В каждом народе встречаются свои паршивые овцы.

— Но не всякий народ судят только по ним.

Повисла тишина. Ленуар произнёс:

— Так оно или нет, сержант, но вряд ли это дело доказывает что-то кроме того, что в отчаянии люди совершат что угодно, чтобы выжить. Может, их методы и были необычны, но я видел и похуже, а вот с причинами всё абсолютно ясно. В этом и есть основной закон человечества.

Изар ничего не ответил, и Ленуар оставил его в одиночестве.

— Инспектор, — позвал его кто-то. Ленуар оглянулся и с трудом сдержался, чтобы на лице не отразилась тревога. К нему направлялся отец Коди.

Они никогда не встречались, но ошибиться было не возможно. Джесс Коди, как и сын, был внушительной комплекции, с такой же целеустремлённой поступью и упрямо выдвинутой вперёд челюстью. Правда, в его глазах не горело пламя, как в глазах сына, но возможно, дело было просто в возрасте.

— Сэр, — неловко произнес Ленуар, протягивая ему руку. — Рад познакомиться с Вами.

Коди пожал руку и кивнул. Какое-то время он ничего не говорил, просто стоял и смотрел на инспектора. Ленуар неуютно поёжился. И спустя несколько секунд, показавшихся вечностью, Коди-старший прочистил горло и произнёс:

— Я просто хотел вас поблагодарить.

Ленуар удивлённо вскинул брови.

— Поблагодарить?

— За все, что вы сделали для моего сына.

Инстинктивно Ленуар глянул в сторону Брэна Коди, стоящего с семьёй Хардина. Сержант смотрел на своего отца с выражением лёгкой паники на лице, но не мог покинуть родителей, потерявших своего ребёнка.

Ленуар не знал, что сказать. В голову не приходило ничего, чем он когда-либо помогал Брэну Коди. Наверно, его замешательство отразилось на лице, потому что Джес добавил:

— Я понимаю, что мой сын слишком молод для сержанта, и он хотел бы поблагодарить вас за эту должность.

— В этом только его заслуга. Да, он молод, но он грамотный специалист, и он

заслуживает своё звание. Я просто порекомендовал начальству его повысить.

Коди кивнул:

— Брэн говорил, вы научили его всему, что он знает. Он говорил, вы были лучшим.

Ленуар заметил, что мужчина говорит в прошедшем времени, и с удивлением обнаружил, что его это задевает.

— Он так волновался, когда получил назначение к вам в Департамент, — продолжил отец Коди. — Ещё пару лет с вами, и он говорил, что станет инспектором. А после всего, что случилось с сержантом Хардином, да и вообще...

Он обернулся посмотреть на семьи Хардина.

— Теперь я ещё больше начал гордиться Брэном.

— И заслуженно, — произнёс голос за спиной, и к Ленуару подошёл Лендон Рек. Он сжал руку Коди-старшего в сильном рукопожатии.

— Он отличная ищейка, твой сын. Хотел бы я, чтоб в отделе была сотня таких.

Ленуар готов был расцеловать начальника. Больше всего сейчас он хотел закончить этот разговор, незаметно улизнуть и не слушать льстивые сказки о том, каким замечательным он был наставником. Он никогда не был наставником, ни для Коди, ни для кого-нибудь другого.

— Коди — сильный мальчик, — произнёс Рек.

— Только взгляните на него, после всего, что с ним случилось... Я горд, что у меня есть такой работник. И однажды он займёт моё место.

Джес Коди старался выглядеть не слишком довольным.

— В любом случае, — хрипло произнёс он, — я просто хотел сказать, как я и моя жена благодарны за то, что наш сын работает с такими хорошими людьми.

— А мы благодарны вам, — ответил Рек, — за то, что вырастили такого сына. Он столько сделал для нашего города.

«И я был бы вам благодарен, если б вы прекратили эту бессмысленную болтовню».

Ленуар постарался, чтобы выражение лица не выдало его мыслей. Интересно, сколько таких речей для гордых отцов уже произнёс начальник? Но для Джеса Коди эта речь была первой, и он по достоинству её оценил. Он ещё раз пожал на прощание руки шефу и Ленуару и вернулся к своей семье и родителям Хардина.

Ленуар вздохнул с облегчением:

— Я рад, что вы подошли.

— Неудивительно, ещё пару секунд — и ты бы ляпнул что-нибудь глупое.

Рекс выразительно на него глянул.

— Если честно, ты выглядишь ужасно. Прошла почти неделя. Ты хоть спал за это время?

— Чуть-чуть, — признался Ленуар. Он считал, что его тело уже приучено обходиться без сна, но без отвлекающих разговоров в салоне леди Зеры время тянулось дольше. Нет, больше инспектор не избегал сна. Кошмары перестали его мучить.

Но вместо них появилось какое-то смутное беспокойство, которое Ленуар никак не мог определить, как постоянный гул в голове, не дающий спать по ночам. Ленуар не переставая ощущал тревогу. Многие годы он просто плыл по течению, не утруждая себя выбором, ибо он не имел смысла. Это как разглядывание подарков через витрину магазина: смотришь сквозь толстое стекло на вещи, которых у тебя никогда не будет. И вдруг стекло исчезло. Перед Ленуар раскрывались огромные возможности, но это слегка пугало.

И тем не менее, один выбор он сделал — первый шаг к новой жизни. И если у него получится сделать второй, третий шаг — в конце концов он найдёт свой путь. И теперь он,

наконец, знал, чего хочет. Это был путь, с которого он сошёл давным-давно, считая его иллюзией. Но он ошибался. И всё это время это путь был рядом, ждал его.

— У меня есть ордер, — сказал он Рэку, показывая лист пергамента.

Рек хмыкнул, взял пергамент и кинул на него мрачный взгляд.

— Это чертовски глупо. И ты это знаешь.

— Фейн избил человека почти до смерти.

— Милые бранятся. Это не представляет никакой угрозы для общества. К тому же, ты ясно дал ему понять, что мы за ним наблюдаем. И следующий раз он дважды подумает, прежде чем что-то делать. Думаю, этого достаточно.

— Вы приказываете мне бросить это дело?

— Я должен. Ты вляпаешься в большие неприятности, и меня за собой утащишь. Что ты вообще хочешь доказать?

— Ничего.

— Верно. И пока мы тут обсуждаем дурацкие поручения... Я прочитал твой отчёт. Тактичность — не твой конёк, Ленуар. Ты практически открыто обвинил герцога Уоррика.

— Действительно? Кажется, я упомянул, что против него нет никаких доказательств. Во всяком случае, пока.

Рек сделал шаг вперёд, подойдя вплотную к Ленуару и понизил голос до глухого ворчания:

— Не знаю, что на тебя нашло, но с меня и моего отдела довольно крестовых походов. Если я хоть слово услышу о том, что ты преследуешь Уоррика — можешь распрощаться с работой.

Ленуар неустрашимо встретился с ним взглядом:

— Вы боитесь его, шеф?

— Чёрт, да! И тебе следовало бы. Он может закрыть весь Департамент. А я отвечаю за весь город. И если это означает, что я не должен лезть в дела великих и могучих — что ж, так тому и быть.

— Ради общего блага? — криво усмехнулся Ленуар.

— Что-то типа того, умник.

— А если я найду неопровержимые доказательства вины Уоррика?

Рек покачал головой и выругался сквозь зубы:

— Похоже тот удар по голове был сильнее, чем мы считали. Тебе по слогам повторить? Даже если я позволю тебе притащить его в участок, ни один судья в стране не станет его судить.

— Возможно, — Ленуар сделал паузу, пожимая плечами. — Но мы спорим на пустом месте, шеф. У меня нет доказательств против Уоррика в данном деле, и сомневаюсь, что они вообще появятся.

Рэк не был глупцом. Он сощурил глаза:

— В данном деле?

Ленуар лишь улыбнулся.

— А на счет этого, — он показал ордер. — Я завтра утром первым же делом займусь им.

Рек обречённо вздохнул:

— Возьми с собой Иннеса. И Изара. На случай, если его светлость решит оказать сопротивление.

— Не решит. Это ведь будет неподобающе. Уже представляю, как всю дорогу к камере он будет идти с надменным и презрительным выражением лица.

— И всё же, позаботься о подкреплении. С меня уже хватит похорон коллег.

Ленуар кивнул. Он снова кинул взгляд на ордер и не смог сдержать улыбку.

«Лорд Элвин Фейн. Покушение на убийство».

Конечно, это ни за что не пройдёт, но Ленуар был уверен, что такого ордера достаточно для серьёзного оскорбления. Обвинение в покушении на убийство было блефом, специально, чтобы поиздеваться над Его светлостью. А если к этому прислушается остальное дворянство — что ж, это будет приятным бонусом.

Толпа начала двигаться из двора к кладбищу. Ленуар пошёл за всеми, но все его мысли были в другом месте. Он надеялся, что погребение не затянется надолго, потому что ему надо было сделать ещё кое-что.

* * *

Ленуар осадил лошадь перед воротами замка Уоррика, куда без приглашения вход был воспрещён. Инспектор глянул на небо. Его затягивали тёмные снеговые тучи. Он надеялся, что его миссия завершится прежде, чем разразится буря, так как не горел желанием ехать мокрым через весь город. Правда, его визит мог закончиться, так и не начавшись, ведь была огромная вероятность того, что герцог его не примет.

Может это не так уж и плохо. Приехав сюда, Ленуар рисковал навлечь на себя гнев начальника. Если его не пропустят — в этом не будет его вины. Что ж, может попытки будет достаточно, чтобы успокоить собственную совесть? Или нет? Ленуар абсолютно не знал, чего ожидать от собственной совести — они уже давно были не в ладах.

Возле сторожки стоял одинокий стражник, тот же, которого инспектор встретил во время предыдущего визита.

«А, тот, который хотел быть ищейкой», — вспомнил Ленуар.

Ему в голову пришла идея.

— Добрый день, инспектор, — поздоровался стражник, когда Ленуар подъехал ближе.

— Его светлость вас ожидает?

— Я искренне сомневаюсь в этом. И я был бы признателен вам, если бы вы провели меня внутрь, не представляя.

Брови охранника взлетели вверх и он нервно хихикнул:

— Ну, хм, так не положено, инспектор. Его светлость всегда настаивает на том, чтобы посетителей сперва представляли.

— Не сомневаюсь. Но сейчас особый случай.

Ленуар нагнулся к шее лошади. Стражник понял намёк, подошёл ближе и взял коня за уздечку.

— Если ты поможешь мне, я обещаю, что выбью тебе местечко в Департаменте Полиции.

«Конечно, место обычного служащего, но тебя не обязательно об этом знать».

Охранник скептически посмотрел на него:

— Да? Откуда мне знать, что вы сдержите свое обещание? Потому что, если я сделаю то, о чем вы просите, мне понадобится новая работа.

— У тебя есть моё слово. А достаточно его или нет, зависит от того, насколько ты мечтаешь стать ищейкой.

Охранник колебался. Он обернулся и взглянул на поместье.

— Ладно, — сказал он шепотом, — но если это не сработает, вы все равно выполните свое обещание.

— Что ж, по рукам.

Ленуар спешился.

Стражник привёл его в то же помещение, что и в прошлый раз, прошептав по пути что-то на ухо дворецкому. Слуга нахмурился, но прежде, чем успел возразить, стражник поспешно ретировался. Дворецкий пробормотал что-то под нос и вышел.

Ленуар ждал. Спустя пару минут он услышал знакомый голос за дверью.

— Что значит, ты не знаешь, кто он? Это абсурд!

— Прошу прощения, Ваша светлость. Он не назвал своего имени.

— Тогда какого чёрта ты его впустил?!

— Ну я... Я не мог... Давайте, я вызову охрану...

— Во имя всего святого! У меня нет на это времени!

Дверь распахнулась и в комнату ворвался герцог Уоррик. Стоило ему увидеть Ленуара, как он замер и прищурился.

— Вы.

— Добрый день, Ваша светлость. Мне ужасно жаль из-за своей уловки, но мне показалось весьма маловероятным то, что вы позволите мне войти.

— Вам хватило ума понять это, но вы не смогли догадаться, что я сразу вышвырну вас вон?

Ленуар бросил взгляд на лакея, нерешительно топтавшегося у Уоррика за спиной. Ещё чуть-чуть — и он позовёт охранников. Надо поспешить.

— Я не буду устраивать неприятности, Ваша светлость. То, что я хочу сказать, займёт всего минуту. Вам даже не надо отвечать, если не захотите.

Уоррик недоверчиво хмыкнул:

— Нет уж, спасибо.

Он властно повёл рукой, и дворецкий мгновенно исчез.

— А вы смелый человек, инспектор, должен вам сказать.

«Я встречал людей пострашнее вас, Ваша светлость», — подумал Ленуар, но вслух сказал:

— Леди Зера мертва.

— В самом деле? — мягко ответил Уоррик. То ли он уже знал об этом, то ли ему было искренне наплевать. Скорее всего, и то, и другое.

— Как и ее последователи. Ее планы разрушены.

Уоррик бросил нетерпеливый взгляд на потолок.

— Ваше время на исходе, инспектор. Какое отношение все это имеет ко мне?

— Мы оба знаем ответ. Вы согласились предоставить Лосу и его клану значительный участок земли в обмен на его попытку воскресить вашего мёртвого сына. Зера была посредником. И она пришла к вам первая, или вы её нашли сами — сейчас не важно.

Уоррик скрестил на груди руки, глядя на инспектора со скучающим выражением лица:

— Вы пришли сюда, просто чтобы повторить ваши абсурдные обвинения? Вы тратите и моё и своё время.

— Я пришёл сюда, что сказать вам: я знаю.

Ленуар замолчал, пытаясь сдержать готовый прорваться гнев.

— Я знаю, что вы сговорились с Зерой, и я сильно подозреваю, что вы вынашиваете и другие планы, не менее тёмные. Знаки повсюду, надо просто уметь их замечать. Ваши сделки приносят огромную прибыль, но они скрыты от глаз. Ни друзей, ни деловых партнёров, и вы постоянно отрицаете, что заняты чем-то. Любой, кто вас встречал, скажет, что у вас мало свободного времени, но никто не может сказать, чем вы занимаетесь. Всё это очень подозрительно, Ваша светлость.

— И вы единственный, кто это заметил.

— Сомневаюсь. Возможно, я единственный, кто видит в этом проблему.

— И куда вас это приведёт? — спросил Уоррик, его глаза опасно блеснули.

Ленуар пожал плечами:

— Я не могу ничего доказать, как вы должно быть знаете, но наступит момент...

Уоррик засмеялся. Это был резкий, неприятный звук, будто он забыл, как это правильно делается.

— Вы мне угрожаете?

— Разумеется, нет. Я не в том положении, чтобы угрожать Вам. Но Вы не так неприкосновенны, как Вам кажется, и однажды я намерен доказать это.

Улыбка на лице герцога не дрогнула.

— Как смело. Это напоминает мне время, когда мой маленький сын сказал, что хочет быть убийцей драконов, когда вырастет. И знаете, что я ему сказал? Будь осторожней, сынок, чтобы не обжечься.

Ленуар с серьёзным видом склонил голову.

— Звучит, как хороший совет, Ваша светлость.

Уоррик взял маленький колокольчик и позвонил, вызывая дворецкого. Тот появился почти мгновенно. Ленуар надеялся, что-то ничего не слышал из-за двери — ради его же блага.

— Я желаю вам хорошего дня, инспектор, — произнёс Уоррик, — и удачи в ваших поисках.

Ленуар последовал за слугой к выходу из поместья, не обращая внимания на пронизывающий взгляд мужчины. За это время пошёл снег. Маленькие, острые бусинки льда падали сверху на инспектора, охлаждая его не покрытую шляпой макушку. Тёмное небо нависло прямо над крышами домов, и снегопад грозил затянуться надолго. Ленуару предстоит долгая холодная поездка.

Ленуар приподнял воротник и поблагодарил Бога за хорошее пальто.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Заметки

[←1]

Эфа — резонаторное отверстие в корпусе скрипки.

[←2]

Оригинальное название города — Berryvine — состоит из двух английских слов: Berry (ягода) и vine (виноград, лоза).

[←3]

Хайд — мера земельной площади = 100 акрам = 40,47 га.

[←4]

Касситеридские острова, или Касситериды — название Британских островов в те времена, когда финикийцы торговали с ними оловом. От греческого «касситерит» — главный рудный минерал для получения олова.